

ISSN 1995-5650

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА І СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ

НАВУКОВЫ ЗБОРНІК

Заснаваны ў 2002 годзе

Выпуск 11

**МІНСК
БДУ
2016**

Навуковы зборнік «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» прадстаўляе працы навукоўцаў гістарычнага факультэта БДУ і іншых навучальных устаноў рэспублікі. Кніга складаецца з раздзелаў: «Крыніцазнаўства», «Гістарыяграфія», «Спецыяльныя гістарычныя навукі» і інш.

Рэдакцыйны савет:

доктар гістарычных навук прафесар *У. Н. Сідарцоў* (старшыня);
кандыдат гістарычных навук дацэнт *С. М. Ходзін* (намеснік старшыні);
доктар гістарычных навук прафесар *Л. І. Бародкін*;
доктар гістарычных навук прафесар *Г. Я. Галенчанка*;
доктар гістарычных навук акадэмік *М. П. Касцюк*;
доктар гістарычных навук прафесар *А. Г. Кахановіч*;
доктар гістарычных навук прафесар *С. Р. Кашчанка*;
доктар гістарычных навук прафесар *М. Ф. Піліпенка*;
доктар гістарычных навук прафесар *Ю. А. Свяцёц*

Рэдакцыйная калегія:

кандыдат гістарычных навук дацэнт *С. М. Ходзін* (адказны рэдактар);
доктар гістарычных навук прафесар *Э. М. Савіцкі* (намеснік адказнага рэдактара);
кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. М. Бяляўскі*;
доктар гістарычных навук прафесар *У. С. Кошалёў*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *В. Л. Ліпніцкая*;
доктар гістарычных навук прафесар *В. І. Меньковіч*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. П. Салькоў*;
доктар гістарычных навук прафесар *В. А. Фядосік*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *М. Ф. Шумейка*;
кандыдат гістарычных навук прафесар *А. А. Яноўскі*

Вышэйшай атэстацыйнай камісіяй Рэспублікі Беларусь зборнік «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навукх.

ПРАДМОВА

У адзінаццатым выпуску навуковага зборніка «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» традыцыйна прадстаўлены раздзелы: «Крыніцазнаўства», «Гістарыяграфія», «Спецыяльныя гістарычныя навукі» і інш. У артыкулах паказаны розныя гістарычныя напрамкі, даследчыя інтарэсы.

Зборнік пачынаецца раздзелам «Крыніцазнаўства», дзе аналізуюцца публікацыі разнастайных крыніц па гісторыі Беларусі. Так, у артыкуле С. Л. Лугаўцовай на падставе мемуараў ураджэнца Гродзенскай губерні Юзафа Пшэцлаўскага разглядаецца дзейнасць у 1820—30-я гг. Сената Расійскай імперыі. А. А. Гужалоўскі па пратаколах пасяджэнняў прафсаюзнай арганізацыі БДУ 1929/30 навучальнага года раскрывае механізм палітычнай чысткі студэнцтва, яе мэты і наступствы, а ў артыкуле С. А. Захаркевіча праз аналіз палявых этнаграфічных сшыткаў адлюстроўваюцца паўсядзённасць і ўмовы правядзення фальклорна-этнаграфічных экспедыцый Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР у 1940-я гг.

Артыкул А. І. Малюгіна прысвечаны твору, які вядомы ў навуцы як «*Historia Brittonum*» і прыпісваецца Ненію, пераносіць чытача да рымскай гісторыі і культуры ў гістарычнай памяці брытаў.

Новы тып крыніц (электронныя) прадстаўлены навучэнкай аспірантуры Г. Шамагун. Аўтар характарызуе пяць груп дакументальных крыніц па рэканструванні эстонскай сістэмы электроннага ўрада.

У раздзеле «Гістарыяграфія» падаюцца вобразы французскіх манархаў эпохі абсалютызму. Так, у артыкуле Л. У. Ландзінай абмяркоўваюцца праблемы інтэрпрэтацыі гэтых персаналій XVI — сярэдзіны XVIII ст. савецкімі гісторыкамі 1920—50-х гг. З пункту гледжання дыскурсіўнага падыходу аўтар раскрывае пераемнасць ацэнак дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі, адценні трактовак савецкіх гісторыкаў.

А. А. Савіч даследуе і гістарыяграфічныя, і крыніцазнаўчыя аспекты гісторыі шарваркавай павіннасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. Аўтарам зроблены вывады аб недастатковай навуковай распра-

цаванасці тэмы, наяўнасці значнага масіву архіўных дакументаў, якія чакаюць сваіх даследчыкаў.

Некалькі гістарыяграфічных артыкулаў прадстаўлены маладымі беларускімі навукоўцамі: аспірантамі і саіскальнікамі навуковых ступеняў. Геаграфія іх даследаванняў надзвычай шырокая: ад Беларусі да Аўстраліі і Іспаніі, храналагічны дыяпазон — ад XIX да XX ст. У артыкуле А. Чыжа апісаны чатыры напрамкі даследавання энергетычнай бяспекі як навукоўцамі, так і экспертамі міжнародных арганізацый.

Змястоўным атрымаўся раздзел «Спецыяльныя гістарычныя навукі». Тры артыкулы (В. Сідаровіча, В. Юргенсона і І. Н. Колабавай) прысвечаны пытанням нумізматыкі Беларусі: гісторыі вывучэння антычных манет, грашовым рэформам Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы і архіўным матэрыялам аб следчых мерапрыемствах, звязаных з праблемай незаконнай пераплаўкі расійскай меднай манеты.

У артыкуле Д. В. Марозава разглядаюцца падыходы да аховы помнікаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921—1939 гг., вызначаюцца напрамкі ў польскай і расійскай гістарыяграфіі па гэтай праблематыцы.

Чытачы зборніка працягнуць знаёмства з вядомым помнікам эпіграфікі — графіці Спаса-Праабражэнскай царквы г. Полацка. На гэты раз І. Л. Калечыц раскажа пра надпісы ў келлі Еўдакіі, сястры Еўфрасінні Полацкай.

Вопыт стварэння базы даных гістарычных крыніц не новы. Аднак у айчынным навуцы гэта не атрымала шырокага распаўсюджання. Падобная методыка выкарыстоўваецца С. М. Ходзіным і Д. М. Бузуном у дачыненні да крыніцы па гісторыі беларускай вёскі міжваеннага часу (перапісу 1926 г.), дзе ўтрымліваецца яе колькасная характарыстыка. Матэрыялы гэтай статыстычнай крыніцы таксама заставаліся па-за разглядам беларускіх гісторыкаў.

Раздзел «Юбілеі» прысвечаны дзвюм падзеям: у студзені 2016 г. споўнілася 175 гадоў з дня нараджэння вядомага расійскага гісторыка В. В. Ключэўскага, а ў лютым — 110 гадоў з дня нараджэння М. М. Улашчыка, беларускага савецкага гісторыка, выпускніка БДУ.

Рэдкалегія

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ

НОВЫЯ ДАКУМЕНТЫ ПРА ПАЛІТЫЧНУЮ ЧЫСТКУ СТУДЭНТАЎ БДУ Ў 1929/30 НАВУЧАЛЬНЫМ ГОДЗЕ

Разглядаецца працэс пралетарызацыі вышэйшай школы БССР на прыкладзе палітычнай чысткі студэнтаў БДУ ў 1929/30 навучальным годзе. Раскрываецца механізм чысткі, яе мэты і наступствы. Паказваецца, што ў аснове стаўлення ўлады да студэнтаў быў класавы падыход; перавага надавалася прадстаўнікам рабочага класа і бяднейшага сялянства. З 1929/30 навучальнага года атрымаць вышэйшую адукацыю дзецям прадстаўнікоў былых «эксплуататарскіх» класаў, а таксама нэпманаў і заможных сялян стала немагчыма.

The article discusses the process of proletarianization of higher educational institutions in Soviet Belarus and its results. The students purge at Belarusian State University in 1929/30 academic year was chosen as an example. An author disclosed the class approach which the Belarusian state and the Communist party authorities exercised to the high school students. The sons of factory and farm laborers formed the privileged group. Since 1929/30 academic year it was impossible for the children of former 'exploitation' class representatives, as well as entrepreneurs and well-to-do farmers to get higher education

Ключавыя словы: пралетарызацыя; сацыяльнае паходжанне; чысткі; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; студэнт; прафсаюзная арганізацыя.

Keywords: proletarianization; social origin; purges; Belarusian State University; high school student; trade union organization.

Палітычныя чысткі савецкага студэнцтва, найбольш радыкальныя сродкі ў арсенале мерапрыемстваў па пралетарызацыі савецкай вышэйшай школы на працягу 1920-х гг., такіх як стварэнне рабфакаў, квоты

Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч — прафесар кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук.
E-mail: huzhalouski@gmail.com

для абітурыентаў, выплата стыпендый і забеспячэнне інтэрнатам паводле класавай прыкметы, ужо апісаны шэрагам расійскіх [10] і беларускіх [9] даследчыкаў. Навукоўцы вызначаюць хвалі чыстак 1922/23, 1924/25, 1925/26 навучальных гадоў, кожная з якіх мела свае асаблівасці і была вызначана рознымі абставінамі сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця СССР. У іх выніку склад студэнтаў — членаў прафсаюза БДУ набыў наступны выгляд (табл. 1).

Палітычная чыстка, што адбылася ў савецкіх ВНУ ў 1929/30 навучальным годзе, таксама мела свае асаблівасці, якія абумовіў год, абвешчаны Сталіным «годам вялікага пералому». Да канца 1920-х гг. сталінскае кіраўніцтва адмовілася ад новай эканамічнай палітыкі і перайшло да фарсіраванай пабудовы сацыялізму, што патрабавала вырашэння новых палітыка-ідэалагічных задач, у тым ліку падрыхтоўкі ў сціслыя тэрміны новых пралетарскіх кадраў. Менавіта такія задачы ў 1929 г. ставілі ліпеньскі і лістападаўскі пленумы ЦК УсеКП(б), рашэнні якіх абмяркоўваліся ва ўсіх савецкіх ВНУ [12].

Да 1929 г. ВНУ былі ўключаны ў сістэму жорсткага цэнтралізаванага кіравання і планавання, падобную да той, што існавала ў народнай гаспадарцы. Да «года вялікага пералому» зніклі рэшткі акадэмічных свабод, большасць якіх была абмежавана ў першыя гады савецкай улады: выбары рэктараў, дэканаў, іншых кіраўнікоў. Кіраўніцтва дзейнасцю вышэйшай школы ажыццяўлялася разгалінаванай сістэмай партыйных органаў, што існавала ў сістэме адукацыі, або праз дзяржаўныя структуры і грамадскія арганізацыі. Народны камісарыят асветы БССР прапанаваў кіраўніцтву БДУ да канца 1929/30 навучальнага года перайсці на новыя вучэбныя планы, скарачаныя ў параўнанні з папярэднімі ў два разы. Адпаведна з чатырох да двух гадоў планавалася скараціць тэрмін навучання студэнтаў ва ўніверсітэце, што фактычна пераўтварала яго ў сярэдняю спецыяльную навучальную ўстанову [9, арк. 1]. Пазітыўныя захаваны, якія прадугледжвалі матэрыяльна-тэхнічнае ўмацаванне вышэйшай школы, перш за ўсё тэхнічных і часткова прыродазнаўчых спецыяльнасцей, суправаджаліся хвалямі ідэалагічных кампаній, якія пасля «шахцінскай справы» 1928 г. набылі злавесны характар.

Пачатак чарговай кампаніі па ачыстцы студэнцтва БДУ ад «варожых элементаў» рэспубліканская газета «Рабочий» абвясціла 2 лютага 1929 г. [13, с. 5]. На працягу месяца газета надрукавала яшчэ два матэрыялы, якія ў адрозненне ад першага мелі прыкладны характар і вучылі, як трэба распазнаваць і пазбаўляцца ад «ворагаў» у студэнцкім асяродку [1, с. 3].

Таблица 1

Склад студэнтаў — сяброў прафсаюза БДУ (на 15 верасня 1929 г.)

Факультэт	Усяго студэнтаў	Сяброў прафсаюза (абсалютная колькасць)	Сяброў прафсаюза (колькасць у %)	Рабочых	Сялян	Служачых і інш.	Сяброў УсеКП(б)	Сяброў камсамола	Беспартыйных	Беларусаў	Ліўрэў	Іншых
Педагагічны	1075	638	58	78	289	271	108	140	390	—	—	—
Права і гаспадаркі	740	405	54	125	88	192	117	124	164	174	205	26
Медыцынскі	637	454	71	127	164	163	54	94	306	237	182	35
Рабочы	408	248	62	170	78	—	106	91	51	166	78	4
Усяго	2860	1745	61	500	619	626	385	449	911	—	—	—

Пралетарызацыя кадрэў была галоўнай тэмай абмеркавання на XII канферэнцыі студэнтаў БДУ, якая адбылася 5—6 кастрычніка 1929 г. з удзелам рэктара У. І. Пічэты¹, наркама асветы А. М. Платуна², прадстаўнікоў рэспубліканскага партыйнага кіраўніцтва. На канферэнцыі канстатавалася, што на чатырох факультэтах, якія меліся тады ва ўніверсітэце, за выключэннем рабфака, куды прымаліся толькі дзеці рабочых і бяднейшых сялян, рабочыя складалі меншасць. З 40 аспірантаў, якія навучаліся ў той час у БДУ, рабочае паходжанне мелі толькі два, а дзецьмі рабочых з’яўляліся тры. Гучалі заклікі да далейшага «ачышчэння» БДУ, які лічыўся «пярэднім краем ідэалагічнага фронту», ад дзяцей капіталістычных элементаў — прадпрымальнікаў, нэпманаў, кулакоў. Характэрна, што колькасць студэнтаў, якія павінны быць выключаны, планавалася загадзя. Да канца 1929/30 навучальнага года сацыяльны склад студэнцтва БДУ павінен быў выглядаць наступным чынам: рабочыя — 50 %, батракі — 10, беднякі — 13, сярэдніякі — 10, служачыя — 17 % [2, арк. 7]. Выступоўцы заклікалі павысіць пільнасць у дачыненні да студэнтаў («быў факт, што т. Богдан выключалі 4 разы за ўскрыцьцё матар’яльнага становішча») і выкладчыкаў («прафэсар Мелкіх³ выказваў думку, што чалавек грамадзкі ня можа быць навуковым працаўніком... адзін з прафэсуры кажа, што тыф разьвіваецца ў БССР таму, што тут існуе дыктатура пролетарыяту... часта можна пачуць такія выразы, што ўрач патрэбен для ўсяго чалавецтва») [5, арк. 42, 44]. Моцна крытыкавалася былое кіраўніцтва Наркамасветы, якое пры непасрэдным удзеле наркама А. В. Баліцкага⁴ ў 1928/29 навучальным годзе аднавіла ў БДУ 36 з 58 сту-

¹ Пічэта Уладзімір Іванавіч (1878—1947) будзе арыштаваны па «акадэмічнай справе» менш чым праз год пасля свайго выступлення на гэтай канферэнцыі.

² Платун Антон Мартынавіч нарадзіўся ў 1896 г. у Нясвіжскім пав., скончыў народнае вучылішча, займаў розныя пасады ў партыйным, савецкім і прафсаюзным апаратах, у 1929 г. змяніў аднаго з архітэктараў палітыкі беларусізацыі А. В. Баліцкага на пасадзе народнага камісара асветы. З 1931 г. — акадэмік, у 1933 г. пераведзены на партыйную працу ў Заходнюю Сібір. Арыштаваны як «вораг народа» ў 1937 г., праз год памёр у зняволенні.

³ Мелкіх Сяргей Міхеевіч (1877—1952) — доктар медыцынскіх навук, прафэсар, член-карэспандэнт АН БССР, дэкан медыцынскага факультэта БДУ (да 1930 г.). Нарадзіўся ў сям’і ўрача ў Маскве. Удзельнік Першай і Другой сусветных войнаў. Выдатны арганізатар аховы здароўя, медыцынскай адукацыі і навукі ў БССР.

⁴ Баліцкі Антон Васільевіч нарадзіўся ў 1891 г. у в. Балічы Гродзенскай губ., скончыў Віцебскі настаўніцкі інстытут, удзельнік Першай сусветнай вайны. З 1922 г. — намеснік наркама, з 1926 па 1929 г. — наркам асветы БССР. У 1930 г. арыштаваны па справе «Саюза вызвалення Беларусі», прыгавораны да 10 гадоў ППЛ, у 1937 г. пасля паўторнага арышту расстраляны як «вораг народа».

дэнтаў, выключаных студэнцкімі сходамі падчас кампаніі па «самаачышчэнні»⁵.

Кампанія 1929/30 навучальнага года суправаджалася нагнятаннем асобай напружанай атмасферы і фарміраваннем вобраза ворага — як унутранага, так і знешняга, — які нібыта актыўна ўздзейнічаў на працэсы, што адбываліся ў краіне. Істэрыя, звязаная з пагрозай магчымага нападу на СССР, сумяшчалася з неабходнасцю барацьбы з тымі, хто супрацьстаяў паскарэнню тэмпаў сацыялістычнага будаўніцтва. Былі зняты з працы або з'ехалі шмат прафесараў, так старанна падабраных У. І. Пічэтам. За факультэтамі замацавалі падшэфныя сельсаветы, дзе выкладчыкі і студэнты дапамагалі рэалізоўваць планы партыі па суцэльнай калектывізацыі. Ва ўніверсітэце рэгулярна праводзіліся дні індустрыялізацыі, а таксама міжнародныя Чырвоныя дні. Была разгорнута вайсковая падрыхтоўка студэнтаў, якая прадугледжвала наладжанне сувязей з Чырвонай арміяй, арганізацыю сустрэч з ветэранамі грамадзянскай вайны, утварэнне вайсковых гурткоў. 24 лютага 1929 г. студэнты БДУ «па ротах» бралі ўдзел у святочным ваенным парадзе ў Мінску. А 3 сакавіка па вуліцах Мінска прайшла студэнцкая дэманстрацыя, прысвечаная Дню пралетарскага студэнцтва, удзельнікі якой неслі лозунгі: «Далейшая пралетарызацыя ВНУ і замацаваньне рабфаку», «Ачышчэнне БДУ ад сацыяльна і ідэолёгічна варожых элементаў», «Згуртаваньне студэнцтва вакол Камуністычнай партыі для барацьбы з клясамымі ворагам» [6, арк. 56, 64].

Пралетарызацыя разглядалася як працэс абнаўлення студэнцтва не толькі паводле сацыяльнага або маёмаснага становішча, але таксама паводле светапогляду. Для выяўлення «палітычнага твару» таго ці іншага студэнта арганізатары чыстак збіралі звесткі пра яго з дапамогай «інфарматараў», напрыклад у інтэрнатах. Так, у красавіку 1929 г. пасля праверкі працы інтэрнатаў БДУ Выканбюро прафсекцыі БДУ ў якасці галоўнага недахопу вызначыла «недастатковае выяўленьне варожых настрояў, слабое прыцягненьне да гэтага старшковаў і студэнцкага актыву, жывучага ў інтэрнатах» [6, арк. 44].

Усе студэнцкія сходы, таксама як і пасяджэнні прафсаюзных камітэтаў, былі адкрытымі. Па задуме ідэолагаў, сапраўдны твар студэнтаў не пралетарскага паходжання, іх далейшы лёс павінен быў вызначацца пры актыўным удзеле таварышаў. «За кулісамі» гэтай публічнай дзеі застава-

---

⁵ Усіх студэнтаў, узноўленых паводле разалюцыі Наркамсветы, было вырашана паўторна «паставіць» на абмеркаванне студэнцкіх сходаў.

лася праца камісій і брыгад па выяўленні або фабрыкацыі рознага кампрамату на студэнтаў. Звяртае на сябе ўвагу тое, што шмат адлічэнняў было з апошняга, чацвёртага, курса, за 2—3 экзамены да атрымання дыплама. Чысткі студэнцкіх калектываў суправаджаліся непазбежнымі асабістымі трагедыямі. Даведзеныя да адчаю студэнты-ізгоі адмаўляліся ад бацькоў-«эксплуататараў», спрабавалі здабыць даведкі пра сваё «слухнае» сацыяльнае паходжанне. Не абыходзілася без звязнення асабістых рахункаў. Лёс прызначанага да чысткі студэнта магло змяніць да лепшага публічнае пакаянне.

Новы ракурс чысткі студэнцкіх калектываў набываюць з дапамогай важнай групы першакрынці, а менавіта — пратаколаў пасяджэнняў прафсаюзнай арганізацыі БДУ 1929/30 навучальнага года, большасць з якіх дагэтуль не ўводзілася ў навуковы зварот. У той час прафсаюзы ўжо сталі неад’емнай часткай знакамітага «трохкутніка» (адміністрацыя, парткам, прафкам). Дзейнасць прафсаюзаў, якія знахозіліся пад поўным кантролем камуністычнай партыі, зводзілася пераважна да вырашэння пытанняў сацыяльна-бытавога характару, арганізацыі сацспарборніцтва, дэманстрацый і суботнікаў. Нягледзячы на тое што адзяржаўліванне прафсаюзаў пазбаўляла іх найважнейшай функцыі — абароны праў працоўных перад адміністрацыяй, — без фармальнай згоды прафсаюзнай арганізацыі ў той час яшчэ немагчыма было не толькі звольніць работніка, але нават змяніць умовы яго працы. На шляху ад сходаў студэнцкіх калектываў факультэтаў да адміністрацыі ўніверсітэта справы студэнтаў (сяброў прафсаюзнай арганізацыі), што падлягалі чыстцы, праходзілі прамежкавае зацвярджэнне ў Выканаўчым бюро прафсаюзных секцый БДУ — вышэйшым органе, якому падпарадкоўваліся ўсе студэнцкія прафсаюзныя арганізацыі ўніверсітэта. Справы 11-га вопісу 205-га фонду НАРБ дазваляюць рэканструяваць гэты працэс у падрабязнасцях.

На пасяджэнні Выканбюро прафсекцый БДУ 4 чэрвеня 1929 г. (прысутнічалі Сыцько, Іванішчанка, Бімц, Воранава, Аўчыннікаў, Святачэўская, Бало, Лейбман, Долбік) вырашалі лёсы трох студэнтаў, выключаных з універсітэта: пастановай прафкама педфака — студэнтаў Глазунова і Русака, пастановай прафкама медфака — студэнткі Рубенчык.

Глазуноў абвінавачваўся ў публічных выказваннях пра нежыццёвасць камун, а таксама дарэмнае аказанне дапамогі бедным сялянам, якія, на яго думку, насамрэч былі лайдакамі. Спрабуючы адвесці ад сябе гэтыя абвінавачванні, якія набывалі змрочны палітычны характар, студэнт запэўніваў прысутных: «Я гаварыў адносна жыццёвасці камун толькі

адносна сваіх мясцовых, дзе тры камуны распаліся, дзякуючы таму, што ім не была ўдзелена належная ўвага і калі гэта я гаварыў, то гэтага нельга абагульняць, што я, як быццам, супроць камун. На пытаньне аб становішчы сельскай гаспадаркі гаварыў, што наша сельская гаспадарка адстае ў сваім развіцьці, але адмаўляю, што гэта ёсьць дэградацыя сельскай гаспадаркі... Прызнаю сваю памылку ў экспорце хлеба, думаючы раней, што ў нас хлеба малавата, дзякуючы таму, што многа вывозяць за межы». Пасля падобнага адказу Выканбюро прафсекцый БДУ пастанавіла не падтрымаць пастанову прафкама педфака аб выключэнні Глазунова, бо яго ідэалогія не мела варожага характару і, самае галоўнае, ён ужо скончыў універсітэт. Адначасова вырашылі прасіць дэканат і Наркамасветы БССР, каб яны ўлічылі факты публічных выказванняў Глазунова падчас яго накіравання на працу і далі яму магчымасць працаваць або ў прымітыўцы⁶, або пад непасрэдным назіраннем грамадазнаўцаў.

Рашэнне прафкама педфака аб выключэнні студэнта Русака было прынята на падставе яго эмацыйных выказванняў аб белым афіцэрстве, камуністах, а таксама... запісу ў кнізе скаргаў у студэнцкай сталоўцы. Русак спрабаваў апраўдацца наступным чынам: «Фраза пра афіцэрства ў мяне проста вырвалася, бо ніякіх жаданняў у мяне няма быць афіцэрам. Гісторыю яно мае з маленства маіх год, дзе я, нічога не разумеючы, марыў быць афіцэрам. Адносна эканоміі на сваім уласным страўніку — гэты факт быў у сталоўцы № 3, дзе я прышоў абедць і мне падалі мала хлеба, пасля чаго я быў абуран супроць гэтага факту і напісаў у кнігу скаргаў: “Эканомце на сваім уласным страўніку, а не на маім”. Каб я хацеў гэту справу замазаць, то я не напісаў бы свайго прозвішча і адрасу. Адносна выразу, што “такіх камуністых усіх бы перавешаў” — была такая справа. Агульны сход, на якім разбіралася мая справа, быў пастаўлен так, што не было магчымасці ні аднаму студэнту выказацца “за” і студэнты проста з-за баязні не змаглі стаць у абарону мяне. Уся траўля пачалася на мяне з тых часоў, як я напісаў замку ў газету “Рабочий” пад заглаўкам “Своя рубашка бліжэ к телу”⁷. Да гэтага часу я быў звычайным студэнтам і ніхто ня бачыў у мяне нічога контррэвалюцыйна-

⁶ Прымітыўка (лікпункт) — школа ліквідацыі непісьменнасці з трохмесячным тэрмінам навучання.

⁷ Верагодна, гутарка ідзе пра наступны крытычны матэрыял, прысвечаны педагогічнаму факультэту БДУ: Бригадир Эрес. «Производственный» смотр Белорусского государственного университета // Рабочий. 1929. № 121. 31 мая. С. 4.

га». На гэты раз Выканбюро прафсекцый вырашыла пагадзіцца з пастановай прафкама педфака і хадайнічаць перад праўленнем БДУ аб выключэнні Русака з універсітэта.

Студэнтка медфака Рубенчык, на думку прафкама факультэта, праявіла сябе як «чужы элемент». Гэта пацвярджалася наступнымі фактамі: 1. Калі ў Рубенчык запыталі, ці плануе яна ўступаць у прафсаюз, то яна адказала: «Прынцыпова не хачу стаць членам саюзу таму, што прафком пытае аб сацыяльным паходжэнні»; 2. На адным са студэнцкіх сходаў студэнтка абразіла прэзідыум за тое, што ёй не далі слова; 3. Калі ў час правядзення перавыбараў гарсавета ладзілася дэманстрацыя студэнцтва, студэнтка заявіла: «Што-ж, пойдзем атрымоўваць назву пролетарскага студэнта»; 4. На прапанову выпісаць творы Леніна на беларускай мове студэнтка адказала: «Выпішу, калі выйдуць на яўрэйскай мове»; 5. На апошнім курсавым сходзе Рубенчык стала абараняць студэнтаў, асуджаных усім курсам як «прафесарскія падхалімы». На падставе ўсяго гэтага Выканбюро прафсекцый БДУ ў адсутнасці самой Рубенчык падтрымала рашэнне прафсаюзнай арганізацыі медфака аб яе выключэнні [6, арк. 26—30].

8 чэрвеня 1929 г. адбылося пасяджэнне Выканбюро прафсекцый БДУ (прысутнічалі Сыцько, Іванішчанка, Бімц, Воранава, Аўчыннікаў, Святачэўская, Бало, Лейбман, Долбік, Камароў, Баркоўскі), на якім вырашаўся лёс студэнта Зубаткіна. Прафкам педфака патрабаваў яго адлічэння за падхалімства перад прафесарам А. А. Смолічам, а таксама «галасаваньне супраць марксысцкіх тэм». Аднак Выканбюро не падтрымала рашэння прафсаюзнай арганізацыі педфака, бо не знайшло пацвярджэння фактам, якія кампраметавалі Зубаткіна [6, арк. 41].

На сваім першым пасяджэнні ў 1929/30 навучальным годзе, якое адбылося 3 кастрычніка 1929 г. (прысутнічалі Сыцько, Іванішчанка, Бімц, Воранава, Аўчыннікаў, Святачэўская, Бало), Выканбюро прафсекцый БДУ разглядала справу студэнта Гаўзэ. Высветлілася, што ён «...на працягу ўсяго прабывання ва ўніверсітэце праявіў сябе як ідэалёгічна-варожы элемент, што пацвярджаецца наступнымі фактамі: 1. Пачынаючы з 1926 г. на семінарскіх занятках адстаіваў ідэалістычны пункт погляду; 2. У 1927 г. быў арыштаваны ГПУ за ўдзел у арганізацыі меншавіцкай групы і сіоністскія погляды; 3. У 1928/29 навучальным годзе у час прыёму залікаў выступіў з актыўнай абаронай рэвізіяністскіх поглядаў і на заўважаньне дацэнта аб тым, што ён не ўсвядоміў ленінскага погляду на імперыялізм, аблаяў апошняга». У сваёй апеляцыі ў Выкан-

бюро Гаўзэ не адмовіўся ад уласных поглядаў, што канчаткова ўмацавала рашэнне прафсаюзных кіраўнікоў аб немагчымасці яго далейшага знаходжання ва ўніверсітэце [6, арк. 3].

Рэарганізацыя вучэбнага працэсу ў 1929/30 навучальным годзе вымагала перабудовы ўсёй сеткі прафсаюзных арганізацый БДУ. У адпаведнасці з рашэннем пленума ЦБ Пралетстуда ў кастрычніку 1929 г. Выканбюро прафсекцый БДУ было рэарганізавана ў адзіны Прафкам працаўнікоў асветы БДУ (студэнтаў), які складаўся з прафбюро па факультэтах і прафупаўнаважаных па акадэмічных групам. Ужо на сваім першым пасяджэнні 18 кастрычніка 1929 г. (прысутнічалі Рабцэвіч, Юркоў, Гацко, Туравец, Шынкевіч, Куніцкі, Канцавая) Прафкаму працасветы давялося разглядаць справу аб выключэнні з саюза студэнта 3-га курса педфака Норкіна, які не толькі не браў удзелу ў грамадскім жыцці ўніверсітэта, але схаваў сваё сапраўднае сацыяльнае паходжанне («у дакумэнтах паказана, што служачы, у той час як бацькі маюць млын і звалены права голасу, а ў анкеце ўказана, што яны саматужнікі»). Апошні аргумент быў вырашальны — Норкіна з саюза выключылі. Праз некалькі дзён дэканат педфака задаволіў хадайніцтва Прафкама аб яго адлічэнні [3, арк. 3].

Наступным фігурантам справы аб адлічэнні, якая разглядалася Прафкамам працасветы БДУ 25 кастрычніка 1929 г. (прысутнічалі Рабцэвіч, Катушонак, Юркоў, Гацко, Туравец, Шынкевіч, Вальфсон, Канцавая, Маліноўскі і Журык), стала студэнтка педфака Горфінкель. Яна абвінавачвалася ў тым, што без ведама прафсаюзных органаў наладзіла збіранне грошай на пахаванне заўчасна памерлай аднакурсніцы і сяброўкі Гарцман, а таксама ва ўдзеле ў яе пахаванні паводле іўдзейскага абраду. На пасяджэнне Прафкама была запрошана аднакурсніца абвінавачанай — Сарочанка, якая заявіла, што паводзіны Горфінкель «...ні ў якім разе не дапусьцімы як для студэнтцы IV курса Прыродазнаўчага адзялення, якая праз некалькі месяцаў паедзе выкладаць Прыродазнаўства і весьці антырэлігійную працу сярод працоўнага насельніцтва». Прафкам паставіў выключыць студэнтку Горфінкель з Саюза працасветы, а аднакурсніцам, што ўдзельнічалі ў пахаванні сяброўкі (Бондаравай, Камаровай, Юдзіцкай, Г. Бунінай, Х. Бунінай, Штэйн, Барышанскай, Каган, Паўловіч), даць суровую вымову, прычым па заканчэнні ўніверсітэта занесці ім у характарыстыку: «На працягу навучання была вынесена суровая вымова за ўдзел у рэлігійным пахаванні» [3, арк. 6, 8].

Вельмі насычаным было пасяджэнне Прафкама працасветы БДУ 14 лістапада 1929 г. (прысутнічалі Катушонак, Юркоў, Гацко, Шынкевіч,

Журык), на якім чатыры студэнты былі выключаны з прафсаюза з задайніцтвам перад дэканатам аб іх адлічэнні, а справу аднаго студэнта перадалі на даследаванне.

Студэнт 2-га курса літаратурна-лінгвістычнага аддзялення педфака Шурпо быў выключаны за схаванне свайго сацыяльнага становішча («бацька да 1917 г. быў жандарм, а ў анкеце напісана — працаваў на чыгунцы»), пастанавілі таксама прыцягнуць да адказнасці сакратара мясцама, які заверыў анкету Шурпо. Студэнта 3-га курса фізіка-матэматычнага аддзялення педфака Гітлевіча, ужо выключанага да таго часу з камсамола, выключалі з прафсаюза паводле падобнага абвінавачвання — яго бацька быў уласнікам скуранага прадпрыемства. Студэнт 2-га курса фізіка-матэматычнага аддзялення педфака Бараноўскі меў не толькі бацькоў-кулакоў, абкладзеных падаткам у індывідуальным парадку, але таксама брата, які пражываў у Польшчы. Таму Прафкам паставіў пытанне аб яго выключэнні не толькі з універсітэта, але таксама з камсамола. Больш за іншых не пашанцавала студэнту педфака Касікоўскаму, які 14 лістапада 1929 г. пазбавіўся членства ў прафсаюзе толькі за тое, што «... не выявіў на курсе свайго палітычнага твару».

Цяжкія абвінавачванні ў дваранскім паходжанні, заможнасці бацькоў, а таксама ў службе афіцэрам у дзянікінскай арміі былі высунуты супраць студэнта Крукоўскага ў заяве, якая паступіла ў Прафкам ад яго «дабрачыліўцы». Крукоўскі, ведаючы пра змест даносу, абачліва запрасіў з сабой на пасяджэнне Прафкама сведку — студэнта Новіка, які абвяргаў усе абвінавачванні: «Добра ведаю Крукоўскага, будучы яшчэ вучням. Быў у яго дома і бачыў, што браты яго жывуць небагата. Дваранства яго не лічу дваранствам, бо гэта толькі фармальнае дваранства, яно не адпавядае сапраўднасці». Гэтыя паказанні, прынамсі часова, выратавалі Крукоўскага, абвінавачванні супраць якога было вырашана адправіць на праверку ў мясцовыя органы ўлады на яго радзіму [3, арк. 13].

На пасяджэнні Прафкама працасветы БДУ 4 снежня 1929 г. (прысутнічалі Катушонок, Каліноўскі, Гацко, Шынкевіч, Канцавая, Вальфсон, Куніцкі, Журык, а таксама прафсаюзныя дэлегаты курсаў) вырашаліся лёсы дваіх студэнтаў сацыяльна-гістарычнага аддзялення педфака БДУ. Студэнтку 3-га курса Аксельрод, якая была дачкой гандляра, у яе адсутнасці выключылі хутка і адзінагалосна «за схаванне сацыяльнага паходжання». Выключэнне студэнта 4-га курса Ляшэвіча, які абвінавачваўся ў нацыянал-дэмакратызме, а таксама прапагандзе «кулацкай і жандарскай» ідэалогіі, заняло больш часу.

Ляшэвіч выбудаваў сваю абарону наступным чынам: «У кулака і жандарма не нацыянал-дэмакратычныя выступленьні, а контр. рэвалюцыйныя. Нацыянал-дэмакратаў я абараняць ніколі не зьбіраўся. Да кулацкай ідэалогіі я ніколі не дачыняўся і не дачыняюся. Я зрабіў памылку, што выступіў па гэтаму пытаньню, бо кожнае выступленьне падхватваецца контр. рэвалюцыйнымі элементамі. Я лічу, што пасья XII Зьезду⁸ не планамерна ажыцьцяўлялася тое, што было пастаўлена на Зьездзе. Трэба было шпарчэй праводзіць беларусізацыю. Адказным сябе за выступленьне аб пераводзе бел. мовы на латынскі альфавет ня лічу, бо аб гэтым гавораць вытрымкі з газэты “Известия” № 273⁹. Заяву, што партыя вядзе палітыку прыдушэньня беларусоў, я не рабіў. Пры выключэньні Левінай з БДУ я сказаў, што калі б Левіна выключалася толькі за соцыяльнае становішча, я не галасаваў бы за выключэньне. Па пытаньню “Пралятарскай рэвалюцыяй можна лічыць такую, якая б знішчыла ўсе класы”, я гэтага не адваргаю, я гэта гаварыў. Думка, што рабочых трэба дыфэрэнцыраваць як сялян на вёсцы абгрунтавана правідлова. Свае памылкі я прызнаю і прашу даць мне магчымасьць іх ісправіць на працы». Гэты заклік да міласэрнасьці не быў пачуты. Прафкам вырашыў хадайначаць перад адміністрацыяй БДУ аб выключэньні Ляшэвіча «...як палітычна варожага і ідэалагічнага чуждага элемента» [3, арк. 16—18].

Стратэгіі выжываньня, якія падчас правядзеньня палітычных чыстак абіралі студэнты з непадыходзячым сацыяльным паходжаннем, добра перадае пратакол пасяджэньня прафкама факультэта права і гаспадаркі БДУ 5 снежня 1929 г. (прысутнічалі Лушчыцкі, Катанаў, Аўчынка, Ізох, Казыра, Эйдэльман, Добкін, а таксама 29 прафсаюзных дэлегатаў студэнцтва). Галоўным пытаньнем гэтага пасяджэньня была справа аб схаванні сацыяльнага становішча студэнткай 4-га курса эканамічнага аддзяленьня Ідэльчык. Па выніках абмеркаваньня была прынята наступная пастанова: «1. Канстатаваць, што студэнтка Ідэльчык пры паступленьні ў БДУ скрыла свае сапраўднае сацыяльнае становішча (бацька быўшы лесажываўца, уласнік патачнай майстэрні, мае ўласны дом, ад яко-

⁸ На XII з’ездзе КП(б)Б, які праходзіў 5—16 лютага 1929 г., была звернута ўвага на пытанні партыйнага будаўніцтва, неабходнасьць барацьбы супраць правага ўхілу і буржуазнага нацыяналізму. Падкрэслівалася важнасьць рэгуляваньня сацыяльнага складу КП(б)Б, павелічэньня да канца 1930 г. колькасці рабочых-камуністаў не менш чым да 50 %.

⁹ 23 лістапада 1929 г. у 273-м нумары газэты «Известия» змясціла некалькі матэрыялаў пра раскрыцьцё прыдуманай ДПУ арганізацыі украінскіх нацыяналістаў пад назвай «Саюз вызваленьня Украіны».

га атрымлівае 100 р. арэнднага і 7 р. кватэрных у месяц непрацоўнага даходу. 2. Як манеўр студэнтка Ідэльчык нібы жыла асобна ад бацькі, аднак па паказаньням некаторых студэнтаў (Шэліх), яна адзін час жыла з бацькам. 3. У час прабывання на Факультэце грамадзкіх навук, яна была выключана з шэрагу студэнцтва як ідэолёгічна не адпавядаючая запатрабаваньням будучага чырвонага спецыяліста. 4. За час прабываньня ў БДУ — ідэолёгічна сябе не выявіла. На падставе чаго патрабаваць ад Дэканату праўгасу і Праўленьня БДУ выключыць з шэрагу студэнцтва як скрыўшную сацыяльнае становішча» [2, арк. 3, 4].

Пасяджэнне Прафкама працасветы БДУ 14 снежня 1929 г. (прысутнічалі Катуюшонак, Гацко, Канцавая, Вальфон, Куніцкі) пачалося з інфармацыі аб антысеміцкіх праявах на 4-х курсах педагагічнага факультэта. Быў зачытаны пратакол і рэзалюцыя агульнага сходу студэнтаў 4-га курса фізіка-матэматычнага аддзялення па справе Нядзведскай, у якой удзельнікі патрабавалі выключэння апошняй з БДУ. У рэзалюцыі студэнцкага сходу асобна адзначалася, што акрамя ўжывання слова «жыд» Нядзведская яшчэ і з'яўлялася дачкой кулака, грамадскай працы не несла. Сама Нядзведская, запрошаная на пасяджэнне Прафкама, спрабавала адстойваць сябе: «Слова “жыд” я сказала толькі адзін раз, не прыдаючы гэтаму значэння. У гэтым я прызнаю свае памылкі. Соцыяльнага паходжаньня свайго я не скрывала». Тым не менш Прафкам падтрымаў рашэнне студэнцкага сходу аб выключэнні дачкі кулака з універсітэта.

Наступнае слова было прапанавана студэнтцы 4-га курса літаратурна-лінгвістычнага аддзялення Чайка. З яе выступлення можна класіфікаваць агульнае ўяўленне пра набор абвінавачванняў, які звычайна «ўпрыгожваў» галоўнае — сацыяльную чужасць. «Абвінавачваньне, што я разваліла лікпункт¹⁰ неправідлова: я на лікпункце не працавала, прынята ў саюз у 1917 г. Я не гаварыла, што студэнты ад мяне адарваны. Гэта можна сказаць толькі пра некаторых таварышоў. Па пахаджэньню я служачая. Бацька разсылны Земскай Управы. На выбарнай пасадзе не працавала. Не гаварыла, што ненавіджу яўрэяў і палякаў. Адносна ўкраінскай мовы, я сказала: украінская мова больш адчуваецца эстэтычнай, чым беларуская. Сходы і дэманстрацыі я наведваю часткова. Адносна таго, што рэвалюцыя разбурыла мае жыццё я не гаварыла, магчыма вайна разбурыла. Ніколі не казала: лепш застацца ў горадзе ў прымітыўцы, чым ехаць у вёску». Як і ў большасці іншых выпадкаў, спроба сацыяльна

¹⁰ Пункт ліквідацыі непісьменнасці.

чужой студэнткі абараніць сваіх бацькоў, аргументаваць уласныя сацыяльна-палітычныя і эстэтычныя погляды скончылася нічым. У рэзальна-тыўнай частцы пасяджэння Прафкама ад 14 снежня 1929 г. чытаем: «Прымаючы пад увагу, што ўмовы абвастронай класавай барацьбы патрабуюць у сучасны момант ад ВНУ дачы цвёрдых і ідэалёгічна вытрыманых працаўнікоў і поўную неадпаведнасць гэтым запатрабаванням з боку студэнткі Чайка — выключыць яе з сяброў Саюзу Працасветы і паставіць пытаньне перад Дэканатам аб выключэнні яе з БДУ, як ідэалёгічна чуждага элементу» [3, арк. 22—24].

На апошнім у 1929 календарным годзе пасяджэнні Прафкама працасветы БДУ, якое адбылося 24 снежня (прысутнічалі ўсе сябры Прафкама, 14 прафдэлегатаў, а таксама 70 прадстаўнікоў студэнцтва), за схаванне сацыяльнага становішча былі выключаны з універсітэта яшчэ дзве студэнткі 4-га курса прыродазнаўчага аддзялення педфака — Камарова і Міхайлава. Першую абвінавацілі ў тым, што яна дачка памешчыка, які меў 400 дзесяцін зямлі, 25 кароў і 8 коней. Другую — у тым, што яна дачка жандара. Абвінаваўцы асоба адзначалі, што абедзве дзяўчыны не толькі «не праявілі сябе на грамадскай працы», але «да гэтага часу мелі сувязі з бацькамі» [3, арк. 32].

Новы 1930 год ва ўніверсітэцкай прафсаюзнай арганізацыі пачаўся з грамадскага паказальнага суда (старшыня суда Шульц, сябры Будрык, Святачэўская) па справе студэнта медфака Пагосціна аб учыненні рэлігійнага абраду над сваім сынам. Паводле прыгавору суда Пагосцін выключыўся з прафсаюза і ўніверсітэта [4, арк. 29, 43].

Наступнае пасяджэнне Прафкама працасветы БДУ, якое адбылося 8 студзеня 1930 г., было прадстаўнічым па колькасці ўдзельнікаў (прысутнічалі Катушонак, Туравец, Гацко, Шынкевіч, Канцавая, Вальфсон, Куніцкі, 11 прафдэлегатаў і 27 студэнтаў), а таксама насычаным па колькасці разглядаемых пытанняў. Першай, паводле павесткі дня, слухалася справа аб «яўрэйскім шавінізме» студэнта 4-га курса фізіка-матэматычнага аддзялення педфака Каца, бацькі якога былі пазбаўлены права галасу. У сваім выступленні Кац, які быў запрошаны на пасяджэнне, адкідаў абвінавачванні ў шавінізме, рэлігіянасці, запэўніваў сход, што яго бацька ад 1921 г. — рабочы-друкар, а матка «гандлюе з карзінкі»; што сувязі з маткай з 1926 г. у яго ніякай няма. Наступны выступоўца — студэнт Шустэр, які прадстаўляў меркаванне курсавога сходу, разбурыў усю аргументацыю свайго аднакурсніка. Ён запэўніў Прафкам, што Кац жыве з бацькамі, ходзіць у сінагогу, а таксама не бярэ ўдзел у грамадскім

жыцці ўніверсітэта. У выніку Прафкам падтрымаў рашэнне курсавога сходу: «Адзначыць, што т. Кац неправідлова ўказаў сацыяльнае становішча пры паступленьні ў БДУ: указаў, што бацька рабочы, у той час як ён быў утрыманцам жонкі-гандляркі. Бацькі яго разьвяліся фіктыўна і сувязь з імі Кац мае. Не паведаміў, што бацькі яго звалены права голасу. Факт шавінізму падцьвердзіўся. Кац мае блытанья паняцці аб рэлігіі. Выходзячы з гэтага, пастанову курсу аб неабходнасці выключэння яго з Універсітэту і Саюзу — зацьвердзіць».

Другім пытаннем павесткі дня пасяджэння Прафкама 8 студзеня 1930 г. была справа аб схаванні інфармацыі пра бацькоў — заможных сялян («абкладзены ў індывідуальным парадку і плоцюць 214 р. падатку, трымаюць батрака і звалены права голасу»), а таксама грамадскай пасіўнасці студэнткі 4-га курса прыродазнаўчага аддзялення педфака Свінціхоўскай. Не абмежаваўшыся выключэннем з БДУ самой студэнткі, Прафкам пастанавіў паведаміць пра яе сапраўднае сацыяльнае становішча ў інстытут, дзе яна падпрацоўвала ў вольны ад заняткаў час, а таксама школу, дзе вучылася сястра Свінціхоўскай. Следам за ёй з прафсаюза і ўніверсітэта выключылі студэнтку 4-га курса сацыяльна-гістарычнага аддзялення педфака Васілеўскую, «як захаваўшую сацыяльнае паходжаньне, не вядушчую грамадскай працы і маючую рэлігійныя погляды». Разам з ёй да адказнасці быў прыцягнуты сакратар па студэнцкіх справах Яўстаф'еў, які незаконна аднавіў яе ў якасці студэнткі пасля яе выключэння ў 1924 г. Апошній разглядалася справа студэнта 4-га курса лінгвістычнага аддзялення педфака Гуля, якога вінавацілі ў палітычнай непісьменнасці, пасіўнасці, ліставанні з сябрам, сасланым у Салавецкі лагер асобага прызначэння, а таксама... у нежаданні вучыць беларускую мову. З прычыны таго, што Гуля прызнаў уласныя памылкі і пачаў іх выпраўляць, яму была абвешчана суровая вымова з даручэннем прафсаюзным актывістам сачыць за яго паводзінамі [3, арк. 43].

Справы аб адлічэнні сацыяльна чужых студэнтаў Прафкам працасветы БДУ працягваў разглядаць на пасяджэннях, якія адбываліся зімой — вясной 1930 г. Прычым вялікая колькасць разглядаемых спраў прыводзіла да спрашчэння працэдуры прафсаюзнага правосуддзя. Напрыклад, 12 сакавіка 1930 г. для адлічэння студэнткі медфака Васькоўскай было дастаткова адпаведнай заявы (даносу) яе аднакурсніка Вардомскага [8, арк. 2]. 30 красавіка 1930 г. студэнтку літаратурнага аддзялення педфака Невяроўскую адлічылі толькі за тое, што яна «...нічым сябе не выявіла на працягу трох год у БДУ» [7, арк. 1].

Студэнцкая «чыстка» 1929/30 навучальнага года супала з генеральнай агульнапартыйнай «чысткай» дзяржаўнага апарату, а таксама першай хваляй масавых палітычных рэпрэсій, накіраванай у БССР супраць унутрыпартыйнай апазіцыі і «нацыянал-дэмакратаў». Некаторыя з «вычышчаных» студэнтаў на працягу 1930-х гг. трапілі ў поле зроку ДПУ-НКУС і сталі ахвярамі палітычных рэпрэсій, прычым падчас следства па іх справах выкарыстоўваліся матэрыялы студэнцкай чысткі 1929/30 навучальнага года. Так было з «вычышчанымі» А. І. Крукоўскім, В. Г. Ляшэвічам і інш. Сацыяльнае эксперыментатарства ў выглядзе палітычных чыстак студэнтаў негатыўна паўплывала на ўзровень падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў рэспубліцы і шырэй — маральнага стану беларускага грамадства. На жаль, мы ўжо ніколі не даведаемся, колькі нерэалізаваных беларускіх Ландау, Вавілавых, Сікорскіх апынуліся ў гэты час з «воўчым квітком» на перыферыі прафесійнага і сацыяльнага жыцця.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Кудрявцев С.* Классовый враг пролезает в ВУЗ // Рабочий. 1929. № 30. 8 февр.; *Его же.* Примазавшиеся и пролезшие // Рабочий. 1929. № 42. 22 февр.
2. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму праўгасу БДУ за 1929 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 44.
3. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму Працасьветы БДУ за 1930 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 45.
4. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму пэдфаку БДУ за 1930 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 46.
5. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму Працасьветы БДУ за 1929 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 47.
6. Пратаколы пасяджэньняў выканбюро прафсэкцый БДУ за 1929 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 48.
7. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму пэдфаку БДУ за 1930 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 52.
8. Пратаколы пасяджэньняў прафкаму мэдфаку БДУ за 1930 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 53.
9. Пратаколы пасяджэньняў выканбюро прафсэкцый БДУ за 1929 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп. 11. Спр. 54.
10. *Петаченко Г. А.* Пролетаризация советской высшей школы (1918—1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Беларус. гос. ун-т. Минск, 2013.
11. *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : Нов. лит. обозрение, 2014.
12. Рэзальюцыі лістападаўскага пленуму ЦК УсеКП(б) з дадаткамі. Менск : БДВ, 1929.
13. Чуждым элементам не место в среде пролетарского студенчества // Рабочий. 1929. № 25. 2 февр.

С. А. ЗАХАРКЕВИЧ

**«ЭТИ СОБИРАТЕЛИ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ
ВЕДУТ СЕБЯ ПО-РАЗНОМУ...»:
ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ АКАДЕМИИ НАУК БССР
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Проанализированы полевые этнографические тетради, показаны условия проведения фольклорно-этнографических экспедиций Института истории Академии наук БССР. Полевые тетради 1945, 1946 и 1948 гг. дают возможность познакомиться с картиной мира исследователей, их чувствами и стереотипами, которые влияли на сбор полевого этнографического материала.

The article based on the analysis of field ethnographic notebooks reflected daily and conditions for folklore and ethnographic expeditions of the Institute of History on the Academy of Sciences of BSSR. Field notebooks in 1945, 1946 and 1948 provide an opportunity to get acquainted with the picture of the world of researchers, their feelings and stereotypes that affect the collection of field ethnographic material.

Ключевые слова: полевая этнография; этнографические экспедиции в Беларуси; полевые этнографические дневники; история белорусской этнографии XX в.

Keywords: field ethnography; ethnographic expeditions to the Belarus; ethnographic field diaries; history of Belarusian ethnography on XX century.

Современная этнология (культурная антропология) имеет специфические методы исследования (непосредственное, включенное наблюдение, неформализованное интервью), которые наиболее широко мо-

---

Захаркевіч Сцяпан Артуравіч — дацэнт кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.
E-mail: stepanzah@mail.ru

гут быть использованы во время «выезда в поле». Полевые экспедиции — необходимая часть этнологического исследования, когда собирается материал, который впоследствии будет подвергнут анализу и превратится в научный текст или будет сдан в архив и ждать своего часа. Тем не менее именно полевые исследования выступают своеобразным эталоном этнологической работы, как в археологии дневники и материалы раскопок или в истории обнаружение ранее неизвестных архивных источников. «Практика антропологическая является практикой полевой», — утверждает современный теоретик культурной антропологии Кирстен Хаструп. Все этнологи знакомы с «гробрианским полем» Б. Малиновского, новогвинейскими приключениями Н. Миклухо-Маклая, южноамериканскими испытаниями К. Леви-Стросса, самоанскими исследованиями М. Мид. Список можно продолжать.

Поэтика и героика таких далеких и экзотических полевых исследований героев учебников по истории этнологии может сформировать некоторую неполноценность отечественной науки, которая прежде всего призвана изучать собственную культуру на небольшой территории. Командировки на машине, поезде или автобусе на расстояния, схожие с выездом на дачу, в культурно предсказуемую среду белорусской деревни или города весьма сильно отличаются от приключений, связанных с преодолением неизвестного, тяжелых и не всегда удачных попыток «вхождения» в изучаемую культуру где-то на периферии ойкумены.

История отечественной этнологии, конечно, может похвалиться чередой таких «богатырей» — Ян Домейко изучал арауканов в Южной Америке, Иосиф Гашкевич составил первый японско-русский словарь, Ян Виткевич побывал в Иране и Афганистане, — которые, однако, не были профессионалами. Первым профессиональным исследователем, который вышел за рамки изучения белорусской культуры, можно назвать Александра Сержпутовского, совершившего экспедицию на Кавказ (современный Дагестан) в качестве сотрудника Русского музея [10, с. 58].

Если (используя метафоры постмодернистской антропологии) вся «крупная» и «известная» антропология в конечном итоге «вернулась домой» из «дикого поля» [14, с. 18], то белорусская этнология никогда и никуда «из дома» не уезжала. Приходится констатировать (без тени сожаления), что отечественная наука изначально «домашняя». Однако отсутствие громких полевых экспедиций в «неизведанные дали» абсолютно не преуменьшает роль белорусской этнологии. В некотором смысле

ле этот факт можно рассматривать как позитивный для развития отечественной науки, так как не было и нет необходимости в рефлексии по поводу «чуждости», «экзотичности» объекта исследования, болезненной критики за евроцентризм и многие другие «грехи», в которых обвиняют этнологию / культурную антропологию или в которых признаются сами исследователи.

Белорусская этнология имеет богатый и интересный опыт полевых исследований, изучение и осмысление которого необходимо для нового понимания горизонтов отечественных традиций в этой науке и осмысления необходимости и возможности изменения существующей «парадигмы достижений».

В первые десятилетия XX в. белорусская этнология начала достаточно активно осваивать полевые исследования. В 1909—1912 гг. В. Ластовский проводил экспедиции в Браславский и Дисненский районы [9, с. 41], в 1911—1912 гг. по Полесью проехал И. Сербов. В 1923 г. была проведена серия экспедиций (район Руденска, Логойска, Узды и др.), в которых участвовали А. Шлюбский, М. Мелешко, М. Азбукин, а также профессиональный фотограф Л. Дашкевич [5]. В 1920-х гг. полевые исследования проводили А. Сержпутовский [11], В. Ластовский [7]. В это время студент М. Гринблат начинал свою научную этнографическую карьеру с исследования Туровщины [6], А. Супинский в рамках экспедиции ИПИН (Институт по изучению народов СССР) обследовал некоторые районы Витебской губернии [12; 13, с. 103]. В 1930-е гг. продолжал работу М. Гринблат, в полевые исследования включился студент Виленского университета им. С. Батория М. Петюкевич, изучавший старообрядцев Браславщины [8, с. 56, 57]. После Второй мировой войны полевые исследования этнологами в Беларуси продолжились.

Традиционно в белорусской этнологии сбор полевого материала происходит с участием студентов в качестве волонтеров, активных членов краеведческих объединений, проходящих этнографические или фольклорные практики и т. д. В таких случаях нередко распространены правила обязательного ведения студентами полевых дневников, которые затем ложатся в основу их экспедиционного отчета. В архиве Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси автор обнаружил четыре таких дневника за период 1945—1948 гг. Полевые дневники представляют собой ценный исторический источник, который дает возможность понять, как и в каких условиях происходили этнографические экспедиции в этот период, какие сте-

реотипы оказывали влияние на участников экспедиций, на отбор ими полевого материала, в целом на восприятие окружающей белорусской повседневной культуры¹. Два дневника (М. С. Меерович и Ю. Ф. Мацкевич) написаны в одно и то же время, что усиливает их ценность, так как позволяет увидеть одну экспедицию глазами разных участников. Дневники разные по объему и содержащейся в ней информации. Дневник Меерович наиболее краткий и лаконичный и представляет собой карманный блокнот с каждодневными небольшими (иногда в одно предложение) записями. Дневник О. Н. Цыбиковой о Брестской фольклорно-этнографической экспедиции составляет 41 лист и является наиболее полным. Этот дневник отличается рефлексией: описаниями эмоций, ощущений и разочарований. Он интересен обилием городских и культурных стереотипов автора о сельской жизни, дает возможность познакомиться с образом мыслей советских студентов. Автор, О. Цыбикова, не лишена некоторого литературного таланта: «Вот мы и в Бресте. Экспедиция началась...», «Эти собиратели народной мудрости ведут себя по-разному. Довгялло с виду спокоен... Видимо, уверен в богатом улове. Цитович в восторге от порученного ему дела: всю ночь по дороге в Брест он не спал, не мог уснуть, находясь в весьма возбужденном состоянии...» [3, л. 1], «Жаль, что не указал их адресов. В Ружанском районе и только. Ну, ничего — найдем!» [3, л. 2]; «...говорил, как бобом молотил, так, что и не запишешь...» [3, л. 7].

Из дневника Л. Г. Альтшулер видно, что в летней экспедиции 1945 г. (22 июля — 20 августа) участвовали четыре человека: М. Я. Гринблат — руководитель, Г. И. Цитович (будущий известный этномузыковед), М. С. Меерович и Л. Г. Альтшулер. Экспедиция работала по маршруту Борисов — Плещеницы — Долгиново — Вилейка — Молодечно.

Летом 1946 г. экспедиция проходила с 3 августа до 4 сентября. Включала маршрут Слуцк — Старобин — Житковичи — Лунинец. Эта экспедиция представлена двумя дневниками (Меерович и Мацкевич), причем второй дневник написан по-белорусски. Состав экспедиции был схожим с предыдущим: М. Я. Гринблат — руководитель, Г. И. Цитович, М. С. Меерович и Ю. Ф. Мацкевич, Л. Г. Альтшулер, Ковчур и М. Гунько.

---

¹ Автор выражает благодарность научному сотруднику, заведующему сектором сохранения фольклорного наследия отдела фольклористики и культуры славянских народов ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» кандидату исторических наук Ю. И. Внуковичу за помощь в поиске материалов.

Брестская фольклорно-этнографическая экспедиция 1948 г., описанная в дневнике О. Н. Цыбиковой, проходила с 15 июля по 15 августа. В экспедиции участвовали М. Я. Гринблат, Г. И. Цитович, И. Ю. Довгялло и несколько волонтеров.

Что фиксировали во время экспедиции. В дневнике Л. Г. Альтшулер большое внимание уделено отчетам о записях песен: «...от учительницы записала несколько песен...», «...на квартире у него (бригадира д. Заборье (совр. Вилейский р-н). — С. 3.) собралась молодежь, которая пропела песню “Уперад, мы сталінцы ліхія”...» [4, л. 2]. Причем стремились фиксировать реальный говор: «...с утра записывали тексты песен, потом черты живого говора...» [2, л. 3]. «16 и 17 (август 1946 г.) провели за упорядочением собранного материала...» [2, л. 8].

Если записывали полевой материал утром, то после обеда его могли обрабатывать: «...остаток дня провела за переписыванием собранного материала в д. Козловичи...» [2, л. 3].

Отдельной важной темой в экспедиции была зарисовка различных деталей или элементов материальной культуры. Делали зарисовки сами участники: «... зарисовали узоры с тканых постилок...» [4, л. 2]. В д. Княжино (Княгинино Мядельского р-на) «...зарисовала интересный наличник на окне дома Николая Мядзелки...» [4, л. 6]. В д. Цинцевичи 10 августа 1945 г. (Вилейский р-н) «...в селе разнообразные наличники на окнах домов. Зарисовала семь наличников...» [4, л. 7]. В с. Литва (совр. Молодечненский р-н) «...зарисовала несколько интересных фронтонов, наличников и узоров тканых постилок...» [4, л. 9].

Из дневника О. Н. Цыбиковой можно узнать о том, что с Брестской экспедицией работал художник Михаил (скорее всего, речь идет о художнике М. Л. Тарасикове. — С. 3.), который в Хидрах (совр. Дрогичинский р-н) во время Дожинок «...зарисовал у каждой жнеи ее “закрутень”...» [3, л. 14]; «...Помогла Михаилу зарисовать “Обэрх” (для сбережения скирды шапка-верхушка). Сделала измерения. Помогли Михаилу в измерениях плана “господского” двора...» [3, л. 16].

«Гринблат записал детские песни-игры...» [4, л. 2]. Альтшулер вместе с Цитовичем в д. Жастиное (совр. Логойский р-н) записали «Женитьбу Церешки» [4, л. 2]. В д. Осово (совр. Мядельский р-н) Гринблат и Цитович зафиксировали «у крестьянки Гунько» ход свадьбы [4, л. 6]. «Напевы песен записал т. Цитович. Работали поздно, часов до двух ночи» [4, л. 8]. В д. Домановичи (совр. Солигорский р-н) Мацкевич фиксирует: «Из традиционного фольклора здесь ничего не найдено, но

записали богатый материал из жизни партизан и партизанского движения...» [2, л. 12]. В д. Доропеевичи (совр. Солигорский р-н) Цыбикова «...записала... жнивный обряд...» [3, л. 19]. 13 августа 1946 г. Мацкевич записала: «...это был один из самых результативных дней экспедиции... записали 14 песен» [2, л. 5]. А у Меерович вообще про этот день нет записей.

Повседневные условия работы и жизни в экспедиции. Альтшулер делится в дневнике своими страхами: «...в деревне (Заборье) часто бывают волки, которые хватают главным образом детей. У крестьян ходят слухи, что это наказание богом за грехи людей...» [4, л. 2]. Позже снова повторяет рассказ о волках, которые уносят детей [4, л. 3].

Из деревни в деревню ходили пешком, изредка подъезжали на подводах [4, л. 4]. Из дневника Мацкевич можно определить расстояния переходов: «...сделали выход в д. Козловичи (семь км от Слуцка)...» [2, л. 2]. 11 августа 1946 г. Мацкевич с группой вышла из Слуцка в д. Працевичи (Слуцкий р-н), которая находилась на расстоянии 14 км [2, л. 4]. На следующий день был переход в 16 км к д. Чепели Старобинского р-на (совр. Солигорский р-н). Причем Мацкевич в дневнике зафиксировала «переход» в д. Чепели, а Меерович «приехала» [1, л. 7]. Нередко ходили много: «...весь день провели в переходе к д. Махновичи...» (совр. Солигорский р-н) [2, л. 8]. 20 августа 1946 г. был переход от д. Долгое к Домановичам: «Это был один из самых тяжелых переходов, как по своей удаленности (20—25 км), так и по тяжести самой дороги. Все время пришлось идти по сыпучему песку (особенности полесской дороги)...» [2, л. 10]. В отличие от Мацкевич Меерович более сдержанна в эмоциях и лаконична: «...прошли 23 версты, пришли поздно вечером...» [2, л. 22]. Иногда в экспедиции использовались попутные автомобили, как 1 августа при переезде из д. Кривичи в Старобин [2, л. 8]. В Брестской экспедиции пешие переходы были также не редкость: «В Гудзки шли всю дорогу пешком. Это от Кобрин недалеко, км восемь...» [3, л. 11]. В целом дневники полны рассказов и описаний пеших путешествий: «...мы опять встали на собственные средства передвижения...» [3, л. 21]. При этом опытные «полевики» Гринблат и Цитович удивляли своей выносливостью: «...я, Вера, Довгялло уснули как убитые. Михаил и Цитович ушли в кино... Этого Цитовича можно нагрузить 50 кг-ми, заставить его пройти 50 км и он все равно пойдет в кино. Вот идол...» [3, л. 21].

Летом 1948 г. О. Цыбикова с экспедицией выехала из Бреста в Кобринский район на поезде «польской конструкции»: «Вагоны пригодны

для курсирования единичных польских панов. Весь вагон пустой, у двух противоположных стенок по одной скамейке. Свободного места много, а сесть нет где. Ради приличия — постоим...» [3, л. 4].

В д. Язни (Вилейский р-н) Гринблат, Цитович и Альтшулер ночевали как придется: «...отношение со стороны депутатов сельсовета к нам плохое, поместили в грязную избу, а тт. Гринблату и Цитовичу даже не предоставили ночлега...» [4, л. 5]. Интересно, что далее Альтшулер заметила, что «...в Кривичах позже узнали, что Язни — место, где прячутся участники банд...» [4, л. 5].

В д. Боровцы (Вилейский р-н) «...плохо отнесся к нашей экспедиции председатель сельсовета, который не обеспечил нас ночлегом, пришлось ночевать в избе-читальне» [4, л. 8].

Некоторые содержащиеся в дневниках описания условий быта в экспедиции скорее можно было бы отнести к ощущениям и эмоциям современного горожанина, чем, например, к реалиям 1948 г.: «Ночуем мы все вместе в сарае на сене. Спать плохо. Сено лежит на жердях, разбросанных на балках. Внизу нас скот, овцы, вонючие свиньи, лошади, коровы. Животные наносят множество комаров, блох...» [3, л. 24].

Летом 1948 г. экспедиция неоднократно ночевала в Малорите в сарае, так как гостиницы просто не было [3, л. 21].

В 1946 г. после выезда экспедиции пришлось задержаться на неделю в Слуцке, так как не было получено денежного довольствия [2, л. 1].

В послевоенное время в экспедициях не всегда успешно удавалось организовать питание. Цыбикова ярко описывает такие моменты: «В Засимах (совр. Кобринский р-н) тетка — туша пудов семь, стоя на дворе около своих трех коров и наворачивая хлеб с маслом, отказалась продать нам что-либо поесть, затем, когда мы стали уходить, предложила пол-килограмма сала, но закроила дореформенную цену.. с подобными типами, с которыми чем говорить, лучше отказаться от необходимости поесть...» [3, л. 9, 10].

Во время работы Брестской экспедиции Цыбикова в дневнике упоминает, что в д. Черняны Дивинского района (совр. Малоритский р-н), которую они посетили, была эпидемия брюшного тифа, что, кроме прочего, повлияло на то, что «...кушать никак не достанешь. Хлеба нет...» [3, л. 17]. В д. Сосновка (совр. Пружанский р-н) Брестской экспедиции поработать не удалось: «...но оставаться здесь мы не можем, нет чего кушать... ничего не смогли купить, даже литр молока никто не продал...» [3, л. 32].

Часто не удавалось найти новых этнографических или фольклорных материалов (скорее всего, речь идет о конкретных целях экспедиции), что проявлялось достаточно эмоционально на страницах дневников: «Наши из Хидр ничего не принесли нового. В Хидрах их встретили плохо: учителя не помогли, население плохое. Они бабке какой-то сносили полюсу снопов, о чем даже сожалели...» [3, л. 13].

Послевоенное время определяло некоторые условия жизни, в том числе подозрительность людей: «Вечером наткнулись на одного райкомовского работника, который, вытянув наган, незаметно держа его, разговаривал с нами, незнакомыми пришельцами...» [3, л. 17]. В Брестской экспедиции лета 1948 г. у Цитовича с собой было ружье, которым он нередко пользовался: «...в Гайковке (совр. Кобринский р-н) Цитович ходил на охоту, убил утку. Хвалятся хорошим завтраком. Обещал Геннадий Иванович подстрелить нам другую...» [3, л. 18]. При этом отношение к оружию было несколько безалаберное: «Цитович задержал немного движение утерей части ружья. Оставил, где вчера разбирал, нашел, но напугался утратой...» [3, л. 20].

Кроме сбора этнографических и фольклорных материалов члены экспедиций проводили воспитательную работу — беседы, политинформации и даже концерты: «Цитович около костра выступал с песнями, а завтра в квартире Макарук пообещал показать свой “концерт”...» [3, л. 15]; «...сегодня с утра думаю о предстоящем концерте. Ведь от его успеха будет зависеть успех нашей работы в деревне... вечером концерт. В главных ролях Довгялло (Доклад о международном положении), Цитович прочел “Песня народная”, сопровождая объяснение собранными им ранее фольклорными материалами. Потом исполнил несколько песен. Успешно прошли песни “Песня старого холостяка”, “А в месяцы верасні”, “Дороги”. Мне пришлось выступать с художественным чтением. Прочла им из фронтовых рассказов Кривицкого “О 28 павших героях, о панфиловцах”. В заключение Довгялло призывал молодежь учиться...» [3, л. 15, 16]. Такие концерты в Брестской экспедиции 1948 г. повторялись в каждой деревне, где участники подолгу останавливались.

Стереотипы и ценностные замечания. Несмотря на дезаксиологические установки этнологии и социально-культурной антропологии, этнограф в «поле» является таким же человеком, как и объекты его исследований. Этнограф не лишен субъективизма, стереотипности взглядов и суждений. Дневники участников вышеперечисленных экспедиций не явились исключением. Как раз интерес представляют их оценки, так

как они отражают личность исследователя, которая не чувствуется у этнографов XIX в.: «...в крестьянских избах особо примечательного ничего нет...» [4, л. 3]. Меерович под Слуцком записывала в д. Лучники: «...интересного ничего нет» [2, л. 3].

В дневниках четко ощущаются стереотипы горожан о сельской жизни. Альтшулер повсеместно использует слово «крестьяне», что дает возможность познакомиться с городским дискурсом. Цыбикова продолжает эту «городскую критику»: «Строение домов не нравится: низкие потолки, крохотные окошки. В квартирах затхлый воздух: помещений из-за обилия комаров и мух не открывают. Комары даже на сеновале беспокоят в ночное время...» [3, л. 6].

Нередки в дневниках категоричные оценки изучаемой и наблюдаемой повседневности: «...песня из русско-японской (войны. — С. 3.) — пошлятина. Ее нельзя даже поставить в ряд с самыми малохудожественными песнями из творения простого народа...» [3, л. 8]. В дневнике Цыбиковой часто встречаются пассажи о малокультурности сельского населения: «Разочаровалась в молодежи дер. Черняки. Разговаривая с такой молодежью, нет чем дышать. Новую культуру не восприняли. Новых песен не знают, старого дедовского тоже не помнят, в большинстве случаев совсем ничего не знают...» [3, л. 19].

Сельская пища также не оставляла позитивных впечатлений у «избалованных» горожан: «После засимовского супа (картофельного с молоком) наши участники экспедиции так тронуты были вкусом кобринских обедов (в кобринской чайной. — С. 3.) и обращением официанток, что записали благодарность в “книгу жалоб”...» [3, л. 11].

В дневнике Цыбиковой сильно ощущается негативное отношение к Западной Беларуси, много раз употребляются слова «пан», «кулак»: «По дороге (из Гуцок (совр. Кобринский р-н) в Кобрин. — С. 3.) на нас накричал один “кулак”. Мы потеряли дорогу и прошли по его уже убранному сенокосу. Он орал во все горло... Есть люди звери из-за собственности. Дяденька (приснишь ему черти!)...» [3, л. 13]. Встречается и откровенная цензура фольклора по политическому критерию. Во время записи от сказительницы Ф. С. Мисюк Цыбикова зафиксировала в дневнике: «Есть у нее одно “произведение”, посвященное призыву в польскую армию, явно реакционное и нами не записанное...» [3, л. 35].

Цыбикова вела дневник «правильно»: «...на обещания комсомольца я смотрю как на уже выполненное дело...» [3, л. 1]. Ее некоторые мысли, изложенные в дневнике, выдают в ней романтическую натуру:

«В личности Черняева мне нравится его деловитость, заинтересованность делом собирания фольклора. И в то же время терпим ли мы в натуре этого человека видимо проскальзываемый карьеризм? Записываемые им вещи он боится отдать нам, чтобы не потерять с этим заслугу для своего имени. Отказ свой мотивирует тем, что собирает одному знакомому материал для защиты диссертации...» [3, л. 2]. Некоторые записи поражают своей наивностью: «Несколько разочаровалась в работниках Дома народного творчества (в Бресте. — С. 3.): своих людей они не знают, сказать что-либо дельное не могут, один начальник ссылается на второго и даже на бухгалтера. Спрашивается, а где же дирекция, инспектор и прочие? Горе руководители!..» [3, л. 3]. Однако советский образ мыслей прорывается наружу в самых неожиданных местах. Так, при описании «польского» поезда, на котором Брестская экспедиция ехала до Кобринского района, Цыбикова зафиксировала: «А в целом наши вагоны, как и все наше, лучше, лучше, лучше!..» [3, л. 4]. Встречаются разные замечания о быте и нравах сельских жителей, нередко идеологизированные: «Первый дом на всем пути, где нет икон...» [3, л. 36]. Во время работы в д. Близная (совр. Пружанский р-н) Цыбикова столкнулась с явной антисоветской позицией одного из жителей. В дневник она записала свою оценку этого человека: «Тварь антисоветская!..» [3, л. 40].

Полевые дневники содержат эмоциональные заметки. 20 августа 1946 г. экспедиция работала в д. Домановичи, которую в войну вместе с жителями сожгли немцы. Мацкевич, фиксируя подробности этой трагедии, не сдержалась: «Их рассказы (свидетелей сожжения людей) полны жути...» [2, л. 11].

Необходимо отметить, что дневники полны профессиональных замечаний: «Его (работника областной газеты «Заря». — С. 3.) записи не представляют особого интереса: он русский, записи делает “для себя”, в его записях не сохраняются особенности речи говорящего...» [3, л. 2]; «Вечером занимались перепиской собранного фольклора. Переписка продвигается медленно. Трудно писать на каком-то “неопределенном” русско-украинско-белорусско-полесском языке...» [3, л. 11]. Та же Цыбикова позже в дневнике признается: «Экспедиция эта для меня трудна тем, что плохой разговорный язык населения, больше украинское наречие. Сами себя олтушинцы не признают ни белорусами, ни русскими, говорят “мы, малоросы-украинцы”. Записывать и переписывать трудно. Переписка идет медленно. Нужно смотреть, как написать каждое слово, каждый слог...» [3, л. 26].

Интересны записи в дневнике Цыбиковой о том, как фиксировались и переписывались слова песен и музыка: «Сегодня (13 августа 1948 г. — С. 3.) работали с Цитовичем на его квартире. Проверяли записи совместно скопированных текстов и мелодий. Работа очень медленная. Учитывается каждый слог. Точность музыки. Там, где не хватает слога, Цитович доставляет какое либо “Эй” да “Ох”, которое должен был бы спеть рассказчик песен. Теперь я вижу, как важно делать записи с пения. Тогда многого не пришлось бы догадываться, каждый звук был бы налицо...» [3, л. 38].

Во время пребывания Брестской экспедиции 1948 г. в д. Олтуш (совр. Малоритский р-н) Цыбикова зафиксировала своеобразное «правило вхождения в культуру изучаемого объекта», сформулированное Цитовичем: «...два дня ничего не будем записывать, пусть народ к нам привыкнет, будет доверчивее...» [3, л. 23].

Таким образом, полевые дневники фольклорно-этнографических экспедиций Института истории Академии наук БССР 1945, 1946 и 1948 гг. — ценный источник по изучению организации и условий проведения этих полевых выездов, который знакомит читателя с повседневностью и рутинной работой по сбору полевого этнографического материала.

Большое значение для постижения проблемы развития белорусской этнографии в этот период имеют эмоциональные, оценочные и стереотипные замечания, содержащиеся в текстах дневников. Анализ вышеуказанных дневников заставляет усомниться в позитивистских объективных методах изучения культуры. Вышеупомянутые тексты свидетельствуют как раз о присутствии достаточно жестких установок по сбору материала, наличию барьера или дистанции между членами экспедиции (по крайней мере, ее младшей части) и местным населением, существовании своеобразной «цензуры» или «самоцензуры» (учитывая, что дневники изначально писались с учетом их публичности). Можно согласиться с мнением К. Хаструп о том, что «точка зрения никогда не является нейтральной» [14, с. 16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив ГУО «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (далее — АЦ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 21 — Дневник участницы экспедиции АН БССР в Слуцк — Пинск, 1946 г. М. С. Меерович.

2. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22 — Дзённік удзельніцы фальклорна-этнографічнай экспедыцыі АН БССР ад 3.08. да 4.09.1946 г. Ю. Ф. Мацкевіч .
3. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 23 — Дневник участницы Брестской фольклорно-этнографической экспедиции Института истории АН БССР 15.07—15.08.1949 г. О. Н. Цыбиковой.
4. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24 — Дневник участницы фольклорно-этнографической экспедиции летом 1945 г., младшего научного сотрудника АН БССР Л. Г. Альшулер.
5. *Бамбешка І. І.* Экспедыцыйнае даследаванне Лагойшчыны ў 1923 г. // Другія Тышкевіцкія чытанні. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. С. 93—97.
6. *Грынблят М. Я.* Некаторыя матар’ялы да вывучэння пастушаства і жывёлагадоўлі Тураўшчыны // Наш край. 1928. № 8—9. С. 64—71.
7. *Лабачэўская В.* Архіў забытай экспедыцыі Вацлава Ластоўскага 1928 года па маршруце Слуцк — Асташкавічы // Культура і быт беларусов в этнографическом исследовании и музейной коллекции : материалы междунар. науч. конф., Минск, 7—8 июня 2012 г. Минск : Право и экономика, 2012. С. 83—86.
8. *Лабачэўская В.* Аб працы Мар’яна Пецюкевіча «Архаічныя (прымітыўныя) рысы ў народнай культуры стараабраднікаў Браслаўскага павета» // Браслаўскія чытанні. 2000. Браслаў, 2001. С. 56—59.
9. *Ластоўскі В.* Прочкі і разлучыны // Запіскі аддзела гуманітарных навук : у 13 кн. Менск : Ін-т Беларус. культ., 1928. Кн. 4, т. 1 : Працы кафедры этнаграфіі. Сш. 1. С. 41—48.
10. *Максимчик А. Н.* Экспедиция А. К. Сержпутовского на Кавказ // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX — начале XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19—20 мая 2010 г. Минск : БГУ, 2011. С. 57—60.
11. *Сержпутовский А. К.* Отчет о поездке в Гомельскую губернию летом 1926 года. Менск : Ин-т Бел. культ., 1926.
12. *Смірнова І.* Антон Казіміравіч Супінскі — фалькларыст, этнограф, археолаг // Асоба збіральніка ў захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны: да 200-годдзя з дня нараджэння Оскара Кольберга. Мінск : Выд-ва В. Хурсік, 2015. С. 119—131.
13. *Супінскій А. К.* «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде // Совет этнография. 1932. № 2. С. 102—103.
14. *Hastrup K.* Droga do antropologii. Między doświadczeniem a teorią. Kraków : Wyd. UJ, 2008.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2015 г.

С. Л. ЛУГОВЦОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕНАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1820—30-е гг. ГЛАЗАМИ ЦИПРИНУСА

Выпускник Виленского университета Осип Пржещлавский сумел сделать блестящую карьеру от секретаря уездного предводителя дворянства Слонимского уезда до члена Главного управления цензуры Российской империи. О. Пржещлавский лично столкнулся с работой 1-го департамента Сената. Он считал, что сенаторы были перегружены работой, не были подготовлены к возложенным на них обязанностям; отсутствие свода законов и постоянного контроля за деятельностью сенатских чиновников способствовало злоупотреблениям и взяточничеству в их среде.

The graduate of Vilnius University Józef Przecławski made an impressive career starting out as a secretary of the Slonim noblemen's leader and ascending all the way to the member of the supreme censorship leadership of the Russian Empire. Przecławski faced personally with the work of the 1st Senate's Department. He believes that the senators were overworked, were not prepared for their duties; the absence of code of laws and constant control over the activities of Senate's officials in Russian Empire contributed to the abuse and bribery in their environment.

Ключевые слова: Сенат; департамент; законодательство; чиновники; герольдмейстер.

Keywords: Senate; Departments; legislation; officials; King-of-Arms.

Деятельность Сената Российской империи в 1820—30-е гг. отражена в мемуарах уроженца Гродненской губернии Юзефа Пшещлавского (Józef Przecławski), вошедшего в историю под русифицированным именем Осипа Антоновича Пржещлавского (1799—1879).

О. Пржещлавский — переводчик, журналист и редактор. Почти 30 лет он руководил крупнейшей польскоязычной газетой в Российской империи «Tygodnik Petersburski», вокруг которой объединились лучшие силы польской литературы. Выпускник Виленского университета сумел под-

няться по служебной лестнице от секретаря уездного предводителя дворянства до члена Главного управления цензуры Российской империи, был награжден различными орденами, включая орден Белого орла, и ушел в отставку в чине тайного советника. Но не высокие чины и награды определяют интерес читателя к воспоминаниям О. Пржецлавского в XXI в., а его наблюдательность, точные характеристики персонажей, широчайшая эрудиция, позволявшая автору непринужденно сыпать цитатами из произведений Бальзака или проводить параллели с событиями античной истории. Размышления Пржецлавского заставляют задуматься о добре и зле в каждой человеческой душе, возможностях ее духовного роста. «Кто пожил на свете и наблюдал, тот знает, что благодарность есть редчайшее из человеческих качеств... Все так себя настроили, что всякие удачи приписывают одним себе, своим достоинствам, неудачи же сваливают на других», — подобные наблюдения щедро рассыпаны по тексту воспоминаний [14, с. 107]. Соприкосновение с размышлениями автора — удовольствие для читателя, равнодушного к сюжетам российской истории первой половины XIX в. Задача такого читателя в настоящее время значительно упрощается. Мемуары О. Пржецлавского, опубликованные в 1870-е гг. в «Русском архиве» и «Русской старине», были собраны белорусским исследователем А. Федутой [13], а в 2012 г. вышли отдельным изданием с предисловием и научным комментарием.

О. Пржецлавский был одним из тех выходцев бывшего Великого княжества Литовского, кто сделал свой выбор в пользу имперской службы, интегрировался в российское общество. Для соотечественников его позиция оказалась неприемлемой. Особенно остро лояльность Осипа Антоновича к российской власти воспринималась выходцами из Речи Посполитой (РП) после подавления восстания 1830—1831 гг. В 1833 г. эмигрантский трибунал в Париже приговорил его к смерти и осуществил символическую казнь над его портретом [15, с. 297]. С другой стороны, воспоминания Ципринуса¹ были негативно восприняты в российском обществе. На редактора П. И. Бартенева обрушился поток писем раздраженных читателей «Русского архива». Что вызвало их гнев? Характеристика пьяницы и взяточника, данная Ципринусом одному из высших сановников Российской империи Н.Н. Новосильцеву; эпизод, демонстрирующий, что уровень образования А. Мицкевича был выше,

---

¹ *Cyprinus* — латинское название рыбы семейства карповых. Выбор псевдонима объясняется изображением рыбы на гербе рода Пржецлавских [18, с. 228].

чем А. Пушкина; рассказ о грабежах казаков на территории Слонимского уезда Гродненской губернии в 1812 г. [1, стлб. 1054, 1055]. И хотя Бартенев заявил, что не считает нужным опровергать рассказ Пржецлавского о Пушкине, «ибо каждый русский читатель хорошо понимает, что при всей учености Мицкевича, в большинстве произведений своих он относится к Пушкину, как горячечный бред к трезвой действительности» [2, стлб. 638], статьи под лозунгом «Анти-Ципринус» появились в «Русском архиве» уже в 1872 г. и вошли в большинство номеров 1873 г.

В частности, П. А. Вяземский опубликовал в собственной редакции текст статьи Мицкевича о Пушкине, изданной на смерть поэта в мае 1837 г. [4, стлб. 1062—1070]. Многостраничная статья П. В. Кукольника имела целью восстановление репутации Н. Н. Новосильцева. В ней бывший профессор Виленского университета хвалебно отзывался о деятельности Новосильцева в качестве попечителя Виленского учебного округа, отрицал пьянство попечителя, не сомневался, что общества филаретов и филوماتов представляли серьезную угрозу российскому присутствию в крае, и ставил их разоблачение в заслугу имперскому чиновнику. По мнению Кукольника, после раскрытия тайных обществ и наказания виновных начался «самый блистательный период существования Виленского университета» [8, с. 221]. Председатель Киевской археографической комиссии М. Юзефович на страницах «Русского архива» обвинил О. Пржецлавского в стремлении «ослабить ответственность своих соплеменников» в подготовке антироссийских восстаний и в поддержке догмата «шляхетской исторической непогрешимости» [23, стлб. 0201].

Острота полемики вокруг мемуаров О. Пржецлавского в значительной мере объясняется той общественно-политической обстановкой, которая сложилась в империи после подавления восстания 1863—1864 гг. Именно в этот период в российском обществе окончательно складывается представление о Северо-Западном крае как об исконно русской земле, принадлежащей России по историческому и государственному праву. Многие читатели «Русского архива» лично участвовали в подавлении восстания, работе новых государственных учреждений, сформированных в крае в результате реализации крестьянской реформы. Они чувствовали себя ответственными за сохранение этих территорий в составе России [9, с. 63]. В такой обстановке редактор «Русского архива» резко отмежевался от текстов мемуариста. Он не только не дал Пржецлавскому возможности ответить на страницах журнала на многочис-

ленные выпады в его адрес, но и выступил с рядом собственных критических замечаний, завершив их ударом «ниже пояса». Бартенев заявил, что опубликовал воспоминания Ципринуса с целью научить русского читателя распознавать врага под личиной друга, на собственном опыте почувствовать, «как легко поддаться влиянию отравы, когда она подносится в таком изящном замаскированном рецепте, с таким очаровательным ароматом откровенности» [1, стлб. 1057].

Мемуары Ципринуса свидетельствуют, что центром его Вселенной оставалась историческая Литва, где сформировалось его мировоззрение. На разломе двух исторических эпох литвин по рождению, поляк по языку и воспитанию О. Пржецлавский сделал выбор в пользу Российской империи и остался чужим для русских и предателем для соотечественников [20, с. 23]. Его судьба перекликается с судьбами белорусов самых разных исторических эпох. Всматриваясь в личность О. Пржецлавского, мы ищем ответы на вопросы: кто мы, куда идем, к какой принадлежим цивилизации?

В 1818 г. по окончании Виленского университета О. Пржецлавский занял должность письмоводителя слонимского уездного предводителя дворянства [14, с. 110]. В мае 1822 г. случилось обстоятельство, заставившее его выйти в отставку. Это было известие, полученное его дядей Фердинандом Боржимовским, о рассмотрении в высших имперских инстанциях дела, угрожавшего дяде лишением состояния. В это время Петербург, высшие правительственные и судебные учреждения, по мнению мемуариста, были для Литвы *terra incognita*. Главной причиной, по которой в эту неизвестную страну отправился молодой и неопытный человек, каким являлся Ципринус, было знание им русского языка [17, с. 43]. Пржецлавский утверждал, что едва мог претендовать на звание самоучки-дилетанта. Беспokoясь, что объем знаний не позволит справиться с поручением, молодой человек пытался отказаться от его выполнения. Однако мать Пржецлавского приказала ему бросить службу и ехать в Петербург спасать дядю. «Для меня это приказание, — признается мемуарист, — не допускало никаких отговорок; скрепя сердце я тотчас занялся приготовлением к отъезду» [17, с. 44].

Обстоятельства, положившие начало петербургскому периоду жизни Ципринуса, были следующими. Ф. Боржимовский по просьбе приятеля своего отца, некоего помещика П. (так обозначил его автор мемуаров), подписал документ о предоставлении своего имени в качестве залога для обеспечения подряда на поставку провианта для российских войск.

Дядя Пржещлавского не разбирался в том, что такое подряд и залог, считал выполнение просьбы дружеской услугой, которая не может иметь негативных последствий. Однако через полтора года стало известно, что имению угрожает конфискация. Подрядчики, помещики П. и С., получили задаток от казны, но свои обязательства не выполнили. Выяснилось, что П. обратился к Боржимовскому, когда дело уже поступило для рассмотрения в Государственное управление ревизии государственных счетов (далее — Государственный контроль. — С. Л.). Дядя Пржещлавского оказался в положении человека, вынужденного доказывать свою невиновность, и обратился за помощью к племяннику. Осип Антонович стремился обнаружить в российском законодательстве такой закон, в котором бы ясно говорилось, что взыскание на имение Ф. Боржимовского может быть наложено только в том случае, если стоимость имений подрядчиков будет недостаточной для удовлетворения претензий казны [17, с. 44—46].

В 1820-е гг. в Российской империи отсутствовал свод законов, важнейшая работа по кодификации законодательства будет осуществлена в царствование Николая I. Не было возможности найти необходимый закон и в библиотеке. Императорская публичная библиотека представляла собой книжное собрание польских ученых и политических деятелей братьев Юзефа и Анджея Залуских, вывезенное из Варшавы в Санкт-Петербург по приказу Екатерины II [6, с. 3—7]. Собрание включало ценные рукописи и печатные книги на латыни, польском, французском и других европейских языках. Каталог Императорской публичной библиотеки не был составлен. Существовали лишь отрывки старых каталогов, которые не облегчали положение читателя, так как никто из библиотекарей не умел читать по-польски [17, с. 63]. По распоряжению Александра I от 14 октября 1810 г. библиотека должна была получать по два экземпляра всех книг, издаваемых в типографиях империи [10, с. 9]. Однако и это распоряжение не превратило ее в место, где желающий имел бы возможность вникнуть в хитросплетения российского законодательства.

В Санкт-Петербурге отсутствовали адвокаты, но существовали так называемые «ходатаи по делам», один из которых подсказал О. Пржещлавскому, что необходимый закон может быть обнаружен в уставе Камер-коллегии Петра I. Месяцы потратил мемуарист на поиски, пока не сумел обнаружить закон в одном из углов сенатской лавки под стопками печатной продукции. В уставе ясно говорилось: «В случае взыскания за неисправность по казенным подрядам, взыскание обращается спер-

ва на имущество самих подрядчиков, сколько бы их ни было, и только тогда, когда все их имущества в совокупности окажутся недостаточными, то остальное количество казенной недоимки взыскивается с имущества посторонних лиц, находящихся в числе залогов» [17, с. 47]. На основании названного положения Пржецлавский подготовил прошение в Государственный контроль с целью освободить имущество дяди от грозившего ему взыскания. Длительный период, понадобившийся для поисков устава Камер-коллегии, мемуарист использовал для установления близких контактов с влиятельными лицами ведомства, включая самого государственного контролера барона Б. Кампенгаузена, о честности и неподкупности которого в петербургском обществе ходили легенды. Каким же образом удалось это осуществить молодому человеку, недавно прибывшему из литовской провинции и ограниченному в средствах?

Во-первых, он всегда мог обратиться за помощью к близкому другу своего отца — Антония Пржецлавского — члену Государственного совета Российской империи В. С. Ланскому. Во-вторых, направляясь в столицу, Осип Антонович получил два рекомендательных письма к лицам, имевшим высокое положение при дворе, от советника наместника Царства Польского Н.Н. Новосильцева. Близкому знакомству молодого секретаря уездного предводителя дворянства и блестящего сановника империи поспособствовал «его величество случай». Новосильцев являлся арендатором Слонимской экономии и часто посещал местного уездного предводителя Броньского, у которого работал Пржецлавский. Отправляясь в Петербург, он также запасся рекомендациями от масонской ложи, членом которой являлся [17, с. 44]. Автор мемуаров упоминает о своем участии в деятельности лож как о чем-то само собой разумеющемся. На самом деле масонский путь Пржецлавского без преувеличения можно назвать исключительным. В общество принимали не ранее 24 лет. Осип Антонович был принят в новогрудскую ложу «Узел единства» по предложению ее главы Адама Солтана восемнадцатилетним юношей [17, с. 83], а в 20 лет его возвели во вторую степень [22, с. 57, 61]. Когда в 1826 г. по требованию Николая I все чиновники Российской империи представили сведения, к каким тайным обществам они когда-либо принадлежали, выяснилось, что во всем аппарате Министерства внутренних дел, где в то время работал мемуарист, он один был масоном. «И начальники, и товарищи стали смотреть на меня как на какое-то таинственное существо, не имеющее с ними ничего общего», — отмечает Пржецлавский [17, с. 81, 82]. Можно сказать, что для профанов члены лож действительно

были существами инопланетными. Буквально понимая обязанность взаимной помощи, масоны переносили ее в область служебных и деловых отношений. Ципринус утверждает, что фамусовское правило «как не порадеть родному человечку» получило обширное применение среди членов ордена. Причем после запрещения лож в 1822 г. прежняя солидарность среди членов ордена сохранилась [17, с. 57]. Усилия О. Пржецлавского по делу его дяди принесли свои плоды. Генерал-контролер военно-счетного отделения Лагода вынес решение в пользу Ф. Боржимовского, государственный контролер Российской империи Б. Кампенаузен утвердил принятое решение. В установленном порядке дело было передано в 1-й департамент Сената для вынесения окончательного вердикта [17, с. 47].

В рассматриваемый период Сенат представлял собой совокупность 10 номерных департаментов, скрепленных главенством генерал-прокурора. 1-й департамент осуществлял надзор за центральными и местными учреждениями и ведал обнародованием законов; 2—4-й и 7—9-й департаменты были высшими апелляционными инстанциями по гражданским делам (каждый для отдельной группы губерний); 5-й, 6-й и 10-й департаменты — по уголовным. Кроме того, в состав Сената входили межевой департамент и герольдия. Названные подразделения, а также департаменты с 1-го по 5-й находились в Санкт-Петербурге, 6—8-й размещались в Москве, а 9-й и 10-й — в Варшаве. Во главе каждого департамента стоял обер-прокурор [5, с. 155, 156]. Согласно указу от 8 сентября 1802 г. решения в департаментах принимались единогласно, в случае разномыслия обер-прокурор должен был убедить «всех к единогласному решению» [7, с. 242]. Если даже один сенатор высказывался против, решение принималось на общем собрании Сената большинством в две трети голосов. Дело Ф. Боржимовского рассматривалось в 1-м департаменте, так как речь шла о задолженности перед российской казной. Пытаясь получить положительное решение по делу дяди, О. Пржецлавский предварительно выяснил «механизм» работы Сената. Он оставил следующую характеристику высшего государственного учреждения Российской империи в 20-е гг. XIX в.: «Это были разделенные на департаменты группы лиц вполне заслуженных из разных ведомств, лиц, большею частью очень почтенных, но утомленных службою до полной апатии, и, с весьма немногими исключениями, дряхлых старцев. Притом же очень немногие имели если не теоретическую, то хотя практическую подготовку к занимаемому ими судебскому званию.

Почти половина сенаторов были заслуженные военные генералы, которым по каким-либо причинам не предстояла дальнейшая военная карьера; другую половину составляли личности знатного рода, составившиеся гражданские губернаторы и т. п. В таком составе нельзя было требовать от членов Сената, чтоб они вникали в дела как бы следовало; поэтому все зависело от доклада, который читали и на словах объясняли обер-секретари согласно тому, как были задобрены той или другой из сторон; они-то и были *de facto* судьи, хотя и не облеченные в это звание, а потому не несущие даже моральной ответственности за решения. Они, не краснея, торговались с заинтересованными сторонами; более дающему обещали несомненный выигрыш, и в какой-нибудь десяток лет наживали громадные состояния» [17, с. 48].

Ципринус добавляет, что 1-й департамент Сената был «завален таким множеством дел», что сенаторы были просто не в состоянии в них вникать [17, с. 54]. Его слова подтверждают беспристрастные статистические данные. По штату 1819 г. в 1-м департаменте состояло 126 человек, при этом входящих документов насчитывалось в 1825 г. 14 634, в 1826 — 15 121, в 1827 — 18 118, а в 1828 г. — уже 20 032 [7, с. 264, 265].

Скептически относился к возможности Сената выносить справедливые решения еще один петербуржец, уроженец Минщины, известный издатель, журналист, писатель Ф. В. Булгарин. В 1820-е гг. Фаддей Венедиктович также выступил в качестве поверенного по судебному процессу своего двоюродного дяди П. Булгарина [21, с. 14]. Согласно указу 6 января 1809 г. апелляционные дела по гражданским искам из Киевской, Волынской, Подольской, Минской, Виленской, Гродненской, Витебской, Могилевской губерний и Белостокской области были отнесены к ведению первого отделения 3-го департамента Сената [11, т. 30, № 23 436]. Издатель «Северной пчелы» характеризовал этот департамент как «золотой рудник», а обер-секретаря департамента Н. М. Попова как «первого взяточника Сената», утверждая, что последний купил себе место секретаря в «верховном месте империи» [3, с. 379]. По делу П. Булгарина Попов сумел получить около 40 тыс. р. со всех заинтересованных сторон, показывая каждому из заявителей доклад дела, составленный в его пользу. Однако тайна была раскрыта, поверенные узнали друг от друга, что все они были обмануты. Возмущенный бесстыдством взяточника, адъютант герцога А. Вюртембергского А. А. Бестужев летом 1824 г. пригрозил Попову, что о его деятельности станет известно великому князю Николаю Павловичу. И хотя угроза возымела действие, обер-сек-

ретарь и тут не постеснялся выторговать для себя более выгодные условия. Он вернул Булгарину 5 тыс. р., что составляло лишь половину суммы, полученной от него в качестве взятки [3, с. 379, 380]. Добавим, что денежное содержание сенатских служащих не повышалось более полувека. Материальное обеспечение, положенное по штатам Екатерины II 1763 г., было резко увеличено по настоянию министра юстиции только в 1818 г. По новым штатам обер-прокуроры получали 6 тыс. р., а обер-секретари — 3 тыс. р. в год [7, с. 262—264]. Таким образом, взятка Попова, полученная от тяжущихся сторон по одному только делу, более чем в 13 раз превышала годовое жалованье.

Взяточничество было одной из причин, тормозивших работу Сената. Вторая причина — нехватка квалифицированных кадров для осуществления его жизнедеятельности. Несмотря на то что 3-й департамент Сената по штату 1819 г. занял первое место среди других департаментов по числу служащих (165 человек), их количество было явно недостаточным для рассмотрения апелляционных дел [7, с. 284]. Не только выходцы с территории бывшего ВКЛ, но и петербургское общество в целом невысоко оценивало результаты реформирования Сената Александром I, о чем свидетельствует анонимная эпиграмма первой половины XIX в.: «Лежит Сенат в пыли, седым покрытый мраком. “Восстань!” — рек Александр. Он встал — да только раком» [19, с. 68].

Так как О. Пржецлавский был невысокого мнения о моральных качествах сотрудников Сената, он активно искал возможность повлиять на мнение «главной пружины делового механизма — обер-секретаря» [17, с. 49]. Однако обер-секретарь Вилинский оказался честным человеком и убегал от желающих переговорить с ним наедине в самом прямом смысле. Поведение Вилинского, которого товарищи называли «дикарем», вселяло в Пржецлавского надежду, что чиновник не пойдет на поводу у противников его дяди. Однако опасность пришла с другой стороны.

Выяснилось, что могущественный директор департамента юстиции И.Ф. Журавлев ранее был губернским прокурором в Вильне, где у него сложились близкие отношения с госпожой С., женой одного из подрядчиков. В период рассмотрения дела в Сенате эта женщина в связи со смертью мужа представляла противную Ф. Боржимовскому сторону. Не желая лишиться имения, она прибыла в Петербург, где Журавлев оказывал ей всевозможное покровительство. Если добавить, что кроме служебных у Журавлева были прекрасные личные отношения с министром юстиции Д. И. Лобановым-Ростовским (1817—1827), являвшимся од-

новременно генерал-прокурором Сената, то становится понятно, что шансы Пржецлавского выиграть дело становились призрачными [17, с. 50]. В таких обстоятельствах Ципринус решил использовать последнюю возможность повлиять на рассмотрение дела, раскрыв его детали обер-прокурору 1-го департамента Сената А. В. Казадаеву. Мемуарист характеризует его как человека умного, непоколебимой честности, храброго поборника правды [17, с. 51]. Личная встреча казалась невозможной, так как Казадаев уклонялся от общения с просителями. И все-таки встреча состоялась: Пржецлавского с Казадаевым соединила любовь к музыке. Оба они оказались слушателями одного и того же благотворительного концерта. В результате конфиденциального разговора Казадаев принял сторону дяди Пржецлавского. Под его влиянием 1-й департамент Сената постановил взыскание казны «обратить первоначально на имущество С. и П. в совокупности; имение же Боржимовского подвергнуть взысканию лишь только в том случае и в такой мере, когда и насколько имущества обоих подрядчиков окажется недостаточно для удовлетворения казны» [17, с. 51—54]. Впоследствии Ципринус узнал, что его защитник нажил себе столь серьезного врага в лице Журавлева, что вынужден был подать в отставку.

В воспоминаниях О. Пржецлавского уделяется внимание деятельности еще одного подразделения Сената Российской империи — герольдии. Вопрос о взаимоотношениях с герольдией Сената остро встал для шляхты ВКЛ на рубеже 1820—30-х гг. В феврале 1828 г. Николай I возобновил требование Павла I об обязательном утверждении герольдией решений губернских дворянских депутатских собраний о дворянском происхождении [12, т. 3, № 1773]. Восстание 1830—1831 гг. вызвало резкую перемену политического курса по отношению к Беларуси, Литве и Правобережной Украине. Убедившись в политической неблагонадежности местного высшего сословия, правительство Николая I решило кардинальным образом решить проблему мелкой шляхты, лишив ее сословной принадлежности к дворянству. Указ от 19 октября 1831 г. «О разборе шляхты в Западных губерниях и об устройстве сего рода людей» создавал новые группы — однодворцев и граждан, в которые должны были быть записаны все лица, не доказавшие свое дворянское происхождение [12, т. 6, № 4869]. В таких обстоятельствах герольдии Сената принадлежала решающая роль в определении будущего шляхтичей западного региона империи. Вместе с тем сама герольдия не представляла собой учреждения, готового к решению столь грандиозной задачи.

Во-первых, не был четко определен ее статус. Герольдия имела статус коллегии, являясь одновременно структурным подразделением Сената. Никто из сенаторов не был лично ответственным за итоги ее работы [7, с. 318]. По одной части дел окончательные решения принимались в общем присутствии Сената, по другой — в его 1-м департаменте, по третьей — в самой герольдии [7, с. 313]. Сенаторы были перегружены делами тех департаментов, в которых они, собственно, и состояли на службе, дела других подразделений рассматривались по остаточному принципу. Герольдия имела права самостоятельно отказывать в утверждении в дворянстве и в то же время должна была докладывать Сенату об утверждении в нем. В результате случалось раздробление однородных дел, когда один из братьев утверждался в дворянском достоинстве, а другой получал отказ [7, с. 318]. Несмотря на многочисленные ходатайства министра юстиции, Николай I долго не соглашался на повышение статуса герольдии. В качестве самостоятельного департамента Сената она начала действовать 12 июля 1848 г. [12, т. 23, № 22 578].

Во-вторых, численность сотрудников герольдии не соответствовала тому количеству дел (речь шла о сотнях тысяч шляхтичей), которые она должна была рассматривать в русле реализации политики «разбора». Несмотря на неоднократные реорганизации аппарата и увеличение штата, численность служащих к 1834 г. составила лишь 58 человек [7, с. 316]. В апреле 1834 г. на учреждение была возложена обязанность осуществлять ревизию решений губернских дворянских депутатских собраний об утверждении в дворянстве. В результате герольдия оказалась буквально заваленной делами, поступавшими из ревизионных комиссий. К 1839 г. их накопилось 18 тыс. [7, с. 315, 316]. В 1840-е гг. герольдия обрабатывала около 16 тыс. дел ежегодно, но проблема ликвидации очереди на рассмотрение дел так и не была решена [7, с. 323].

О. Пржецлавский в своих воспоминаниях обращает внимание на еще один существенный недостаток в работе герольдии: ее сотрудники были не подготовлены для того, чтобы разбираться в документах, родившихся не просто в другом государстве — в другой общественно-политической системе. Никто из членов герольдии не обладал специальными историческими знаниями для решения запутанных дел о дворянстве шляхты западных губерний. Такое положение открывало обширное поле для произвола, чем пользовались члены герольдии в корыстных интересах [16, с. 38]. Министр юстиции Российской империи граф В. Н. Панин (1841—1862) вскоре после назначения на должность обнаружил назван-

ную проблему и велел во всех спорных делах о происхождении уроженцев бывшей Речи Посполитой (РП) запрашивать заключение министра-статс-секретаря Царства Польского И. Туркула. Последний не был достаточно компетентен в подобных вопросах, в связи с чем порекомендовал разрешение третьим лицам в частном порядке. Таким образом, О. Пржецлавский, Ф. Малевский и Ц. Заборовский, официально не имевшие отношения к герольдии, были вовлечены в работу по составлению полного списка званий и должностей, которые в РП имели право занимать исключительно лица благородного сословия [16, с. 38, 39]. Подчеркнем, что работа в этом направлении активизировалась уже в 1840-е гг., т. е. через десять лет после выхода указа от 19 октября 1831 г., определившего порядок и сроки «разбора шляхты» в Российской империи.

Таким образом, в своих воспоминаниях Пржецлавский (Ципринус) раскрывает целый ряд проблем, которые тормозили работу высшего государственного учреждения Российской империи — Сената: отсутствие свода законов, на который сенаторы и канцелярские служащие могли бы опираться в своей работе; недостаточность теоретической и практической подготовки сенаторов для выполнения судебных функций; слишком малый объем штата учреждения относительно поставленных перед ним задач; обер-секретари как главная пружина делового механизма департаментов Сената; служащие герольдии Сената были некомпетентными в вопросах происхождения представителей шляхты РП, но они были облечены правами принимать решения о принадлежности к дворянскому сословию, что рождало многочисленные ошибки и злоупотребления; на всем протяжении 30-х гг. XIX в. не были определены четкие критерии работы герольдии по реализации политики «разбора шляхты». «Разбор» оказался такой задачей, к выполнению которой члены герольдии не были готовы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бартнев П. И.* По поводу воспоминаний г-на Ципринуса // Рус. архив. 1873. Кн. 6. Стлб. 1052—1058.
2. *Бартнев П. И.* Сеньковский и Мицкевич // Рус. архив. 1873. Кн. 4. Стлб. 632—638.
3. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / publ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М.: Новое лит. обозрение, 1998.
4. *Вяземский П. А.* Мицкевич о Пушкине (по поводу издания в свет посмертных сочинений Мицкевича). Статья, присланная из-за границы // Рус. архив. 1873. Кн. 6. Стлб. 1057—1088.

5. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968.
6. Императорская публичная библиотека за сто лет: 1814—1914 / ред. Л. Ф. Кобеко. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1914. XXVI, 30 ил.
7. История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 : в 5 т. СПб. : Сенат. тип., 1911. Т. 3 : Правительствующий сенат в XIX столетии до реформ 60-х годов.
8. *Кукольник П. В.* Анти-Ципринус. Воспоминания о Н. Н. Новосильцеве // Рус. архив. 1873. Кн. 2. С. 203.
9. *Полевой Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии // Рус. старина. 1910. № 1. С. 47—63.
10. Положение о управлении Императорскою публичною библиотекою от 14 октября 1810 г. // Акты, относящиеся до нового образования Императорской библиотеки. СПб. : Тип. губерн. правления, 1812. С. 5—12.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830—1847.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830—1884.
13. Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. / сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О. А. Пржещлавского и коммент. А. И. Федуты ; пер. воспоминаний С. Моравского, Т. Бобровского и А.-Г. Киркора с пол. Ю. В. Чайникова. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
14. Николай Николаевич Новосильцев // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 92—142.
15. Цензура. 1830—1865 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 207—291.
16. Игнатий Туркул, министр Царства Польского. 1797—1857 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 5—40.
17. Воспоминания. 1818—1831 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 41—101.
18. Фаддей Бенедиктович Булгарин // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 212—229.
19. *Тынянов Ю. Н.* Пушкин. М. : Худож. лит., 1987.
20. *Фядута А.* Восіп Пшацлаўскі і яго ўспаміны // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 5—24.
21. *Фядута А.* Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына // Булгарын Ф. Выбранае / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. Мінск : Беларус. кнігазбор, 2003. С. 5—42.
22. *Швед В. В.* Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVIII — першая чвэрць XIX ст.) : біяграф. слоўн. Гродна : ГрДУ, 2007.
23. *Юзефович М.* Ответное слово г-ну Пржещлавскому // Рус. архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 0201—0218.

О. И. МАЛЮГИН

«HISTORIA BRITTONUM» НЕННИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются источниковедческие проблемы, связанные с изучением «Истории бриттов», приписываемой Неннию. В последние десятилетия отношение исследователей к тексту изменилось — от отрицания его исторической ценности к признанию его одним из наиболее интересных источников раннего Средневековья. «История бриттов» была создана Неннием по многочисленным источникам, его текст можно определить как «синхронистическая история». «История бриттов» не свободна от ошибок, но они проливают свет на то, как видел историю своей страны автор.

Article deals with the problems concerning text which known as «Historia Brittonum» and has ascribes to Nennius. In the last decades scholars has changed their attitudes to this text — from denial of its historical value to acceptance him as one of the most interesting early medieval sources. «Historia Brittonum» was written probably by the same author, known as Nennius, who was able, using a wide range of sources, to create text that is defined as «synchronistic history». Of course, there are too many errors in «Historia Brittonum». But these errors shed light on how a writer who lived in one of the most difficult periods in British history saw the history of his people.

Ключевые слова: «Historia Brittonum»; Ненний; раннее Средневековье; Британские острова.

Keywords: «Historia Brittonum»; Nennius; early medieval ages; British Isles.

О периоде раннего Средневековья в Британии письменных источников крайне мало. Кроме археологических данных ученые располагают лишь несколькими текстами: «О разрушении Британии» Гильдаса, «Церковной историей» Беда Достопочтенного, «Англосаксонской хроникой» и произведением «Historia Brittonum», приписываемым Неннию.

Малюгін Алег Іванавіч — дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук. E-mail: maliugin@mail.ru

---

Несмотря на пристальный интерес к этому тексту и личности его автора, по сей день справедливыми остаются слова, сказанные Н. Чадвик по поводу «*Historia Brittonum*» более 50 лет назад: «Можно с уверенностью сказать, что ни одна из проблем раннего Средневековья не представляет бóльших трудностей, чем проблема происхождения и истории текста “Истории бриттов”» [1, с. 37]. До конца не ясно ни точное время составления произведения, ни имя его автора (условно им принято считать уэльского клирика Ненния, жившего в первой половине IX в.), ни источники сведений, на которых базируется рассказ «*Historia Brittonum*». При этом ни одно исследование по истории Британских островов раннего Средневековья не обходится без упоминания «*Historia Brittonum*» и анализа имеющихся там сведений.

История изучения текста «*Historia Brittonum*». «*Historia Brittonum*» неоднократно издавалась как на языке оригинала (латыни), так и в переводе на основные современные европейские языки, в первую очередь на английский. Не учитывая изданий текста «*Historia Brittonum*», осуществленных на протяжении XVII—XVIII вв., стоит отметить первые издания памятника в XIX в. Вильямом Ганном [2] и Джозефом Стивенсоном [3]. Классический перевод «*Historia Brittonum*» на английский язык — перевод Джона Гиля в его знаменитых «*Six old English chronicles*» [4].

В конце XIX в. издание латинского текста «*Historia Brittonum*» было осуществлено Т. Моммзеном в серии *Monumenta Germaniae Historica* [5]. Вариант Т. Моммзена, основанный на изучении 11 основных рукописей, и по сей день считается лучшим из всех существующих [6, с. 5]. В дополнение к латинским манускриптам автор разместил в своем издании и латинский текст ирландского перевода «*Historia Brittonum*», принадлежащий перу ирландского ученого XI в. Гиллы Комэйна. Оригинальный ирландский текст был издан в середине XIX в. в Дублине [7].

В XX и начале XXI в. также было предпринято несколько попыток издания памятника. В этом периоде выделяется издание Ф. Лота, осуществленное в 1934 г. [8], которое, впрочем, некоторые современные исследователи считают не столь качественным, как вариант Т. Моммзена [6, с. 5]. Среди других изданий следует назвать версию А. Вэйд-Эванса в 1938 г. [9] и его же переиздание в 2003 г. [10], Дж. Морриса в 1980 г. [11] и Д. Дамвилла в 1985 г. [12]. Последний текст отличается от предыдущих тем, что Д. Дамвилл обратил внимание на рукопись *Vatican Reg. 1964*, ранее не публиковавшуюся, и предпринял попытку ее критического издания.

На русский язык «Historia Brittonum» была переведена лишь однажды, причем как приложение к тексту «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского [13].

Еще больше, чем изданий самого текста «Historia Brittonum», за последние два столетия было опубликовано исследований, посвященных истории памятника, проблеме его авторства и датировке, содержанию. Среди классических работ, определивших тенденции изучения произведения, следует отметить в первую очередь труды Х. Циммера [14], В. Невелла [15], Ф. Либермана [16] и Ф. Лота [8]. В последние годы (с начала 70-х гг. XX в.) ряд статей по «Historia Brittonum» опубликовал Д. Дамвилл [17—20], один из наиболее авторитетных специалистов по данной проблематике. В 1990 г. его многочисленные работы были собраны под одной обложкой [21].

В отечественной и русскоязычной историографии нет ни одного исследования, посвященного «Historia Brittonum». Едва ли не единственное упоминание этого произведения в академической литературе — небольшой пассаж в классическом труде А. Д. Люблинской, причем она допустила в нем грубую ошибку, обозначив Ненния «учеником Гвинедда (ум. ок. 809 г.), епископа Уэльского» [22, с. 93], хотя в знаменитом Прологе автор говорит о себе следующее: «Ego Ninnius Elvodugi discipulus...».

Рукописи. «Historia Brittonum» сохранилась в ряде манускриптов, тексты которых сильно различаются между собой. Еще в XIX в. Т. Момзен выделил 11 рукописей, которые он использовал при подготовке своего издания «Historia Brittonum», объединив их в пять групп: Z: *Chartres MS 98* (ок. 900 г.); M: *Vatican Reg. 1964* (XI в.), N (XII в.); H: *British Library Harleian MS 3859* (ок. 1100 г.), K (XII в.); C: *Cambridge Corpus Christi College 139* (1164 г.), D, L, G; P: *British Library Cotton Caligula A VIII* (XII в.), Q [5, с. 113, 114].

Следует отметить, что среди исследователей нет единства даже в вопросе, сколько именно рукописей «Historia Brittonum» дошло до нашего времени: разница в количестве вариантов текста колеблется от 30 [23, с. 372] до 40 [24, с. 269], хотя наиболее часто встречается цифра в 33 рукописи [1, с. 38; 6, с. 6].

Основная проблема, связанная с текстом «Historia Brittonum», состоит в том, что различные манускрипты весьма разнятся между собой, особенно в главах с 1 по 30, где повествуется о происхождении кельтских народов и о господстве на острове римлян.

Вторая проблема — весьма позднее происхождение большинства рукописей, которые датируются XI—XII вв. Лишь одна рукопись (*Chartres MS 98*) относится исследователями приблизительно к 900 г. н. э. Поскольку сам текст «*Historia Brittonum*» был создан в более ранний период (ученые не пришли к единству относительно точной даты), то при копировании текста в него вносилось множество изменений и заимствований, в том числе и из одной рукописи в другую. Это делает затруднительным вычленение оригинального текста и заставляет ученых работать с «*Historia Brittonum*» предельно осторожно.

Как отмечено выше, наиболее ранней рукописью «Истории бриттов» является манускрипт *Chartres MS 98*, записанный в начале X в. или немногим позднее. В нем содержится ряд сведений, которые отсутствуют в более поздних вариантах, но, к сожалению, текст был переписан со значительными ошибками и к тому же отличается неполнотой.

Чаще всего исследователями используется рукопись *MS Harleian 3859* (H), так как в ней содержится наиболее полный вариант «Истории бриттов», а также самая ранняя версия «Анналов Камбрии» и уэльские генеалогии. В тексте отсутствует пролог к «Истории бриттов». Копия в рукописи 3859 была сделана приблизительно в 1100 г. с более раннего экземпляра [1, с. 38]. В ней отсутствует Пролог, и потому текст анонимен. В то же время эта рукопись содержит главы с 57-й по 66-ю, которые обнаруживаются еще лишь в одном манускрипте.

Третий вариант текста — из рукописи *Vatican Reg. 1964*, созданной в XI в., судя по всему, был зафиксирован еще в середине X в. Авторство текста приписано «Марку, анахорету, святому бриттскому епископу в пятый год правления короля Эдмунда» (HBr, с. 4, 31), что дает 943/944 г.

Последняя из четырех наиболее важных рукописей содержится в *Cambridge Corpus Christi College 139* (обычно в сокращении — *MS CCCC 139*). Она же и самая поздняя, причем датируется с точностью до месяца — сентябрем 1164 г. [25]. *MS CCCC 139* дала начало ряду рукописей, из которых наиболее значимой стоит признать *MS B.2.365* из библиотеки Дурхамского кафедрального собора, и оказалась наиболее популярной в высоком Средневековье, неоднократно копировалась переписчиками. Именно в рукописях этой группы появляется знаменитый пролог к «Истории бриттов», в котором названо имя его автора — Ненния. Звучит оно в самом начале пролога — «*Ego Ninnius Elvodugi discipulus...*» (Я, Нинний, ученик Элводуга...). В рукописях более ранних групп пролог отсутствует, и потому текст остается анонимным.

Наименее информативны рукописи группы *P*, включая манускрипт *British Library Cotton Caligula A VIII*, датируемый не ранее XII в. В этих рукописях содержится сокращенный вариант «*Historia Brittonum*», приписанный перу Гильдаса.

К рукописям группы *C* примыкает ирландская версия «*Historia Brittonum*» — *Lebor Brethnach* [7], скопированная, как считается, с утерянного латинского варианта во второй половине XI в. [1, с. 41]. Ирландская версия сохранилась в трех основных вариантах, записанных в пяти манускриптах. Этот текст серьезно отличается от рукописей, рассмотренных выше. Но поскольку *Lebor Brethnach* восходит к тому же варианту, на который опирается *MS CCCC 139* с другими рукописями группы *C*, это позволяет делать выводы о первоначальном тексте «*Historia Brittonum*». Как и в рукописях группы *C*, в *Lebor Brethnach* имеется Пролог, в котором автором называется *Nemnus* или *Nemnius*.

Проблемы датировки и авторства. Это упоминание в Прологе дает возможность датировать создание (или окончательную редакцию) текста. В рукописях группы *C* Пролог начинается словами: «*Ego Ninnius Elvodugi discipulus aliqua excerpta scribere curavi...*». Епископ Элводуг (*Elffodw*), учеником которого объявляется тут Ненний, скончался в 809 г., так что речь должна идти о IX в., скорее всего о его первой половине.

В большинстве рукописей, за исключением *Chartres MS 98* и ирландских вариантов, в главе 16 сказано: «*Usque ad annum quartum Mermini Regis*» (В четвертый год [правления] короля Мервина). Имеется в виду король Гвинед Мервин (Мерфин), и такая датировка должна указывать на 829/830 г.

В ряде рукописей указываются более поздние даты создания «*Historia Brittonum*». Рукопись *MS CCCC 139* и зависимые от нее тексты содержат в главе 4 датировку «Тридцатый год Анаравда (*Anarawd*), короля Мэна, который теперь правит королевством Гвинедд». Это указание отсылает к дате 907/908 г. А в *Vatican Reg. 1964* (гл. 4 и 31) говорится про «пятый год короля Эдмунда», что должно свидетельствовать о 943/944 г.

Однако с учетом того факта, что рукопись *Chartres MS 98*, содержащая самый ранний известный вариант «Истории бриттов», датируется приблизительно 900 г., датировки в *CCCC 139* и *Vatican Reg. 1964* должны рассматриваться не как время создания самого текста, а как время записи его конкретного варианта.

Не решена по сей день и проблема авторства «*Historia Brittonum*». В прологе названо имя Ненния как автора текста. Формы имени вклю-

чают в себя Ninnius, Nennio (abl.) Nemnii (gen.). Однако в том же манускрипте *CCCC 139* упоминаются Сэмюэль, Беулан и Эвбен, имеющие отношение к фиксации текста. По совокупности признаков исследователи склонны считать, что это имена переписчиков текста, а не его авторов [21, с. 64—66].

В *Vatican Reg. 1964*, как уже упоминалось, авторство приписывается анахорету Марку, святому бриттскому епископу в пятый год правления короля Эдмунда. Согласно Н. Чадвик, это свидетельствует в пользу гипотезы, что данная версия была составлена англосаксом [1, с. 40], тогда как Р. Вермаат убежден, что Марк был бриттом, и связывает его с епископом Марком, помогавшим некоему Эрику в составлении «Жития св. Германа» во второй половине IX в. [25]. И вновь исследователи сходятся во мнении, что речь должна идти о составителях конкретного текста, а не об авторах самого произведения [26, с. 107].

Таким образом, четко выявляется тесная связь двух проблем — датировки и атрибуции (времени создания и имени автора) основного текста «*Historia Brittonum*». В результате длительных дискуссий в научной среде сформировалось несколько принципиально различающихся подходов к решению данного вопроса.

Согласно точке зрения, которую называли «традиционной», целиком «*Historia Brittonum*» была создана в первой половине IX в. Неннием, как об этом говорится в Прологе в манускрипте *CCCC 139* [16, с. 42].

Альтернативной является гипотеза, что исходный текст «*Historia Brittonum*» был создан в 679 г. бриттом из Стратклайда, чье имя нам неизвестно, а Ненний (или человек, скрывающийся под именем Ненния) — автор той редакции данного произведения, которая дошла до наших дней. Н. Чадвик писала о «небольшом бриттском ядре VII в., на котором было основано несколько последующих редакций» [1, с. 42], а Ф. Лот даже напечатал гипотетическую исходную «*Historia Brittonum*» отдельно от дошедшего до нас текста [8, с. 5].

Х. Циммер доказывал в конце XIX в., что Ненний может считаться автором или составителем главной части «*Historia Brittonum*», а именно § 7—65, отрицая аутентичность пролога, оглавления и ряда параграфов заключительной части произведения (*Mirabilia*) [14, с. 78—105].

В качестве компромиссного варианта выдвигалась версия, что Ненний — составитель оригинального текста «*Historia Brittonum*», а заимствована им у анонимного бриттского автора VII в. была лишь *Genealogiae Saxonicum* (§ 57—65) [23, с. 372].

В целом точка зрения, что Ненний — автор текста (с отдельными вариациями), господствовала в исторической науке на протяжении почти трех четвертей XX в.

Ситуация изменилась в 1970-х гг. Д. Дамвилл в своих работах по «Historia Brittonum», изданных на протяжении 1970—80-х гг., отмечает, что ее текст неоднократно пересматривался, дополнялся и переписывался в период времени от ее предположительного создания до фиксации в сохранившихся до наших дней рукописях. Отрицая также аутентичность пролога к тексту в рукописях группы С, Д. Дамвилл рассматривает «Historia Brittonum» как анонимное произведение, в то же время соглашаясь с традиционной датировкой ее окончательного редактирования в 829/830 г. [18, с. 78—95]. Его точка зрения стала достаточно распространенной в современной историографии [25; 27, с. 121].

Тем не менее в последнее десятилетие прошлого и в начале нынешнего века ряд ученых оспорили выводы Д. Дамвилла об авторстве текста «Historia Brittonum». Д. Хоуллетт утверждает, что пролог написан в том же камбро-латинском стиле, что и основной текст «Historia Brittonum», и это стилистическое единство является главным доказательством того, что и пролог, и основной текст написал один автор (правда, исследователь уходит от ответа на вопрос, кто именно был автором «Historia Brittonum») [28, с. 74]. А. Грансден пишет: «В целом более вероятным будет предположение, что Ненний был автором «Historia Brittonum» в том виде, в котором мы ей располагаем...» [6, с. 6]. Сходную точку зрения высказывает и Дж. Келлер: «...в целом историки склоняются к Неннию из-за недостатка других вероятных авторов» [29, с. 16]. По сути, это возрождение теории, преобладавшей в науке в первой половине XX в. Наиболее ярко ее выразили в своих работах такие ученые, как Ф. Либерманн [16, с. 25—44] и К. Джексон [30, с. 47].

Структура текста «Historia Brittonum». Текст начинается с Пролога, который обсуждался выше, и рассказа о шести возрастах мира (гл. 1—6).

Первую часть своего труда Ненний посвятил размышлениям о происхождении народов, населявших Британию, а также краткому изложению истории римского владычества на острове (НВ, гл. 7—31). Этот материал можно разделить на три части:

- эпонимические легенды и генеалогии, включая два основных варианта происхождения бриттов (НВ, гл. 10—11 и 17—18);
- перечень римских императоров, которые посещали Британию, наряду с некоторыми историческими фактами (НВ, гл. 19—27);

• отношения между бриттами и римлянами в конце IV — начале V в. и конец римского господства на острове (НВ, гл. 28—31).

Главы 32—35 рассказывают о прибытии на остров св. Германа Оксерского и его деятельности, в том числе отношениях с Вортигерном. Вслед за этим идет раздел, посвященный борьбе бриттов с саксами после их приглашения Вортигерном (гл. 36—49).

Затем автор обращается к рассказу о проповеди Патрика в Ирландии (гл. 50—55), после чего следует самый знаменитый отрывок «Истории бриттов» — рассказ об Артуре и его борьбе с саксами (гл. 56), вызвавший к жизни огромнейшую исследовательскую литературу.

После описания подвигов Артура Ненний переходит к генеалогиям англосаксонских королей (гл. 57—65), заканчивая этот раздел хронологическими вычислениями, связанными в основном с определением времени правления Вортигерна и датой *Adventus Saxonum* (гл. 66).

Завершают «*Historia Brittonum*» перечень 28 городов Британии, упоминаемый также у Гильдаса (гл. 66а, отсутствующая в ряде рукописей), и *Mirabilia* (О чудесах чудных Британии), охватывающая главы 67—76.

Значение «*Historia Brittonum*». В прологе автор так определяет свой подход к сбору материала: «Я же собрал все, что нашел, как из анналов римлян, так и из сочинений святых отцов, то есть Иеронима Евсевия, Исидора, Проспера, равно как и из анналов скоттов и саксов, а также из изустного предания наших предков, о чем уже пытались, но безуспешно, написать многие ученые мужи и хранители книг; не знаю, какие препятствия помешали им в этом, то ли бесконечно частые моровые поветрия, то ли бедствия бесчисленных войн» (НВг, Pr.). Эта фраза Ненния (особенно слова «*соасервати omne quod inveni...*») привела исследователей к мысли, что он собирал и использовал материал без всякого отбора и критического анализа, и стала причиной весьма скептического отношения к нему и его труду на протяжении большей части XX в. Так, Дж. Майерс говорил о невежестве и глупости Ненния [31, с. 329], и эта точка зрения стала широко распространенной (К. Джексон, к примеру, называет Ненния «тупой и беспомощной личностью», апеллируя к устоявшейся традиции [32, с. 57]).

Такая оценка труда Ненния определяется прежде всего сравнением «*Historia Brittonum*» с произведениями Гильдаса и Беды Достопочтенного. Особенно в сравнении с «Церковной историей» Беды текст Ненния проигрывает, поэтому общим стало мнение, что если сведения, сообщаемые в двух источниках, совпадают, то Ненний заимствовал их из

Беды; если их оценки расходятся, то факты, сообщаемые Бедой, заслуживают большего внимания; и, наконец, если Ненний сообщает дополнительную информацию, которой нет у Беды, исследователи были склонны рассматривать ее как вымысел [25].

Но столь односторонняя оценка труда Ненния обусловлена в том числе и пониманием «*Historia Brittonum*» как истории традиционного типа, копирующей труд Беды и других раннесредневековых историков. Заслугой Д. Дамвилла стала система доказательств, что труд Ненния представляет собой совершенно другой тип исторического повествования, названный «синхронизирующей историей» (*synchronising history*) и распространенной в то же время в Ирландии [20, с. 1—26]. При создании «синхронизирующей истории» автор предпринимает попытки свести воедино все доступные ему источники, неважно, насколько они противоречат друг другу. Его цель — создать возможно более полный и исчерпывающий рассказ о событиях прошлого, согласовывая эти материалы. Ненний делает это путем создания связей «причина — следствие» между событиями, которые, по всей вероятности, не имели между собой ничего общего. Но усилия Ненния по синхронизации источников не всегда успешны, что и приводит к ошибкам в его произведении. Эта точка зрения на суть «*Historia Brittonum*» получила значительное распространение в последние два десятилетия [29, с. 16—17; 33, с. 141].

Более того, гипотеза Д. Дамвилла вызвала к жизни новые рассуждения о сущности труда Ненния. Так, Т. Чарльз-Эдвардс предположил, что термин «синхронизирующая история» слишком узок для определения труда Ненния, и выдвинул термин «синхронистическая история» (*synchronistic history*), соединяющий в себе *historia gentis* (история народа) и *historia ecclesiastica* (история Церкви) [34]. Его точку зрения поддержали Дж. Коэ и С. Янг, оценив труд Ненния как полноценную национальную псевдоисторию [35, с. 6]. Вдобавок к этим оценкам, Д. Хоулетт объявил «*Historia Brittonum*» превосходным образцом «библейского стиля» в уэльской латиноязычной литературе, обладающей внутренним стилистическим единством [28, с. 74—83].

Таким образом, в последние годы оценка труда Ненния исследователями значительно изменилась — от отрицания его исторической ценности до признания одним из самых оригинальных и своеобразных исторических текстов, созданных на территории Британских островов в раннем Средневековье. Следовательно, можно утверждать, что «*Historia Brittonum*» — произведение, принадлежащее перу одного автора (ско-

рее всего, Ненния или человека, скрывавшегося под его именем) и созданное на территории Северного Уэльса в первой половине IX в. В противоположность прежним предположениям о неудовлетворительном качестве материала, содержащегося в «*Historia Brittonum*», можно констатировать, что автор этого текста был талантливым компилятором большого количества источников, подчиняя их основной цели своего труда.

Конечно, игнорировать ошибки, допущенные в ходе создания «Истории бриттов», нельзя. Но даже ошибки автора, если внимательно посмотреть на них, дают исследователям уникальный материал — они проливают свет на то, как именно представлял себе историю своего народа и страны образованный представитель одного из темнейших и запутанных периодов британской истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Chadwick N. D.* Early Culture and Learning in North Wales // *Studies in Early British Church* / Nora K. Chadwick [et al.]. Cambridge : Cambridge [Eng.] Univ. Press, 1958. P. 29—120.
2. *Nennius.* The *Historia Brittonum* commonly attributed to Nennius, with English version / ed. by W. Gunn. L. : Printed for J. and A. Arch, 1819.
3. *Nennii Historia Britonum* / ed. by J. Stevenson. Londini : Sumptibus Societatis, 1838. 4, [V]—XXXII.
4. *Nennius.* The History of Britons // *Six old English chronicles, of which two are now first translated from the monkish Latin originals* / ed., with illustrative notes, by J. A. Giles. London : H. G. Bohn, 1848. P. 383—416.
5. *Historia Brittonum cum additamentis Nennii* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum. T. 13. Chroniconum Minorum saec. IV—VIII. T. III* / ed. by Th. Mommsen. Berolini, 1898. S. 111—222.
6. *Gransden A.* Historical Writing in England: c. 500 — c. 1307. L.; N. Y. : Routledge, 1996.
7. *Leabhar Breathnach Annso Sis: The Irish Version of the Historia Brittonum.* Dublin : The Irish Archaeological Society, 1848.
8. *Lot F.* *Nennius et l'Historia Brittonum; e tude critique, suivie d'une e dition des diverses versions de ce texte.* Paris : H. Champion, 1934.
9. Nennius's «History of the Britons», together with «the annals of the Britons» and «Court pedigree of Hywel the Good», also «The story of the loss of Britain» / ed. by A. W. Wade-Evans. London : Society for promoting Christian knowledge, [1938]. P. 7—156.
10. The history of the Britons: Nennius's «*Historia Brittonum*» / Nennius / transl. and ed. by A. W. Wade-Evans / New ed. / ed. by S. Blake and S. Lloyd. Cardiff : Welsh Academic Press, 2003.
11. *Nennius.* British History and the Welsh Annals, Latin and trans. / ed. and transl. by J. Morris. London : Phillimore ; Totowa, N. J. : Rowman & Littlefield, 1980.
12. The *Historia Brittonum* / ed. by D. N. Dumville. Cambridge : D. S. Brewer, 1985. Part III : The «Vatican» Recention.

13. *Ненний*. История бриттов / пер. А. С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М. : Наука, 1984. С. 171—193.
14. *Zimmer H.* Nennius vindicatus. Über entstehung, geschichte und quellen der Historia Brittonum. Berlin : Weidmann, 1893. VIII.
15. *Newell W. W.* Doubts concerning the British History Attributed to Nennius // PMLA. 1905. Vol. 20, № 3. P. 622—672.
16. *Liebermann F.* Nennius the author of the Historia Brittonum // Essays in Medieval History presented to T. F. Tout / ed. by F. M. Powicke. Manchester : Subscribers, 1925. P. 25—44.
17. *Dumville D. N.* Some Aspects of the Chronology of the Historia Brittonum // Bulletin of the Board of Celtic Studies. 1972. Vol. 25. P. 439—445.
18. *Dumville D. N.* «Nennius» and the Historia Brittonum // Studia Celtica. 1975. Vol. 10—11. P. 78—95.
19. *Dumville D. N.* Sub-Roman Britain: history and legend // History. 1977. Vol. 62, is. 205. P. 173—192.
20. *Dumville D. N.* The Historical Value of the Historia Brittonum // Arthurian Literature. 1986. Vol. 6. P. 1—26.
21. *Dumville D. N.* Histories and Pseudo-histories of the Insular Middle. Aldershot : Variorum, 1990. 1 v. (various pagings) : ill.
22. *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.
23. Nennius [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. L., 1911. 11th ed. Vol. 19. P. 372. URL: <http://www.1911encyclopedia.org/Nennius> (date of access: 23.03.2012).
24. *Jones M. E.* The End of Roman Britain. Ithaca : Cornell Un-ty Press, 1996. IX.
25. *Vermaat R.* «Nennius» — Historia Brittonum (ca AD 829) [Electronic resource]. URL: <http://www.vortigernstudies.org.uk/artsou/historia.htm> (date of access: 23.03.2012).
26. *Morris J.* Arthurain Sources: Persons: ecclesiastics and laypeople. Chichester, Sussex : Phillimore, 1995.
27. *Higham N. J.* King Arthur: myth-making and history. London ; N. Y. : Routledge, 2002. XI.
28. *Howlett D.* Cambro-Latin compositions: their competence and craftsmanship. Dublin, Ireland ; Portland, OR : Four Courts Press, 1998. VIII.
29. *Keller J.* Nennius // Arthurian Writers: a biographical encyclopedia / ed. by L. C. Lambdin and R. T. Lambdin. Westport, Conn. : Greenwood Press, 2008. P. 16—22.
30. *Jackson K. H.* Language and history in early Britain; a chronological survey of the Brittonic languages, first to twelfth century A. D. Edinburgh : Univ. Press, 1953. XXVI.
31. *Collingwood R. G., Myres J. N. L.* Roman Britain and English Settlements. 2nd ed. Oxford : at the Clarendon Press, 1937. XXVI.
32. *Jackson K. H.* On the Northern British Section in Nennius // Celt and Saxon; studies in the early British border / ed. by K. Jackson [et al.]. Cambridge [Eng.] : Univ. Press, 1963. P. 20—62.
33. *Esmond-Cleary A. S.* The Ending of Roman Britain. L. ; N. Y. : Routledge, 1989. X.
34. *Charles-Edwards T. M.* The Arthur of History // The Arthur of the Welsh. The Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature / ed. by R. Bromwich [et al.]. Cardiff, 1991. P. 15—32.
35. *Coe J. B., Young S.* The Celtic Sources for the Arthurian Legend. Felinfach, Lampeter : Llanerch Publishers, 1995. IX.

А. А. ШМАГУН

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рассмотрены пять групп документальных источников по реконструированию эстонской системы электронного правительства. Актуализируется внимание к расширению доступа к историческим источникам и появлению новых видов источников при изучении таких сложных социотехнических систем, как электронное правительство. Делается вывод о возможности использования выявленных групп источников для исследования систем электронного правительства в иных государствах.

Five groups of documentary sources for reconstruction of the Estonian e-Government system are revealed and characterized. Attention is drawn to the increased access to historical sources and the emergence of new types of sources when exploring complex socio-technical systems such as e-Government. The article concludes that the identified groups of sources can be applicable to the research of e-Government systems in other states.

Ключевые слова: электронное правительство; техническая документация; сайты государственных органов Эстонской Республики; порталы электронных услуг; государственный регистр информационных систем, баз данных и электронных услуг

Keywords: e-Government; technical documentation; web sites of public authorities of Republic of Estonia; portals of electronic services; state register of information systems, databases, and electronic services.

Постоянное развитие и использование информационно-коммуникационных технологий в современном обществе приводит к появлению новых (электронных) видов исторических источников, неизвестных традиционному источниковедению, и новых методик их источниковедческого анализа [1; 2]. Кроме того, интернет-технологии постоянно рас-

ширяют доступ исследователя к традиционным видам исторических источников, таким как документы законодательства.

Основную источниковую базу для комплексного исследования социотехнической системы электронного правительства Эстонской Республики [3; 4] составляют пять групп документальных источников:

- источники права Европейского союза (ЕС);
- акты законодательства Эстонской Республики;
- техническая документация;
- видеоматериалы выступлений основоположников эстонской модели электронного правительства;
- официальные сайты государственных органов, порталы электронных услуг, государственный регистр информационных систем, баз данных и электронных услуг (компоненты инфраструктуры электронного правительства).

Поскольку Эстонская Республика является членом ЕС, коммунитарные нормы права ЕС оказывают существенное влияние на формирование и функционирование национальной системы электронного правительства. Для исследования правовых отношений, возникающих в рамках системы электронного правительства, ценность представляют *источники вторичного (производного) права ЕС*, издаваемые институтами ЕС. Особенность источников вторичного права — отсутствие их четкого иерархического построения по юридической силе. Среди этой группы источников необходим анализ следующих категорий актов, регулирующих отдельные вопросы электронного правительства в государствах — членах ЕС: нормативных актов (регламенты, директивы) и индивидуальных актов (решения). Официальное опубликование вышеуказанных видов источников осуществляется в печатном издании «Официальный журнал ЕС» (*англ. Official Journal of the European Union* — далее ОЖ). Доступ к электронным копиям официальных актов ЕС возможен через базу данных Ведомства официальных публикаций «EUR — Lex» [5].

Наиболее важными видами нормативных актов являются регламент («закон») и директива («основы законодательства»), которые издаются Европейским парламентом с согласия Совета ЕС. Регламент (*англ.: Regulation*), «нормативный акт ЕС, имеющий обязательную силу и прямое действие на всей его территории» [6], — наиболее жесткое средство регулирования в праве ЕС, обязывающее государства-члены непосредственно и дословно применять его нормы в национальном праве. Регламент рассматривают в качестве инструмента унификации права, т. е.

введения полностью одинаковых правил поведения участников общественных отношений в пределах всего ЕС. В качестве примера такого источника по изучению вопросов электронного правительства можно привести Регламент 910-2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 г. «Об электронной идентификации и услугах доверия для электронных транзакций на внутреннем рынке и об отмене Директивы 1999/93/ЕС» [7], который призван расширить трансграничное использование средств электронной идентификации.

Директива (*англ.*: Directive) — «нормативный акт ЕС, закрепляющий основы законодательства в конкретной сфере общественной жизни» [6]. Директива в отличие от регламента требует транспонировать ее нормы в национальные нормативные акты и обязательна для государств-членов в отношении только определенного результата, предписанного в ней. В то же время директива дает свободу выбора форм и способов достижения данного результата, т. е. государствам-членам разрешается адаптировать ее нормы к национальному законодательству. Примером такого источника служит Директива 1999/93/ЕС Европейского парламента и Совета «О порядке использования электронных подписей в Европейском сообществе» [8], которая с 1 июля 2016 г. будет заменена вышеназванным регламентом.

Решение (*англ.*: Decision) Европейской комиссии является стандартной формой индивидуальных актов. По сравнению с регламентом решение характеризуется большей степенью конкретности своих предписаний, обладает прямым действием и обязательной силой только для тех, кому оно адресовано. Адресатами могут быть государство/а-член(ы), юридические или физические лица. В качестве примера можно привести Решение Европейской комиссии 2009/767/ЕС от 16 октября 2009 г. [9]. В соответствии с данным решением все государства — члены ЕС обязаны вести и публиковать национальные списки поднадзорных/аккредитованных провайдеров сертификационных услуг (ПСУ), выдающих квалифицированные сертификаты электронной подписи. Это так называемые списки доверенных сертификатов, или TSL (*англ.*: Trust-service Status List). Цель ведения таких списков — взаимное признание в рамках ЕС квалифицированных электронных подписей, поддерживаемых ПСУ, которые помещены в данные списки.

В качестве источников изучения эстонской системы электронного правительства также служат отдельные акты законодательства Эстонской Республики, которые можно представить в следующей иерархии:

- закон (*эст.*: seadus);
- постановление парламента Эстонской Республики (*эст.*: Riigikogu otsus);
- постановление правительства Эстонской Республики (*эст.*: Vabariigi Valitsuse määrus);
- распоряжение правительства Эстонской Республики (*эст.*: Vabariigi Valitsuse korraldus);
- постановление министерств (*эст.*: määrus).

Вышеперечисленные источники национального права представляют собой как программные документы, определяющие основную политику Эстонской Республики в области формирования системы электронного правительства [10], так и акты, детально регулирующие отношения в области функционирования отдельных компонентов инфраструктуры электронного правительства (в частности, электронной идентификации) [11; 12]. Основным ресурс для доступа к этим видам источников — база данных Министерства юстиции Эстонской Республики «Riigi Teataja» [13], единственная форма официального опубликования актов законодательства Эстонской Республики. С 1 июня 2010 г. одновременное официальное опубликование актов в бумажном виде, как правило, не осуществляется, за исключением особых случаев, когда заказчик (публично-правовое юридическое лицо) полностью несет расходы за публикацию бумажной версии [14].

Посредством интернета эстонское государство предоставляет бесплатный доступ к базе данных «Riigi Teataja», которая содержит тексты актов законодательства на эстонском языке и их официальный перевод на английский язык. Но англоязычные версии не имеют юридической силы и на них нельзя ссылаться в ходе судебных и иных официальных процедур.

Важный источник для исследования программно-технических аспектов цифровой подписи как разновидности электронной идентификации — *техническая документация*, которая находится в открытом доступе в интернете на официальных сайтах ее разработчиков. К этой группе источников относятся:

- используемые в Эстонской Республике технические стандарты и спецификации международной организации ETSI¹, в частности

---

¹ European Telecommunications Standards Institute — Европейский институт телекоммуникационных стандартов.

на формат контейнера цифровой подписи (спецификации «XAdES»²), формат квалифицированного сертификата и формат TSL-списка, которые соответствуют требованиям источников права ЕС в области электронных подписей;

- технические спецификации для отдельных компонентов эстонской системы цифровой подписи «DigiDoc», составленные разработчиком системы в лице ПСУ «AS Sertifitseerimiskeskus» (в частности спецификации форматов контейнера цифровой подписи BDOC и DDOC, спецификации клиентских приложений, спецификация web-сервиса DigiDocService);

- TSL-список, оператор которого — Департамент технического надзора Министерства экономики и коммуникаций Эстонской Республики [16], — документ, написанный на строгом формализованном языке в соответствии с технической спецификацией ETSI [17] и включающий информацию обо всех национальных поднадзорных/аккредитованных ПСУ и оказываемых ими услугах.

Одним из первоисточников по изучению эстонской системы электронного правительства можно считать доступные в интернете *видеоматериалы с докладами президента Эстонской Республики Т. Х. Ильвеса* на международных конференциях, посвященных проблемам развития электронного правительства [18–20]. Например, Академией электронного управления Эстонской Республики в сотрудничестве с Министерством иностранных дел Эстонской Республики, Эстонским центром Восточного партнерства, Европейской комиссией, Шведским агентством международного развития (SIDA), Агентством США по международному развитию (USAID) и международной корпорацией «Microsoft» ежегодно организуется международная конференция «Tallinn e-Government Conference» / «Таллиннское электронное правительство». В своих докладах Т. Х. Ильвес, который является инициатором и главным идеологом формирования «электронного государства», объясняет, как Эстонии удалось реализовать концепцию электронного правительства, какие факторы повлияли на это, какие дальнейшие направления инновационной политики будут предприняты в данной области. Поэтому каждое выступление президента представляет интерес для широкого круга лиц — исследователей и непосред-

---

² XAdES — XML Advanced Electronic Signatures — Усиленные электронные подписи в формате XML. Первая версия технических спецификаций ETSI TS 101 903 «XAdES» была выпущена в 2002 г., на данный момент действует версия 2010 г. [15].

ственных реализаторов, внедряющих информационные технологии в управление.

Незаменимыми источниками по исследованию электронного правительства служат сами компоненты инфраструктуры электронного правительства — *официальные сайты государственных органов и порталы электронных услуг*:

- государственный портал <https://www.eesti.ee> [21];
- *DigiDoc* web-портал для проставления и валидации цифровой подписи, предоставления доступа к электронным документам другим пользователям портала [22];
- сайт Налогово-таможенного департамента Эстонской Республики, предоставляющий доступ к системе электронного налогового декларирования *e-maksuamet/e-toll* [23];
- портал пациента *Minu e-tervis* [24];
- портал «электронной школы» *eKool* [25];
- сайт Департамента полиции и пограничной охраны Эстонской Республики, содержащий информацию о процедуре получения документов, удостоверяющих личность, и средств электронной идентификации [26], и др.

Источниковедческий анализ данных компонентов инфраструктуры электронного правительства проводится с позиций исследования «пользовательского опыта» / «опыта взаимодействия» (*англ.*: «user eXperience», UX) [27], который, как правило, включает следующие элементы: контент и его обновляемость, информационную архитектуру, пользовательский интерфейс (графический дизайн и интерактивный дизайн), юзабилити (удобство использования сайтов/порталов), потребности пользователей, информационно-техническую поддержку. При проведении анализа необходимо оценивать опыт взаимодействия различных категорий потенциальных пользователей веб-компонентов электронного правительства (например, начинающие, продвинутые, слабовидящие и разноязычные пользователи). Возможны такие методы проведения источниковедческого анализа данных исторических памятников, как фокус-группа, структурированное интервью, включенное наблюдение, анкетирование, юзабилити-тестирование и др. Юзабилити-тестирование проходят респонденты по детально разработанному сценарию с предопределенными метриками эффективности (например, количество затраченного времени, количество возникающих проблем, выполнение/ невыполнение определенной задачи).

Отдельное место среди источников, относящихся к компонентам инфраструктуры электронного правительства, занимает *государственный регистр информационных систем, баз данных и электронных услуг RINA* (эст.: Riigi infosüsteemi haldussüsteem) [28]. Эстония, одна из немногих стран в мире, использует информационно-административную систему подобного рода, которая обязательна в соответствии с Законом Эстонской Республики «О публичной информации» [29]. Являясь компонентом информационного менеджмента государства, RINA выполняет следующие функции: учет, классификацию и описание информационных систем, баз данных и электронных услуг; контроль качества и обеспечение транспарентности управления государственными информационными системами; планирование развития государственных информационных систем, баз данных и электронных услуг, совместимых с существующими. Примечательно, что пользователи RINA могут вносить предложения о создании новых электронных услуг. Единственным недостатком данного источника является отсутствие многоязычной поддержки (информация представлена только на эстонском языке). В рамках исследования эстонской системы электронного правительства информационно-административная система RINA может использоваться для получения статистических данных о количестве зарегистрированных в государстве электронных услуг и их классификации.

Все вышерассмотренные группы источников, находящихся в свободном доступе в виде электронных ресурсов, позволяют охватить большой круг аспектов эстонской системы электронного правительства и могут быть использованы при исследовании систем электронного правительства иных государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Храмцовская Н. А.* Понятие «электронное правительство» в англо-американской историографии [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2010. URL: <https://dvs.rsl.ru/NLB/Vrg/SelectedDocs?docid=%2Frsl01004000000%2Frsl01004737000%2Frsl01004737022%2Frsl01004737022.pdf> (дата обращения: 03.03.2015).
2. *Корниенко С. И., Гагарина Д. А.* Интернет-среда и средство историографического исследования [Электронный ресурс] // Интернет и современное общество : труды XI Всерос. объедин. конф. (28—30 окт. 2008 г., Санкт-Петербург). СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 62—63. URL: <http://ict.informika.ru/vconf/files/10316.pdf> (дата обращения: 06.05.2015).
3. *Шмагун А. А.* От малого государства к развитию «цифровому обществу»: опыт Эстонии // Проблемы упр. 2015. № 3(56). С. 73—85.

4. *Шмагун А. А.* Основы правового режима цифровой подписи как компонента инфраструктуры электронного правительства (на примере опыта Эстонской Республики) // Проблемы упр. 2016. № 2(59). С. 32—39.
5. EUR-Lex. Access to European Union law [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/homepage.html?locale=en> (date of access: 05.05.2015).
6. *Кашкин С. Ю.* Право Европейского союза : в 2 т. М. : Юрайт, 2015. Т. 1 : Общая часть.
7. Regulation No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC [Electronic resource] : passed 23.07.2014 // Eur-Lex. Access to European Union law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0910&from=EN> (date of access: 05.05.2015).
8. Directive 1999/93/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 1999 on a Community framework for electronic signatures [Electronic resource] : passed 13.12.1999 // Eur-Lex. Access to European Union law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31999L0093> (date of access: 05.05.2015).
9. Commission Decision 2009/767/EC of 16 October 2009 setting out measures facilitating the use of procedures by electronic means through the ‘points of single contact’ under Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council on services in the internal market [Electronic resource] : adopted on 16 October 2009 // Eur-Lex Access to European Union law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:299:0018:0054:EN:PDF> (date of access: 05.05.2015).
10. Eesti infoühiskonna arengukava 2020 [Electronic resource] : Vabariigi Valitsuse 18.11.2013 korraldus nr 509 // Vabariigi Valitsus. URL: https://valitsus.ee/sites/default/files/content-editors/arengukavad/eesti_infoühiskonna_arengukava_2020_0.pdf (date of access: 06.05.2015).
11. Isikut tõendavate dokumentide seadus [Electronic resource] : Västu võetud 15.02.1999 RT I 1999, 25, 365; Muudetud 16.03.2016 RT I, 06.04.2016, 1 // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/ITDS> (date of access: 05.05.2015).
12. Digitaalalkirja seadus [Electronic resource] : Västu võetud 08.03.2000 RT I 2000, 26, 150; Muudetud 19.06.2014 RT I, 29.06.2014, 109 // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13314840?leiaKehtiv> (date of access: 05.05.2015).
13. Riigi Teataja [Electronic resource]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/> (date of access: 05.05.2015).
14. The electronic Riigi Teataja (eRT). Description [Electronic resource] // N-Lex. URL: http://eur-lex.europa.eu/n-lex/info/info_ee/index_en.htm (date of access: 05.05.2015).
15. ETSI TS 101 903 V1.4.2 (2010-12) «Electronic Signatures and Infrastructures (ESI); XML Advanced Electronic Signatures (XAdES)» [Electronic resource]: Reference RTS/ESI-000112 // ETSI. World Class Standards. URL: http://www.etsi.org/deliver/etsi_ts/101900_101999/101903/01.04.02_60/ts_101903v010402p.pdf (date of access: 06.05.2015).
16. Estonian Trusted List Scheme Operator. EESTI (ESTONIA): Trusted List [Electronic resource] : Tsl Id: EE0001; TSL signed on 2016-05-02T06:16:56Z; Valid until nextUpdate value: 2016-11-01T07:00:00Z // The National Registry of Certification Service Providers. URL: <http://sr.riik.ee/tsl/estonian-tsl.pdf> (date of access: 06.05.2015).
17. ETSI TS 119 612 V1.1.1 (2013-06) «Electronic Signatures and Infrastructures (ESI); Trusted Lists» [Electronic resource] : Reference DTS/ESI-0019612 // ETSI. World Class Standards. URL: http://www.etsi.org/deliver/etsi_ts/119600_119699/119612/01.01.01_60/ts_119612v010101p.pdf (date of access: 06.05.2015).

18. Keynote address by H. E. Mr Toomas Hendrik Ilves, President of Estonia [Video podcast] : Tallinn e-Governance Conference 2015, 12—13 May 2015 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bDgNScRwloQ> (date of access: 05.05.2015).

19. President Ilves of Estonia: Evolving Into a Genuinely Digital Society [Video podcast] : Sponsored by Department of Communication, Stanford Libraries, the Freeman Spogli Institute and European Entrepreneurship & Innovation @ Stanford Engineering, Stanford University, 2014 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_SU6YjHEMNQ&feature=youtu.be (date of access: 05.05.2015).

20. Toomas Hendrik Ilves — Estonia as a think tank of e-Government. The eGA/GISI initiative [Video podcast] : Conference «From e-Government to Open Governance», 16 May 2013 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BBcUORzU3CA> (date of access: 05.05.2015).

21. Государственный портал eesti.ee [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eesti.ee> (дата обращения: 05.05.2015).

22. Портал Digidoc [Электронный ресурс]. URL: <https://digidoc.sk.ee> (дата обращения: 05.05.2015).

23. Налогово-таможенный департамент Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emta.ee> (дата обращения: 05.06.2015).

24. Minu e-tervis [Electronic resource]. URL: <https://www.digilugu.ee/login> (date of access: 05.05.2015).

25. eKool [Electronic resource]. URL: <https://www.ekool.ee> (date of access: 05.06.2015).

26. Департамент полиции и пограничной охраны Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politsei.ee> (дата обращения: 05.05.2015).

27. *Flowers E.* UX is not UI [Electronic resource] // HelloErik Experience Design Zealotry. URL: <http://www.helloerik.com/ux-is-not-ui> (date of access: 05.05.2015).

28. Riigi infosüsteemi haldussüsteem RIHA [Electronic resource]. URL: <https://riha.eesti.ee/riha/main> (date of access: 05.05.2015).

29. Avaliku teabe seadus : Vastu võetud 15.11.2000 RT I 2000, 92, 597; Muudetud 15.12.2015 RT I, 06.01.2016, 1 [Electronic resource] // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/12900546?leiaKehtiv> (date of access: 06.05.2015).

Артикул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2015 г.

Т. В. ШАХЗАД

«KITAB BATANJAL AL-HINDI» АЛЬ-БИРУНИ

Представлен обзор «Патанджалы» аль-Бируни — перевода с санскрита на арабский язык «Йогасутры» Патанджали. Рассматривается изученность данного вопроса в историографии, дается характеристика источника. Приводится небольшой сравнительный анализ арабского текста с известными комментариями «Йогасутры» Патанджали.

The review al-Biruni's «Patanjal», the translation of Patanjali's Yogasutra from Sanskrit into Arabic language, is presented in the article. The author describes the historiography of this problem, gives a description of the source. In the article also gives a small comparative analysis of the Arabic text with well-known commentary of Patanjali's Yogasutra.

Ключевые слова: аль-Бируни; «Йогасутры» Патанджали; индийская философия.

Keywords: al-Biruni; «Yoga sutras» of Patanjali; Indian philosophy.

«Йогасутра» Патанджали представляет собой старейшее руководство йогической школы. Оно имеет четыре части, из которых первая трактует о природе и цели самадхи, или созерцательного погружения в себя (самадхипада), вторая определяет средства достижения этой цели (садханапада), третья раскрывает значение необычных способностей, достигаемых посредством практики йоги (вибхутипада), четвертая излагает природу освобождения (кайвальяпада). Согласно «Яджнявалкья смрити» Хираньягарбха — основатель системы йоги, и Мадхава указывает, что это не противоречит авторству Патанджали в отношении «Йогасутры», так как Патанджали называет свою работу «Анушасана», где предлог «ану» обозначает, что его формулировка следует первоначальному открытию и не является сама по себе первой формулировкой этой системы. К «Йогасутрам» Патанджали были составлены комментарии. Сре-

ди них можно назвать комментарий Вьясы к «Йогасутре» (IV в. н. э.), Вачаспати написал глоссарий на «Бхашью» Вьясы, называемый «Таттвавайшаради» (IX в. н. э.), «Раджамартанда» Бходжи, «Йога-варттика» Виджнянабхикшу [3].

В статье речь идет о переводе с санскрита на арабский язык «Йогасутр» Патанджали, сделанный аль-Бируни.

Первым текстом аль-Бируни, напечатанным в Европе, который содержал ссылку на его перевод «Патанджала», была его *Risāla fī fihrist kutub Muḥammad ibn Zakāfiya' al-Rāzī* (1876—1878) [8, с. 302]. Несколькими годами позже Э. Захау опубликовал «Индию» аль-Бируни, в которой ученый ссылается на сделанный им перевод произведения Патанджали, а также цитирует его.

Рукопись перевода «Патанджалы» была обнаружена в начале 1920-х гг. Л. Масиньоном в стамбульской библиотеке Кюпрюлю под № 1589. В 1930 г. об этой рукописи писал И. Хауэр. В последующие годы ею занимался Г. Г. Риттер, опубликовавший о ней две статьи, одну на арабском языке в 1955 г. в Каире, другую по-персидски во II томе сборника памяти Ибн Сины в том же году в Тегеране. В 1956 г. он опубликовал в журнале «Oriens» полный арабский текст этого произведения. В рукописи текст занимает поля листов 408а — 415а, как указывал Хауэр, или листов 412а — 419а, как указывает Риттер. По свидетельству обоих авторов, рукопись читается с большим трудом, переписана небрежно, часто без диакритических точек, с многочисленными ошибками. Наиболее ранняя дата в рукописи — 2 зу-л-ка'да 753/10 декабря 1352 г., самая поздняя — 4 сафара 811/29 июня 1408 г., но даты переписки данного сочинения нет [1, с. 23].

Следует отметить перевод на английский язык арабского текста «Патанджалы» аль-Бируни. Перевод сделали Ш. Пинес и Т. Гельблём. Они сравнивают арабский текст «Патанджалы» с известными санскритскими текстами «Йогасутры» Патанджали и комментариями к ним. На сегодня данный перевод недостаточно изучен. Можно упомянуть и перевод заключения арабского текста, сделанный М. Козахом. Однако какой-либо новой информации автор не дает.

«Патанджала» (*Pātañjāla*, пātнджл, бātнджл) — одно из названий, под которыми в Индии известен знаменитый трактат «Йогасутра» Патанджали, одного из основателей философской школы йога [1, с. 543]. Э. Захау транскрибирует заглавие перевода аль-Бируни как *Patañjali*, полагая, что долгота в первом слоге ошибочно обозначена переписчи-

ком [4, с. 257]. Данное предположение можно считать неосновательным, поскольку повсюду в Индии аль-Бируни имеет в виду заглавие книги, а не имя автора [1, с. 543]. На это указывает и Хауэр в своей статье [1, с. 543].

Версии по поводу того, что лежит в основе перевода аль-Бируни, различны. Оригинал данного произведения неизвестен. Р. Гарбе предполагал, что таковым является «Йогасутра», переведенная вместе с комментарием Бходжи «Раджамаранда» [8, с. 303]. Э. Захау указывал, что различия между этими произведениями и «Патанджалой» аль-Бируни значительны [4, с. 264]. Больше сходства он усматривал с комментариями Вьясы к «Йогасутре» (в первом издании своей работы Р. Гарбе также предположил их тождество). Но и с этим произведением имеются большие расхождения, на что указал Хауэр [1, с. 547].

С. Н. Дасгупта замечает, что идеи Патанджали в книге, переведенной аль-Бируни, претерпели определенные изменения. Он считает, что это произведение было создано значительно позднее «Йогасутры» Патанджали, около III в. н. э. Дасгупта предполагал, что автором ее мог быть другой Патанджали, а именно автор «Патанджалатантры», и что именно книгу, переведенную аль-Бируни, и ее автора упоминают Вьяса в своем комментарии на «Йогасутру» (III, 44) и Чакрапани в комментарии на Чараку, написанном в эпоху аль-Бируни [1, с. 547]. Перевод аль-Бируни в некоторых местах имеет также безошибочное сходство с Йогабхашья Ведавьасы и с субкомментариями Вакаспати-мисра. Но это сходство может быть объяснено естественными заимствованиями из общей традиции [8, с. 303].

В Индии аль-Бируни поместил обширные цитаты из сделанного им перевода «Патанджалы». Однако и здесь возникают разногласия: хотя изданный текст перевода полнее по сравнению с обильными цитатами из него, но часто текстуально отличается от них [1, с. 23].

А. Б. Халидов и В. Г. Эрман, сравнив цитаты из «Патанджалы» с текстом «Йогасутры», пишут о неидентичности этих двух произведений. В предисловии к «Индии» они отмечают, что «Йогасутра» уделяет определению существования бога лишь несколько сжатых афоризмов: «Бог есть особый дух, не затронутый страданием, действием или плодом (действия). В нем (остается) непревзойденным зерно всезнания. Он же, неограниченный во времени, — учитель древних. Святое слово (аум) — его обозначение» [1, с. 547, 548]. А в книге «Патанджала» понятие бога возрастает в значении и оно становится главным предметом изучения и

религиозного стремления. «Патанджала», цитируемая аль-Бируни, подробно формулирует концепцию бога в духе веданты и вводит понятие Брахмы и вопрос о его отношении к Ишваре [1, с. 27].

Аль-Бируни представил свой перевод в виде диалога: вопрос — ответ. Ш. Пинес и Т. Гельблум в своей работе предположили, что форма изложения, которую представил аль-Бируни, может являться структурой оригинального санскритского комментария; или, как альтернатива, текст был адаптирован под арабское словоупотребление [8, с. 303].

В предисловии к переводу аль-Бируни говорит, что совместил комментарии с сутрами [8, с. 310], но уже в заключении пишет об оригинале «включающем 1100 вопросов» [7, с. 199]. Можно предположить, что, выбрав в оригинале комментария случайные вопросы и совместив их с сутрами, аль-Бируни далее систематизировал эту форму в серию вопросов и ответов.

В двух местах аль-Бируни дает неточные ссылки на комментатора. В одной из них содержится неточный текст *lāpnāṣ* и *lvyaṣ*, понимаемые как Вьяса, автор Йогабхашья. Однако в «Индии» аль-Бируни все время транскрибирует имя Вьяса, используя арабскую букву *s*, а не *ṣ*. Есть еще некоторые моменты. В отдельных случаях малое количество цитат находят соответствие в Веда-Вьяса [8, с. 304]. Ш. Пинес и Т. Гельблум считают, что комментарии, которыми пользовался аль-Бируни, были составлены на более ранний текст «Йогасутры», в который еще не были сделаны вставки [8, с. 304, 305]. Они пишут, что в сутре 1.10 слово *nīdrā* «сон» Бируни понимает как «сновидение» [8, с. 305].

Арабский перевод обнаруживает попытку максимально приблизить работу к мышлению мусульманских читателей. Это явно видно в подборе терминологии и переложении индийских философских взглядов на положения, основанные на учении Аристотеля и течениях мусульманской мысли [7, с. 307]. Например: индийская философская проблема о том, что составляет истинную личность, находит аналог в виде вопроса, обсуждаемого в арабской философии: тело (*bdn*) или душа (*nafs*) составляют сущность человека (*'insān*). Это находит отражение в арабском переводе аль-Бируни. Подобного рода интерпретации можно найти в сутрах 1.24 и 1.41 [8, с. 307].

Не следует забывать, что аль-Бируни — мусульманин. Соответственно, он имеет свое понимание явлений, вещей. Его представления могли проникнуть в перевод путем собственной интерпретации изученных текстов.

Данное произведение посвящено теме освобождения души от оков тела. Книга разделена на четыре части, соответствующие делению Йога-сутры Патанджали, и написана в виде диалога. Каждая часть посвящена отдельной теме. В первой части рассматриваются вопросы о взаимодействии души с телом и их сущности, а также три метода контроля разума:

- 1) обычное действие;
- 2) интеллектуальная аскеза;
- 3) набожность.

Они соответствуют трем этапам индуистской йоги, разработанным в ряде индийских трактатов, включая «Бхагаватгиту»: *kriya* или *karma-yoga*, *jnana-yoga*, *bhakti-yoga* [5, с. 285].

Вторая часть описывает внимание к дисциплине, если самореализация была достигнута. Адепт должен постепенно отделить себя от чувственного восприятия, следуя семи уровням развития, которые включают четыре внешних и три внутренних уровня подготовки [5, с. 285]. Описание этой системы продолжается и в третьей части «Патанджалы». Список следующих сутр, которые находят соответствие в арабском переводе «Патанджалы» аль-Бируни: 1—18, 19, 20—31, 33—40, 42—49, 52—55. Сутры 32, 41, 50, 51 не находят соответствия в переводе [9, с. 522].

В третьей части соответствие можно найти следующим сутрам: 1—4, 5, 6—7, 10—11, 14, 16—21, 21a, 22—32, 34—55. В тексте аль-Бируни обнаруживаются некоторые различия с комментариями к «Йогасутре». Он понимает *prāpti* как «восприятие чувствами» и «способность знать», а не «способность достигнуть любого места»; и его космологические описания в значительной степени отличаются от тех, которые содержатся в доступных комментариях к «Йогасутре» и другим санскритским текстам [10, р. 258]. Здесь же аль-Бируни находит арабский эквивалент для понятий *pranas* (дыхание, жизненные силы) и *siddhis* ('aja'eb al-af'al — необычные проявления, как физические, так и ментальные), которые вместе представляет вершину аскезы йоги [5, с. 285].

В четвертой части можно идентифицировать следующие сутры: 1—16; 18—19; 23(24); 25(26)—27(28); 29(30)—33(34). В тексте содержатся комментарии к 22(23) сутре, но не сама сутра. Сутры 17(18), 20(21); 22(23); 24(25); 28(29) отсутствуют в переводе [11, с. 265]. Здесь аль-Бируни уточняет пять средств, с помощью которых *siddhis* может быть получен. Он заканчивает свой перевод заключением, подытоживающим основную цель Патанджали — подтвердить принципы переселения душ и уникальность и преимущества аскетизма [7, с. 199, 200].

Произведение отличается от оригинального текста по некоторым аспектам. Это и стилистические отличия, и различное понимание отдельных терминов санскритского текста. Например, аль-Бируни уменьшает пять способов контроля над разумом и освобождения души до трех: второй способ приблизительно соотносится с *jnana-yoga*, в то время как метод, включающий в себя заклинания и таинственную формулу (санскрит — *mantra*), опущен в переводе аль-Бируни [5, с. 285].

Таким образом, до сих пор не представляется возможным установить текст, которым пользовался аль-Бируни, так как перевод находит соответствие во многих индийских философских произведениях.

Аль-Бируни пишет, что сделал данный перевод для того, чтобы показать, во что верят индийцы и что скрыто в их книгах [7, с. 199]. Далее он добавляет: «Изучите волшебство, но не используйте его» [7, с. 200].

Таким образом, аль-Бируни заявляет, что не придерживается данного учения, а лишь излагает то, что написано в книге «Патанджала».

Главный вопрос в переводе аль-Бируни скорее теологический, чем текстуальный: какой смысл ученый вкладывает в различные пути освобождения души, которые описывает Патанджали.

В переводе, сделанном аль-Бируни, достаточно примеров, где ученый не пользовался помощью учителя, а полагался на свои знания и способности в изучении сутр и комментариев к ним:

1) неправильная интерпретация аль-Бируни термина *nidrā* может быть объяснена попыткой самостоятельно понять текст сутры. При буквальном прочтении санскритского текста смысл может исказиться. Если в сутре 1.10 сказано: «Сон — это видоизменение сознания, вызванное отсутствием наличного содержания» [2], то аль-Бируни понимает его как «режим функционирования ума, который имеет своим предметом содержание, которое отсутствует (из существующей реальности)». Данное содержание соответствует термину «мечта» [8, с. 305];

2) следующая его попытка собственной интерпретации понятий видна в сутре 2.33-4. Здесь выражение *vitarka-badhane* переводится как «в исключении вещей сомнительных». Аль-Бируни изображает его как «если вещи известны в их противоположностях и различиях» [8, с. 306]. Выражение *pratipaksa-bhavanam* традиционно означает «культивирование противоположных сил». Например, всякий раз, когда в уме йога возникают такие эмоции, как гнев, он должен «взрастить» его противоположность, такую как универсальное сострадание, как противоядие на отрицательные эмоции. По-видимому, без помощи устной традиции аль-

Бируни берет выражение «есть осуществление противоположного» и объясняет его: «Он, кто оставляет жестокость, будет компенсирован их противоположностями, а именно противоположностями ранее упомянутого невежества и причинения боли» [8, с. 306];

3) сокращение сутры 2.22: «Существование всех объектов (следовательно, и их восприятие) не зависит от потребностей индивидуальности воспринимающего. Они существуют безотносительно индивидуальности, не приспособляясь к различным потребностям разных индивидуальностей» [2]. Аль-Бируни дает перевод данной сутры: «Чувственное восприятие не обладает постоянной реальностью на пути того, что делает ум». Здесь усматривается аристотелевская философия [8, с. 306];

4) в сутре 2.6 аль-Бируни берет только понятие, что ведет его к неправильному пониманию самой сутры. Аль-Бируни берет понятие из сутры, чтобы проиллюстрировать *vRtti* (способ функционирования ума) названное *vikalpa* «ложное мнение», которое он переводит как «недоказанное мнение» [8, с. 306];

5) неправильное восприятие аль-Бируни комментариев к сутре 2.12 о карме. Здесь описывается знаменитая история о том, как брахман занял место Индры и позже был превращен в змею. Аль-Бируни меняет местами героев и по-другому преподносит историю, где Индра якобы совершил прелюбодеяние с женой брахмана и за это был превращен в змею [8, с. 306].

Приведем пример, где аль-Бируни просто перефразировал сутры. Например, сутру 1.34 аль-Бируни перефразировал и переводит термин *maitri* как «...то, что он должен пожелать и желать благосостояния для всех существ без исключения и радоваться его достижению ими» [8, с. 306; 2].

Таким образом, при попытке сопоставить перевод аль-Бируни с каким-либо произведением возникают следующие трудности:

- 1) различие в миропонимании мусульманами и индуистами;
- 2) проблема языка — невозможность точно соотнести санскритские и арабские термины;
- 3) традиция религиозно-философских школ в Индии не всегда имела значительные отличия, что и затрудняет поиск источников, которым пользовался аль-Бируни;
- 4) аль-Бируни использовал в своем переводе различные понятия не только арабской мысли своего времени, но и категорий философии Аристотеля.

Все это в значительной степени затрудняет идентификацию оригинального текста, которым мог пользоваться аль-Бируни, если таковая вообще является возможной. Как известно, ученый пользовался помощью учителя. Однако нам неизвестно, какой традиции придерживался учитель аль-Бируни, знал ли он санскрит и не являлся ли он просто переводчиком. Очевидно, что аль-Бируни пытался понять и осмыслить то, что написано в «Йогасутре» Патанджали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бируни*. Индия. М. : Ладомир. 1995; Йога-сутры Патанджали. Антология переводов [Электронный ресурс] // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/patanja/index.htm> (дата обращения: 05.04.2014). ш
2. *Радхакришнан С.* Индийская философия [Электронный ресурс] : в 2 т. URL: <http://www.orlov-yoga.com/Radhakrishnan2/index.htm> (дата обращения: 28.08.2014).
3. Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A.D. 1030. An English Edition, with Notes and Indices / E. Sachau. London, 1888. Vol. 2.
4. *Bīrūnī Abū Rayhān* // Encyclopaedia Iranica. N. Y., 1990. Vol. 4. P. 274—287.
5. *Kozah M.* The Epilogue of al-Bīrūnī's Kitāb Bātanjal // Orientalia Lavanienasia Analecta. Occasional Papers of the School of 'Abbasid Studies. Cambridge, 6—10 July, 2002 / ed. by J. E. Montgomery. Cambridge, 2002. P. 263—276.
6. *Ritter H.* Al-Bīrūnī's übersetzung des Yoga-Sūtra des Patañjali // Oriens. Brill. 1956. Vol. 9, № 2. P. 165—200.
7. *Pines S., Gelblum T.* Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his First Chapter and Comparison with Related Sanskrit Texts // BSOAS, XXIX, 2. Cambridge, 1966. P. 302—325.
8. *Pines S., Gelblum T.* Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Second Chapter and Comparison with Related Texts // BSOAS, XL, 3. Cambridge, 1977. P. 522—549.
9. *Pines S., Gelblum T.* Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Third Chapter and Comparison with Related Texts // BSOAS, XLVI, 2. Cambridge, 1983. P. 258—304.
10. *Pines S., Gelblum T.* Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Fourth Chapter and Comparison with Related Texts // BSOAS, LII, 2. Cambridge, 1991. P. 265—305.

С. В. КУЛИНОК

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ И ШПИОНСКИХ ШКОЛ НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1990-е гг. — по настоящее время)

Анализируется современная русскоязычная историография деятельности разведывательно-диверсионных школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, достижения, недостатки и перспективы дальнейшего изучения данной темы.

This article analyzes the modern Russian language historiography on the problem of intelligence and sabotage activities of schools in the occupied territory in Belarus during the Great Patriotic War, achievements, shortcomings and prospects of further study of the topic.

Ключевые слова: историография; разведывательно-диверсионные школы; абвер.

Keywords: historiography; reconnaissance and sabotage school; Abwehr.

Деятельность разведывательно-диверсионных, полицейских и иных военных школ немецких спецслужб на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны до сих пор не оформилась в отечественной исторической науке в самостоятельную тему со своим понятийным аппаратом, разработанной и изученной историографией, источниковедческим анализом документов и конкретными выводами. Однако следу-

ет отметить, что все необходимые условия для «самостоятельности» данной темы присутствуют:

- большое количество документов, как опубликованных, так и хранящихся в архивах. Основу этого комплекса источников составляет фонд № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь;

- масштаб деятельности немецких спецслужб по созданию спецшкол и подготовке агентов на оккупированной территории Беларуси. Во втором томе итогового «Отчета о разведработе белорусских партизан» указывалось, что «всего взято на учет... немецких шпионов, диверсантов и террористов — 8584 человека» [1, л. 24—27];

- необходимость в переосмыслении и уточнении основополагающих данных по проблеме. Один из ключевых вопросов — определение общего количества разведывательно-диверсионных, полицейских и других школ, созданных немецкими спецслужбами за годы оккупации. В отечественной исторической науке за основу приняты две цифры: 22 и 25 школ и курсов. Эти данные используются как историками советского периода [2, с. 115], так и современными белорусскими и российскими исследователями [3, с. 170; 4, с. 219, 220]. На сегодня эта цифра устарела. По подсчетам автора, общее количество спецшкол, действовавших в Беларуси, в полтора-два раза больше;

- наличие малоизученных сюжетов: подготовка агентов из числа женщин и детей, судьбы разоблаченных агентов, методология выявления и подсчета шпионских школ и результат их деятельности, анализ и изучение документальных источников по данной проблеме.

Первые сведения о деятельности на оккупированной территории Беларуси секретных разведывательно-диверсионных школ можно найти в трудах и исследованиях историков советского периода. Необходимо отметить, что работа спецшкол рассматривалась как один из небольших сюжетов в исследованиях, посвященных истории советских органов государственной безопасности [5] и разведывательной деятельности партизан [2]. Такой подход к исследованию темы сохранился до настоящего дня, но, по мнению автора, устарел и себя исчерпал.

Отдельные упоминания о шпионских школах и немецких агентах можно встретить в воспоминаниях участников борьбы с оккупантами [6—8]. Так, В. Ф. Золотарь сообщает, что «недалеко от Борисова в расположении военного городка Печи обосновались филиал вражеской разведки “АК-3 Цепеллин” и разведывательная школа» [6, с. 167].

Отдельно следует отметить статью белорусского историка В. К. Киселева «Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии». Автор достаточно подробно проанализировал структуру немецких разведывательных органов, методы их работы, деятельность партизанской контрразведки и ее результаты [9].

В целом достижения советских историков по данному вопросу незначительные и эпизодические.

С распадом Советского Союза начинается новый этап в изучении данной проблемы. В 1994 г. выходит в свет монография И. С. Борисова «“Сатурн” на ладони», посвященная работе советских разведчиков по разложению немецкой абвершколы в г. Борисове [10]. В этом же году опубликована книга А. Соловьева «Они действовали под разными псевдонимами». В работе рассматриваются многочисленные сюжеты противостояния немецких и советских спецслужб на территории Беларуси. Автор упоминает о деятельности Гомельской, Борисовской, Минской и Бобруйской спецшкол [11, с. 90, 91, 94, 95]. В научный оборот вводятся некоторые новые данные и сюжеты, однако можно определить и очевидный недостаток исследования: практически не рассматривается деятельность партизан по выявлению спецшкол противника и деятельность немцев против «народных мстителей». Это приводит к некоторому «крену» в сторону описания работы советских органов государственной безопасности. Вместе с тем необходимо отметить, что главным направлением в деятельности разведывательно-диверсионных школ была подготовка агентов именно для борьбы с партизанами, а не для работы в армейском и советском тылу.

В 1995 г. участником партизанского движения белорусским историком К. И. Доморадом была написана монография «Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии. 1941—1944». Отдельная глава исследования посвящена борьбе партизанской разведки и контрразведки с агентурой немецких спецслужб. Автор приводит данные о работе Минской, Бобруйской, Борисовской, Могилевской школ разведки [12, с. 194, 198, 221—223]. Ученый указывает, что «всего разведка и контрразведка белорусских партизан совместно со спецгруппами и спецотрядами органов государственной безопасности и армейской разведки выявили 25 разведывательных и разведывательно-диверсионных школ... Наиболее крупные из них были выявлены в городах Минск, Борисов, Могилев, Гомель, Брест, Белосток, Бобруйск, Полоцк, Слуцк, Новогрудок, Волковыск, Калинковичи...» [12, с. 222].

В том же году российский историк В. В. Коровин опубликовал работу «Поединок с абвером», в которой впервые упоминается о деятельности Тростенецкой школы [13, с. 35, 36]. Впоследствии в Национальном архиве Республики Беларусь автору этой статьи удалось обнаружить протоколы допроса агента М. И. Брейтмана-Петренко, еврея по национальности, который прошел обучение в Тростенецкой школе [14, л. 130—133]. Практика создания шпионских школ на территории лагерей широко применялась немецкими спецслужбами. Так, были открыты «курсы шпионов в Колдычево» [15, л. 390], «школа офицеров Белорусской самоохраны в помещении Зеркальной фабрики по Задунавской улице» в Витебске (на территории рабочего лагеря) [16, л. 62].

Анализируя вышеназванные работы, можно сделать следующее заключение: разведывательно-диверсионные школы лишь упоминаются в исследованиях. Отсутствуют системность и глубина в их изучении.

Увеличение работ по данной теме наблюдается в 2000-х гг. и связано с переводом на русский язык зарубежных трудов по истории немецких разведорганов [17], изданием сборников документов [18—20] и подготовкой исследований по истории советских спецслужб [21]. Военные историки провели очень большую работу с архивными документами по данной теме. Впервые затрагивались вопросы использования немецкими спецслужбами подростков-диверсантов. В связи с этим упоминается Бобруйская «спецшкола гестапо по подготовке разведчиков-подростков в возрасте от 15 до 18 лет» [18, с. 49].

В сборниках документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» встречаются сведения о деятельности секретных школ в Минске, Борисове и Витебске [19, с. 18, 142, 149]. Ввод в научный оборот такого большого количества документов привел к увеличению интереса к данной теме со стороны историков и других исследователей. Они активно стали использовать сформированный «багаж» данных. Необходимо отметить труды С. Чуева, посвященные истории немецких спецслужб, а также деятельности разведывательно-диверсионных и пропагандистских школ [22]. Автор приводит сведения о работе более 40 разведывательно-диверсионных школ на территории СССР, Польши, Германии, в том числе Борисовской, Минской и Витебской. Не совсем понятен критерий отбора, так как в годы оккупации на территории Беларуси действовали и другие крупные школы. В основу источниковой базы исследований С. Чуева и других авторов, видимо, был положен «Сборник справочных материалов

об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», составленный в 1952 г. Министерством государственной безопасности СССР. Из школ, которые действовали на территории Беларуси, в сборнике упоминаются только три вышеназванные.

Обработанные и дополненные новыми данными материалы «Сборника справочных материалов...» были изданы отдельной книгой в 2011 г. под названием «Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны» [23].

Данные о работе Гемфуртской детской разведывательно-диверсионной школы, в которой обучались и подростки из Беларуси, можно найти в исследованиях Н. В. Губернаторова [24].

В публикациях российского историка А. Ю. Попова описывается деятельность немецких спецслужб по засылке в партизанские отряды шпионов и диверсантов, окончивших соответствующие школы, в том числе и на территории оккупированной Беларуси, методы их подготовки, а также способы их разоблачения и выявления органами партизанской контрразведки [25]. Вопросы взаимодействия и помощи органов государственной безопасности партизанскому движению хорошо отображены в монографии автора «НКВД и партизанское движение» [26].

История работы органов госбезопасности показана в работе российского историка спецслужб В. С. Христофорова [27]. Автором проведен историографический и источниковедческий анализ проблемы.

Деятельность разведывательно-диверсионных школ на оккупированной территории Беларуси нашла отражение и в исследованиях белорусских историков. В своих работах они используют уже опубликованные данные, что снижает их научную ценность.

В первую очередь следует рассмотреть исследования так называемых историков спецслужб. Среди публикаций на эту тему вызывают интерес работы полковника в отставке Н. Смирнова. Так, в серии публикаций «СМЕРШ против абвера» автор, характеризуя деятельность советских контрразведчиков в тылу врага, указывает, что «контрразведывательная работа была направлена на установление мест дислокации разведывательно-диверсионных органов и школ фашистов, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, путей их проникновения в соединения и части действующей армии и в тыл, а также в партизанские отряды» [28, № 1, с. 39]. Рассматривает Н. Смирнов

и отдельные операции разведчиков, в частности описывает акцию отряда под командованием В. Жукова, во время которой была организована засада на реке Плиса, где отдыхали курсанты Борисовской школы [28, № 1, с. 40].

Сомнение вызывает утверждение автора о том, что «немецкие спецслужбы в начале 1942 г. увеличили количественный и качественный состав обучающихся в разведывательно-диверсионных школах, которые стали осуществлять шестимесячное специальное обучение» [28, № 2, с. 33; 29, с. 10]. После поражения немецких войск под Москвой количество разведшкол на оккупированных территориях значительно увеличилось, что повлекло за собой ухудшение качества обучения и подготовки агентов. Немецкие разведслужбы постепенно перенаправляли свою деятельность на работу против партизан. Сроки обучения агентов были сокращены от нескольких месяцев до нескольких недель. Так, из более чем десяти школ, действовавших в 1942 г., шестимесячное обучение было только в Гомельской [15, л. 287]. В Минской школе в 1942 г. состоялось четыре выпуска агентов со сроком обучения по три месяца [30, с. 142, 143], в Слуцкой и Борисоской школах обучались также три месяца [31, л. 129, 130; 32, л. 10, 10 об.]. В небольших школах и на спецкурсах сроки обучения были еще меньше. Так, в конце 1942 г. Борисовская тайная полевая полиция (ГФП) организовала шпионские курсы, где «занятия проходили ежедневно по два часа вечером на протяжении трех недель» [33, л. 33, 34]. Следовательно, утверждение автора о шестимесячном обучении неверно.

В 2014 г. вышла книга Н. Смирнова «Военные контрразведчики Беларуси. Память, люди, операции...» [34]. В целом работа насыщена фактологическим материалом, в том числе и новыми разнообразными сюжетами. Автор коснулся некоторых малоисследованных аспектов функционирования немецких спецслужб (подготовка агентов для оставления на освобожденных территориях, а также создание партизанских групп в тылу противника), однако это лишь разовые упоминания. Встречаются в исследовании и сведения о деятельности Борисовской и Курганской школ [34, с. 225—227]. Анализируя работу немецких спецслужб, автор по непонятной причине не касается деятельности ГФП, которая подготовила большое количество агентов и курировала многочисленные школы и курсы.

В 2008 г. опубликовано исследование историка спецслужб В. Надтачаева «Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы...».

Автор приводит сведения об уже ставших «популярными» Витебской и Минской школах [35, с. 159]. Присутствует здесь и классический сюжет для этой темы «Путь в “Сатурн”», посвященный Борисовской школе [35, с. 169—175]. Необходимо отметить, что история деятельности борисовских спецшкол (в Борисове действовали не одна, а несколько школ и курсов) на самом деле сложнее и многообразнее.

Наиболее интересной работой по данной теме можно считать монографию Э. Г. Иоффе «Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел “Иностранные армии — Восток” в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг.». Автор дает характеристику основным разведывательным органам противника, анализирует методы их работы. Э. Иоффе систематизировал и обобщил значительный объем информации по данной проблеме, опубликованной ранее. Вместе с тем монография содержит некоторые новые данные по ряду вопросов: проникновение агентов в партизанские соединения, сюжеты разоблачения крупных немецких провокаторов и партизанских командиров. Справедливым представляется разделение Э. Иоффе деятельности немецких спецслужб на борьбу с партизанами и работу в частях Красной армии и советском тылу. Автор упоминает школы в Минске, Борисове, Могилеве, Гомеле, Бресте, Белостоке, Бобруйске, Полоцке, Слуцке, Новогрудке, Волковыске, Калинковичах, Петрикове и Лунинце [4, с. 219, 220]. Это те же школы, о которых пишут и другие вышеназванные исследователи, когда сообщают цифру общего количества спецшкол в Беларуси. Приводятся и количественные данные о выпусках в более чем десяти школах, однако эти выпуски разовые. И тем не менее Э. Г. Иоффе, по сравнению с другими исследователями, значительно расширил документальную базу по данной проблеме.

Общим выводом о вышеназванных работах белорусских авторов является то, что эти исследования можно отнести к компилятивным, обобщающим, в которых используются в основном уже опубликованные ранее документы и материалы. Научной новизны, оригинальных авторских выводов в них явно недостаточно.

Отдельные исследования белорусских историков были посвящены некоторым малоизвестным сюжетам по данной проблеме. Так, Д. С. Кривицкий впервые рассмотрел работу женщин в структурах немецких спецслужб, в том числе их обучение в специальных секретных школах [36]. Некоторые аспекты потерь германских спецслужб, их формирования и агентуры рассмотрены в работе К. И. Козака [37]. Внес

свой вклад в изучение данной темы и автор данной статьи: рассмотрены общетеоретические вопросы деятельности разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси; углублена и расширена тема использования женщин-агентов; показана работа партизан по выявлению спецшкол противника, в том числе детских; подробно изучена деятельность шпионских школ в Минске [38].

Деятельность немецких спецслужб на территории Беларуси, которые занимались организацией разведывательно-диверсионных школ, изучена достаточно подробно. Накоплен определенный «багаж» сведений о таких школах в Борисове, Витебске и Минске. Освещены методы работы советских органов внутренних дел по выявлению и разоблачению вражеских агентов.

К малоизвестным и перспективным аспектам изучения данной темы можно отнести следующие вопросы: разработка терминологического аппарата для корректного определения принадлежности и направленности деятельности спецшкол противника; изучение новых аспектов работы спецслужб противника, в том числе по созданию женских, детских, полицейских и казачьих школ; более глубокое изучение самих школ: расположение, преподавательский состав, дисциплины, специализация, результаты работы; дополнительное исследование документального материала, его критический анализ и ввод в научный оборот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Документы о разведывательной и диверсионной деятельности внешней и внутренней агентуры партизанской бригады им. П. К. Пономаренко Брестской обл. (рапорта, акты, сведения, подписки, автобиографии, характеристики) // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 115.
2. *Киселев В. К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. Минск : БГУ, 1980.
3. *Коровин В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. : Русь, 2003.
4. *Иоффе Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. Минск : Харвест, 2007.
5. Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ — 60 лет. М. : Воениздат, 1979. С. 310—322 ; *Остряков С. З.* Военные чекисты. М. : Воениздат, 1979.
6. *Золотарь И. Ф.* Под маской бургомистра // Партизанские дни. М. : ДОСААФ, 1971.
7. *Дедюля И. П.* Партизанский фронт. М. : Молодая гвардия, 1975.
8. *Яковенко В.* На оккупированной земле. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Беларусь, 1969.
9. *Киселев В. К.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопр. истории. 1984. № 3. С. 42—56.

10. *Борисов И. С.* «Сатурн» на ладони. Минск : Беларусь, 1994.
11. *Соловьев А. К.* Они действовали под разными псевдонимами / под ред. С. М. Смирнова. Минск : Навука і тэхніка, 1994.
12. *Доморад К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. Минск : Навука і тэхніка, 1995.
13. *Коровин В. В.* Поединок с абвером // Воен.-ист. журн. 1995. № 1. С. 31—36.
14. Доклады о работе Особых отделов // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
15. Учет и разоблачение агентуры противника в партизанских отрядах, Красной армии и советском тылу // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
16. Разведсправки и переписка опергруппы БШПД на 1-м Прибалтийском фронте // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887.
17. *Бартиц К.* Трагедия абвера, 1935—1944 гг. М. : Центрполиграф, 2002 ; *Батлер Р.* Гестапо. 1933—1945. М. : Эксмо, 200 ; *Бухгайт Г.* Абвер — щит и меч Третьего рейха. М. : Яуза : Эксмо, 2003 ; *Леверкюн П.* Германская военная разведка. М. : Центрполиграф, 2011.
18. *Белик И. К.* Немецкая разведка является довольно сильным противником // Ист. архив. 2000. № 5. С. 27—63.
19. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. М. : Русь, 2000. Т. 2 : Начало : в 2 кн. Кн. 1 : 22 июня — 31 августа 1941 г. ; кн. 2 : 22 июня — 31 декабря 1941 г. ; Т. 3, кн. 1 : Крушение «Блицкрига» (1 января — 30 июня 1942 г.). 2003.
20. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост.: А. Т. Жадобин, В. В. Маркович, В. С. Христофов. М. : Моск. учебники и картолиотография, 2003.
21. «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. М. : Изд-во Глав. арх. упр. Москвы, 2003.
22. *Чуев С. Г.* Разведывательные и диверсионные школы абвера // Воен.-ист. архив. 2002. № 11. С. 122—146 ; *Чуев С. Г.* Разведывательные и диверсионные школы абвера // Воен.-ист. архив. 2002. № 9. С. 94—124 ; *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. СПб. : Издат. дом «Нева», 2003. Кн. 1.
23. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь : Н. Орианда, 2011.
24. *Губернаторов Н. В.* Особая команда «Гемфурт» // Скрытые лики войны: документы, воспоминания, дневники : сб. М. : Воен. изд-во, 2003 ; *Его же.* «Смерш» против Буссарда: репортаж из архивов тайной войны / общ. ред., коммент. В. К. Былиннина. М. : Жуковский : Кучково поле, 2005.
25. *Попов А. Ю.* Борьба гитлеровцев против партизан в годы Великой Отечественной войны // Воен.-ист. архив. 2002. № 9. С. 125—145 ; *Его же.* Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении // Воен.-ист. архив. 2002. № 12. С. 158—177 ; *Его же.* Деятельность «Смерша» в годы Великой Отечественной войны // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 6. С. 8—12 ; *Его же.* Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечеств. история. 2003. № 3. С. 123—127.
26. *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М. : Олма-пресс, 2003.
27. *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М. : Изд-во Глав. арх. упр. г. Москвы, 2011.
28. *Смирнов Н.* «Смерш» против абвера // Армия. 2000. № 1—3.
29. *Смірноў М. І.* Дзейнасць савецкай разведкі і контрразведкі супраць нямецкіх спецслужбаў на тэрыторыі Беларусі ў 1941—1944 гг. // Беларус. гіст. часоп. 2000. № 4. С. 8—13.

30. Кулинок С. В. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып. 13 : у 2 т. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : МДЛУ, 2015. Т. 1. С. 141—148.

31. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения о действиях противника на территории Белоруссии // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.

32. Докладные, донесения и справки о работе в тылу врага партизанских бригад, отрядов и отдельных подпольщиков, о действиях оккупационных властей на территории Минской области // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1296.

33. Дело № 7 с материалами партизанского движения // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.

34. Смирнов Н. И. Военные контрразведчики Беларуси. Память, люди, операции... Мінск : Белпринт, 2014.

35. Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы... Мінск : Кавалер, 2008.

36. Кривицкий Д. С. Женщины в структуре органов государственной безопасности Германии // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання. Мінск : Гіст. майстэрня, 2006. С. 86—90.

37. Козак К. И. Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси. 1941—1944 гг.: анализ и итоги потерь // Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 мая 2005 г. / адк. рэд.: А. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. Мінск : Изд-во Логвинова, 2006. С. 87—154.

38. Кулинок С. В. Агенты в юбках // Беларус. думка. 2014 № 11. С. 82—90 ; *Его же*. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Беларус. археаграф. штогоднік. 2014. Вып. 15. С. 57—68 ; *Его же*. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып. 13 : у 2 т. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : МДЛУ, 2015. Т. 1. С. 141—148 ; *Его же*. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (по материалам документов Белорусского штаба партизанского движения) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2013 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : МДЛУ, 2014. Вып. 12. С. 86—95.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2015 г.

Л. В. ЛАНДИНА

ФРАНЦУЗСКИЕ МОНАРХИ ЭПОХИ АБСОЛЮТИЗМА И ИХ ОКРУЖЕНИЕ: ДИСКУРС СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920—50-х гг.

Анализируется тема интерпретации персоналий правящей элиты Франции XVI — середины XVIII в. советскими историками в 1920—50-х гг. На основе дискурсивного подхода раскрыта известная преемственность оценок дореволюционной и советской историографии, оттенки трактовок советских историков, влияние на содержание работ общей идеологической ситуации и субъективного фактора.

The article analyzes the Soviet historians' of the 1920—50s interpretation problems of the French ruling elite personalities of XVI — middle XVIII century. Based on the discursive approach certain estimation continuity of pre-revolutionary and Soviet historiography, interpretation shades of Soviet historians, the ideological situation and the personal factors impact on the overall content of the work and are disclosed.

Ключевые слова: методология; советская историография; дискурс; абсолютная монархия; правящая элита; персоналии; Франция; новое время.

Keywords: methodology; Soviet historiography; discourse; an absolute monarchy; the ruling elite; personalities; France; modern age.

Персоналии правителей и их окружения долгое время были той сферой, исследовать которую советскому историку считалось «излишне» и «неактуально», равно как и акцентировать на этом внимание. Действительно, если любое государство, кроме социалистического, — это аппарат классового угнетения, то какое отношение могло быть к его правящей элите — представителям эксплуататорских классов? Разумеется, только сдержанно-отрицательное. Единичные же исключения из этого

Ландзіна Ларыса Уладзіміраўна — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музеезнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат гістарычных навук. E-mail: larisa-hist@mail.ru

---

ряда, признаваемые значимыми, как, например, российский император Петр I, все равно, по мнению советских историков, не могли преодолеть своей классово ограниченной природы. Такая ситуация продолжалась десятилетиями, пока инициированные перестройкой инновации в исторической науке не изменили отношение в первую очередь к российским монархам [1]. Именно в это время шла речь о преодолении стереотипов, новом прочтении марксизма, более пристальном изучении государства и роли личности в истории [2, с. 7—12; 3, с. 252—260].

Тем не менее утверждать, что персоналии монархов и их окружения были сплошным «белым пятном» в советской историографии и однозначно негативизировались, было бы неверно. Дискурсивный анализ работ советских историков позволяет не только увидеть массу оттенков в трактовках, но и прийти к ряду уточнений и выводов.

Дискурс — это языковое сознание эпохи, зашифрованное в тексте [4, с. 38—43] и обусловленное всей совокупностью ее политических, идеологических, экономических, нравственных и иных характеристик. Конкретный же текст, рассмотренный посредством дискурс-анализа, с учетом названных характеристик, может быть осмыслен значительно полнее, нежели при обычном прочтении. Общество любого исторического периода говорит на своем языке, и эпоха СССР — отнюдь не исключение. Соответственные идеологические и политические приоритеты задавали специфические интонации, лексику и экспрессию, подтекст, речевые обороты, рассматриваемые сюжеты, являющиеся маркерами как при датировке, так и при интерпретации историографических источников советского периода.

Многообразное, подвижное, многозначное содержание текста может быть манифестируемым (лежащим на поверхности) и латентным (составляющим скрытые смыслы). В связи с этим при исследовании текстов востребованы как количественные, так и качественные методики [5, с. 140]. Из ряда подходов к дискурс-анализу автором выбран интегративный как наиболее комплексный. Рассматриваемый дискурс типологически — письменный, по функциональности — научный, институциональный, преимущественно индивидуальный. Социокультурные условия создания текстов составляют экстралингвистический, т. е. над- и вокругтекстовой, уровень.

В советской историографии период 1920—50-х гг. — время утверждения и установления безусловного доминирования марксистской методологии, развивавшейся в то время «по восходящей». При этом

1920-е гг. выступают организационно и методологически переходными. В середине 1930-х гг. формулируется жесткий марксистский канон согласно указаниям руководства СССР. Работы 1940-х и первой половины 1950-х гг. характеризуются категоричным, наступательным дискурсом, безусловным доминированием и позиционированием мессианской роли марксизма в советской интерпретации. Наконец, вторая половина 1950-х гг. отмечена как политической «оттепелью», так и изданием на протяжении 1955—1965 гг. десяти томной «Всемирной истории», которая подвела итоги предыдущих десятилетий и стала образцом для последующих исследований.

Историография 1920—50-х гг. стала объектом рассмотрения в исследовании С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг.» [6]. Работа, написанная на основе дискурсивного подхода, с использованием большого количества неопубликованных источников, несомненно, ценна, однако проблема персоналий в ней не рассматривается.

Франция как страна классического абсолютизма, а затем революции, названной Великой, привлекала внимание как дореволюционных, так и советских историков. Несмотря на то что дореволюционные историки-либералы были сторонниками реформ, а советские — революции и диктатуры пролетариата, и те и другие были сходны в сдержанно-негативном отношении к абсолютизму и приветствовали Французскую революцию. Соответственно, и отношение к коронованным особам Старого порядка, который советские историки назовут феодально-абсолютистским строем, было по сути одинаковым в обоих случаях, менялась только идеологическая направленность дискурса.

Обобщающие работы 1920-х — начала 1930-х гг., в соответствии со «школой Покровского», трактовали абсолютизм как полуфеодальное-полукапиталистическое государство «торгового капитала» [7, с. 276—278], характерное для начала капиталистической формации в Европе [7, с. 201]. Это были работы переходного периода и становления марксистской советской методологии, что видно в том числе и в оформлении текстов. Так, ссылки на классиков марксизма были минимальны и соседствовали со ссылками на российских либеральных и зарубежных историков. При этом акцентировались социологический и классовый подходы, идея неизбежной смены формаций, революционный путь развития. Сама обстановка 1920-х гг., полная максимализма и эксперимен-

тов, очевидно, привела в будущем первого заведующего кафедрой средних веков Ленинградского университета Н. Н. Розенталя (1892—1960) к следующему выводу: «Уничтожение политической власти феодалов и установление абсолютизма могут рассматриваться как своеобразная форма буржуазной революции» [8, с. 201].

Макроуровень текстов характеризовался такими доминантами, как подчеркнутое внимание к социально-экономическому развитию, рассмотрение государства как производного от экономики, формационный подход с обязательной телеологической составляющей. Все это не оставляло места для особого внимания к персоналиям. Монархи и их приближенные были лишь функциональными единицами, включенными в названные процессы, и в лучшем случае обрисовывались несколькими строками. Например, в работе Н. Н. Розенталя приведены такие характеристики: «Объединительная и абсолютистская политика Людовика XI достигла новых успехов при его преемниках. Блестящий “король-рыцарь” Франциск I (1515—1547) издавал указы и распоряжения, ссылаясь исключительно на свою “добрую волю”» [8, с. 62]. «Новый подъем французской монархии ярко обнаружился уже в царствование Генриха IV (1589—1610)... Генрих хорошо понимал зависимость господствующих классов от достатка налогоплательщика, выразив это словами: “Если будут разорять мой народ, кто же станет кормить меня и доставлять средства для покрытия государственных расходов?”» [8, с. 71, 72].

Н. Н. Розенталь уделил внимание Ришелье и Кольберу, полностью заслонив этими фигурами не только Людовика XIII, но и короля — Солнце». «Крупнейшим деятелем возрождавшегося французского абсолютизма, — писал Розенталь, — был знаменитый министр Людовика XIII кардинал Ришелье» [8, с. 121]. Та же тональность слышна и в характеристике Кольбера: «...Франция была еще слишком бедна, чтобы выдержать всю тяжесть громоздких колониальных и торговых мероприятий. Но, в общем, производительные силы страны заметно росли, достигнув яркого расцвета во время деятельности знаменитого министра Людовика XIV Кольбера (1661—1683)» [8, с. 126]. Деятельность обоих характеризуется комплексно и положительно. Это неудивительно — речь идет о централизации государства, создании промышленности и развитии торговли, армии и флота. Таким образом, нельзя говорить об однозначности оценок представителей правящей элиты Франции советскими историками. Однако и Ришелье, и Кольбер, удостоившиеся наибольшего внимания, представлены только как политики, но не как личности.

Эпоха же Людовика XIV характеризуется Н. Н. Розенталем как грань, перейдя которую абсолютная монархия превратилась в тормозящую для общества силу. Эту идею, традиционную еще для дореволюционных историков, Розенталь сформулировал выразительными средствами советского марксистского дискурса: «Эпоха Людовика XIV была тем периодом в истории французского абсолютизма, когда он, достигнув предельного уровня развития, *вступил в противоречие с производительными силами общества* (буржуазией, третьим сословием. — Л. Л.). В восемнадцатое столетие Франция вступила с надломленными силами; тяжелые раны, нанесенные ей разорительной политикой Людовика XIV, продолжали болеть и при его преемниках. *Исцелить их могла только революция*» (здесь и далее курсив автора. — Л. Л.) [8, с. 132—134].

Обобщающая работа В. Д. Преображенского по истории Западной Европы придерживается тех же смысловых доминант, характеристики персоналий еще более сжаты. Экспрессивно, с «выставлением счета» абсолютной монархии описаны два предреволюционных царствования: «При Людовике XV монархия стала еще более *дворянской и реакционной*. Она обнаружила уже *полную неспособность служить тому классу, которому история открывала дорогу вместе с развитием капитализма. Личность ничтожного короля* наилучшим образом характеризовала *упадочный абсолютизм...* При Людовике XVI абсолютизм уже *явно переживал свою агонию*. Попытки спасти положение при помощи *ничтожных реформ* терпели все время неудачу. Когда же монархия решила прибегнуть к *последнему средству* — созыву генеральных штатов, — она этим *подписала свой смертный приговор*. Так, *выполнив свою историческую миссию, французский абсолютизм очутился на краю пропасти, куда и столкнула его буржуазия*» [7, с. 313].

Охарактеризованные выше содержательные и коннотативные особенности советского дискурса будут практически неизменными до методологических и предметных инноваций середины 1980-х гг. Это доминирование социально-экономического подхода и социологической терминологии, классовых оценок, сдержанное рассмотрение персоналий как деятелей, а не как личностей, отсутствие специальных работ, посвященных монархам и их министрам, а также телеологические установки и негативные коннотации в отношении последних Бурбонов.

В 1938 г. вышли «Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв.» профессора Ленинградского университета П. П. Щеголева (1903—1936) — первый лекционный курс, систематизированный в соответствии

с установившимися в 1930-х гг. методологическими канонами. В частности, абсолютизм здесь уже не государство «торгового капитала», а «особая форма диктатуры дворянства в условиях разложения феодальной формации и зарождения в ней капиталистических отношений» [9, с. 10]. Книга вышла уже после смерти автора, и окончательный ее вариант был результатом доработки редакционного коллектива. Необходимо отметить, что «редакторы обращали внимание на уточнение отдельных формулировок, фактических данных и хронологии, прибегая к дополнениям, вставкам целых фраз и т. п. лишь в отдельных, относительно редких случаях» [9, с. 3], т. е. собственно авторский, фактологический материал практически не изменился. Само за себя говорит и редакционное предисловие, где ранжированы сильные стороны работы: «Курс П. П. Щеголева отличается несомненными достоинствами: *широким использованием относящихся сюда высказываний классиков марксизма-ленинизма*, свежестью многих данных, насыщенностью фактическим материалом, рядом интересных мыслей и обобщений, удачным... расположением отдельных частей, живою, подчас увлекательной формой изложения» [9, с. 3]. Можно скептически относиться к такой оценке, но нельзя не признать того, что авторы предисловия... безусловно правы. По увлекательности изложения, образности речи, подбору и насыщенности материала «Очерки...» Щеголева, выполняющие роль учебного пособия, превзошли как предшествующие, так и последующие аналоги. Естественно было бы ожидать и ярких характеристик персоналий. Однако приходится признать, что в этой сфере автор в целом не выходит за уже очерченные выше рамки. Как монархи, так и их окружение — в первую очередь политические фигуры с обусловленными функциями, но не личности, хотя из описаний их деятельности и можно сделать определенные выводы, в первую очередь об авторской позиции П. П. Щеголева. «Французские короли, — пишет Щеголев, — принадлежали к династии Валуа. *Буржуазные историки очень любят разбирать вопрос о том, что произошло с Валуа, почему эта династия дала тот исключительный подбор дегенератов*, какой представляют собою последние Валуа — дети Франциска I и его внуки. Это *вопрос чрезвычайно почтенный и любопытный, но мы на нем останавливаться не будем...*» [9, с. 191].

Несмотря на цитирование классиков марксизма и отмежевание от буржуазных историков, что диктовалось идеологическими реалиями тех лет, П. П. Щеголев демонстрирует стремление к объективности и собственную позицию. По-другому нельзя оценить такой развернутый пас-

саж: «Можно спорить о личности Людовика XIV, и буржуазные историки охотно спорят... но нет никакого спора о том, что это был посредственный человек, который не терпел вокруг себя сколько-нибудь крупных деятелей, — утверждает Щеголев. — Единственным крупным деятелем при Людовике XIV был Кольбер... При всем том нельзя отрицать, что Людовик XIV был человеком весьма работоспособным... *он любил работать и действительно работал в течение шестидесяти лет своего царствования*, а работать, с его точки зрения, означало — вмешиваться во все дела. Людовик XIV считал, что он должен быть королем не только на словах, но и на деле. Поэтому *худо ли, хорошо ли, но он в течение шестидесяти лет действительно управлял страной*» [9, с. 429, 430].

Стремление Щеголева донести до читателя «неудобную» в условиях СССР 1930-х гг., но объективную информацию особенно видно из характеристики политики Генриха IV по отношению к крестьянству. Здесь содержание и его идеологическое обрамление внешне увязаны, но для внимательного читателя страны победившей коллективизации порождают массу сравнений и вопросов. Данный сюжет настолько красноречив, что заслуживает того, чтобы быть приведенным почти полностью.

«Буржуазная историография, — отмечает Щеголев, — рисует Генриха IV как короля, который был охвачен любовью к своим подданным, и прежде всего к крестьянам... Ему приписывается известное изречение о курице в супе, который он хотел бы видеть на столе у каждого подданного. Эта курица в супе при ближайшем рассмотрении оказывается легендой, основанной на беззастенчивой фальсификации фактов.

Так называемые крестьянские мероприятия Генриха... сводились к *запрещению произвольных обложений и произвольной барщины, к отмене продажи за долги сельскохозяйственного инвентаря и к некоторым другим мероприятиям. В самом начале XVI в. талья, основной прямой налог, была уменьшена более чем на 4 млн ливров... Во время религиозных войн нередко были случаи уклонения выходцев из третьего сословия от уплаты тальи: они приобретали документы, которые удостоверяли их дворянское происхождение, и отказывались платить налог. Генрих IV отыскал сорок тысяч таких налогоплательщиков и обложил их налогом: это, конечно, привело к облегчению всей остальной массы налогоплательщиков. Отметим еще одно мероприятие: крестьянским общинам было разрешено выкупать проданные общинные земли.*

Чем объясняется интерес Генриха IV к крестьянскому хозяйству? Это был интерес помещика, дворянина. *Генрих IV отлично сознавал, что фе-*

одальная эксплуатация может идти бесперебойно, когда за крестьянством будет обеспечен известный прожиточный минимум» [9, с. 207, 208].

Оценка Щеголева правомерна, и было бы наивным полагать, что политика Генриха мотивировалась любовью к народу, а не государственным интересом. И все же у читателя невольно возникает ряд вопросов. Если король антинародного феодального государства столько делал для своих крестьян, то что должно было сделать для своих самое справедливое рабоче-крестьянское советское государство? И почему король-эксплуататор, найдя сорок тысяч неплательщиков налогов, не обложил их по существующей ставке и не обеспечил дополнительный доход казне, а зачем-то произвел перерасчет и уменьшил размеры налога для всех? Остается только добавить, что в последующих изданиях учебной литературы по истории Средних веков сюжет о крестьянской политике Генриха IV уже никогда столь развернуто не приводился.

Особое внимание уделил Щеголев кардиналу Ришелье, что видно уже из названия соответствующей главы — «Франция в период правления кардинала Ришелье». О несомненном уважении к великому кардиналу свидетельствуют слова о том, что «к власти в 1624 г. пришел тот *государственный деятель, с именем которого связывается утверждение режима абсолютной монархии не только во Франции, но и во всей Европе...* Правда, новый поворот к абсолютизму объясняется не только замечательными государственными качествами Ришелье, но и тем, что коренное соотношение классовых сил в стране было благоприятно именно абсолютистской политике; но все же роль Ришелье была достаточна крупна» [9, с. 412]. Нужно отметить, что и здесь мы не увидим Ришелье-человека, но ярко и развернуто представлен Ришелье-политик, выводы о личностных качествах которого нужно делать на основе его политических мероприятий. Проводя их развернутый анализ, классовую оценку и утверждая, что Ришелье «не давал народу ни отдыха, ни срока», Щеголев приводит известное высказывание Ришелье о народе полностью, избегая примитивизации восприятия читателем. «Народ, — писал Ришелье в своем “Политическом завещании”, — следует сравнивать с ослом, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы. *Но подобно тому, как работа мула должна быть умеренна, и время, положенное на животное, соизмеряться с его силою, то же самое должно быть соблюдаемо и относительно повинностей народа: будучи чрезмерными, они не перестали бы быть несправедливыми даже и в том случае, если бы они были полезны для общества» [9, с. 414].*

Рассмотрение проблемы персоналий французской монархии раннего Нового времени в период становления марксистской советской историографии позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, сдержанно отрицательное отношение к французским монархам и их окружению советской историографией было унаследовано от дореволюционной историографии. Данный вывод не является парадоксом — абсолютную монархию считали злом как дореволюционные историки-либералы, так и советские марксисты-революционеры. Во-вторых, более или менее явное внимание к персоналиям обозначилось после отказа от «школы Покровского», в которой внимание к личности растворялось в социологизации. Наконец, даже наличие четких идеологических нормативов не было непреодолимым препятствием для историков, ставивших своей задачей всестороннее и взвешенное отражение исторического процесса.

В 1939 г. вышла «История средних веков» под редакцией профессоров С. Д. Сказкина (1890—1973) и О. Л. Вайнштейна (1894—1980). Главы XVI и XVII, посвященные Франции раннего Нового времени и относимые советской историографией к позднему Средневековью, были написаны С. Д. Сказкиным. При этом глава XVII отличается определенной образностью и экспрессией. Речь идет о кардинале Ришелье, которому традиционно уделялось особое внимание, и, что неожиданно, о Людовике XIII, не менее традиционно отодвигаемом в тень своего первого министра. С. Д. Сказкину удалось, работая в жестких идеологических рамках, создать достаточно яркие и емкие характеристики, которые правомерны и сегодня. Чтобы убедиться в этом, обратимся к тексту: «На штатах 1614 г. выдвинулся в качестве ловкого дипломата молодой епископ Люсонский Арман дю Плесси, герцог Ришелье, будущий кардинал и величайший политик Франции эпохи абсолютизма. 10 лет неустанного труда и исключительной настойчивости, интриг и низкопоклонства, за которыми скрывались холодный и ясный ум и безмерное честолюбие, привели Ришелье к власти (1624 г.), и с этого времени французский абсолютизм получает завершение, чтобы в следующее царствование Людовика XIV достичь апогея своего блеска и могущества» [10, с. 350].

Широко приводимая фраза Ришелье о народе, где последний сравнивается с мулом, по словам С. Д. Сказкина, «могла бы красоваться на фронте любой абсолютной монархии, до такой степени хорошо она передает классовую сущность всякого абсолютизма». В то же время Сказкин взвешенно отмечает, что сам Ришелье понимал необходимость со-

измерения работы мула с его силами, хотя это и «нередко забывалось им самим и было совсем забыто его преемниками» [10, с. 351].

Созданная С. Д. Сказкиным историческая канва включает характеристику, казалось бы, незначительного персонажа — Людовика XIII, что акцентируется подзаголовком, который так и называется: «Личность Людовика XIII». Лишенный идеологической подоплеки, написанный живым языком, этот исторический портрет-миниатюра не только дополняет повествование и показывает тонкости отношения кардинала и монарха, до этого практически не удостоивавшегося внимания советских историков. При этом «очеловечивается» и приближается к читателю само повествование, что нельзя переоценить. Поэтому справедливо будет привести названный фрагмент полностью. «Людовику XIII, — утверждает Сказкин, — выпала на долю скромная роль состоять королем Франции при своем всеильном первом министре. Он занимался своими птицами, собаками и лошадьми, любил пение и рисование, умел хорошо покушать и любил войну. Несколько мрачный и скрытный, он ценил отвагу и мужество и поэтому искренне огорчался, подписывая по требованию своего министра изгнания и даже смертные приговоры неисправимым дуэлянтам. В высокой материи государственных дел он разбирался плохо, и хотя подчас тяготился опекой Ришелье и даже позволял себе насмешки над ним, тем не менее, остался верен ему до конца, переложив тяжесть государственных дел на плечи своего многоумного министра, за спиной которого он чувствовал себя в полной безопасности от непереносимой скуки своего королевского ремесла. Он умер спустя пять месяцев после смерти Ришелье» [10, с. 355].

Прослеживая оттенки приведенных выше характеристик и оценивая круг рассматриваемых персоналий, можно заметить представителя французской правящей элиты, притягивающего неизменное и наибольшее внимание историков. Это — кардинал Ришелье, масштаб и последствия деятельности которого объясняют данную ситуацию.

Совершенно неслучайно поэтому появление в 1946 г. на страницах «Вопросов истории» историографической статьи А. Д. Люблинской (1902—1980) «Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв.» [11]. Эта публикация, увидевшая свет 70 лет назад, до сих пор привлекает внимание по ряду причин. Во-первых, в советской историографии послевоенных десятилетий не было подобных работ, посвященных представителям правящей элиты Франции указанного периода. Во-вторых, в дискурсивном плане статья не содержит языковых и идеологических

штампов послевоенной советской исторической науки, равно как и ссылок на классиков марксизма. Наконец, и ныне она может быть примером написания историографического очерка.

Люблинская раскрывает причины интереса к фигуре Ришелье в различные периоды, показывает обусловленные как субъективными, так и объективными причинами оттенки в трактовках образа кардинала и содержательные особенности работ различных авторов. В рассматриваемых источниках выделен «вертикальный разрез» (экономика и социальные отношения) и «горизонтальный» (изложение событий в хронологической последовательности). Автор, что весьма важно, демонстрирует взаимовлияние концепций, изменение степени исторического осмысления в зависимости от уровня развития исторической науки. В статье видно собственное, личностное отношение автора, основанное на вдумчивом и подробном критическом разборе материала, причем Люблинская учитывает «плюсы» и «минусы» работ, указывая на проблемы, требующие изучения. Вот, например, фрагмент из анализа исторического наследия Ж. д'Авенеля (1855—1939), французского историка, исследовавшего эпоху Ришелье. С одной стороны, д'Авенель «первый всерьез занялся социальными отношениями и экономикой». В то же время он «...совсем отстраняется от рассмотрения внешней политики кардинала, признавая, однако, ее величие и значимость. Четыре тома д'Авенеля, — продолжает А. Д. Люблинская, — представляют собой редкий по темпераменту и страсти политический памфлет против Ришелье. Аристократ, издерганный французскими революциями XIX в., особенно Коммуной, горько и глубоко страдавший от политической смерти своего класса, д'Авенель во всем винит Ришелье. Кардинал представляется ему зачинателем на французской почве столь непереносимого для аристократии этатизма...» [11, с. 114, 115]. В результате Люблинская взвешенно подводит итог: «Книга д'Авенеля безнадежно устарела в своих выводах и суждениях, но в ней собрано огромное количество красочных фактов, перебрано такое количество событий и людей, что в этой части она до сих пор еще не пересмотрена и не обновлена» [11, с. 115].

Будучи советским историком-марксистом, А. Д. Люблинская считала Ришелье идеологом и создателем французского абсолютизма — политического воплощения диктатуры дворянства. В то же время из контекста статьи видно, что исследовательнице близко отношение к Ришелье французского историка, дипломата и политика Г. Аното (1853—1944): «Лучше стремиться к пониманию того, что он сделал, чем к пустой за-

баве рассуждений о том, что он должен был бы сделать» [11, с. 115]. Еще более прозрачен вывод, сформулированный во вступлении к статье: «Ришелье при жизни вызывал искреннее восхищение немногих и ярую ненависть большинства. Причудливые перипетии его посмертной судьбы полны такой же страстности. Но в процессе этой страстной борьбы крайностей *постепенно и медленно выработывалась объективная точка зрения на истинное значение для истории Франции одного из величайших ее сынов*. Ришелье долго пришлось ждать беспристрастного суда потомства, той репутации, которую он называл “единственным благом, могущим удовлетворить великую душу”» [11, с. 112].

Сегодня работа А. Д. Люблинской заслуживает высокой оценки. Однако в послевоенном СССР охарактеризованные выше сильные стороны статьи оценивались по-другому. В период борьбы с космополитизмом 23 марта 1949 г. состоялось объединенное заседание сектора истории Средних веков Академии наук СССР и кафедры Средних веков Московского государственного университета. Стенограмма этого заседания, ныне опубликованная [12], уже сама стала объектом внимания историков. С точки зрения дискурсивного анализа она представляет собой ценнейший источник, отражающий лексику, ментальность, систему ценностей и аргументацию научной критики в историографии советского послевоенного десятилетия.

Борьба с космополитизмом как враждебной для советского общества идеологией была одним из многих примеров противостояния в биполярном мире. Однако в условиях СССР эпохи Сталина идеологическая непримиримость в сочетании с поисками «врагов народа» привела к усилению и без того жесткого идеологического контроля в гуманитарном знании, применению соответствующих санкций и нагнетанию нездоровой атмосферы в научном сообществе.

Одна из ключевых фигур объединенного заседания, Н. А. Сидорова (1910—1961), с 1949 г. научный сотрудник Института истории АН СССР, констатировала, что на *«историческом фронте»*, как одном из участков фронта идеологического, не все обстоит благополучно. Формами же буржуазного космополитизма и буржуазного объективизма в области медиевистики являются: «1. *Проповедь единой мировой науки*. 2. *Преклонение и низкопоклонство перед буржуазной западной наукой*. 3. *Принижение исторической роли русского народа*, русской и советской культуры. 4. *Традиционализм, отрицающий принципиальное существование и значение науки советской, науки, которая зиждется на единственно научном методе мар-*

ксизма-ленинизма. 5. Игнорирование принципа партийности. 6. Пренебрежительное отношение к вопросу о приоритете русской науки. 7. Идеалистические вывихи, носящие ярко выраженный космополитический характер...» [12, с. 266]. Таким образом, признание достижений европейской науки, выявление преемственности дореволюционной и советской историографии, а также объективность и отсутствие обязательной критики и обличительного пафоса с позиции советского марксизма было основанием для серьезной идеологической проработки. Среди ряда «виновных» оказалась и А. Д. Люблинская, а объектом критики была историографическая статья о Ришелье.

А. Д. Люблинская на заседании не присутствовала, претензии к ней озвучила кандидат исторических наук З. В. Мосина, входившая тогда в редколлегию «Вопросов истории» и в том же 1949 г. выведенная из ее состава [6, с. 121]. «Очень большой ошибкой, — категорично утверждала З. В. Мосина, — также я считаю помещение в нашем журнале статьи Люблинской “Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв.”. Эта статья, безусловно, того же самого космополитического характера, какой имеют многие работы ленинградских медиевистов. Эта статья обнаруживает необычайное преклонение самого автора, т. е. Люблинской, перед фамилией Ришелье. Я не знаю, все ли французские националистически настроенные историки так преклоняются перед Ришелье, как перед ним преклоняется наш советский историк Люблинская... Кроме того, Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской буржуазной историографии, посмотреть на нее глазами советского историка... Она очень хорошо изучила весь ход развития и накопления материалов, источников, но она не сумела дать всей этой историографии марксистскую оценку. Наконец, самое возмутительное — это структурная часть этой статьи, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается вопроса советской историографии, причем это настолько уничижительно звучит, что лучше бы ей не касаться этого вопроса...» [12, с. 300].

Один абзац для характеристики в масштабах указанной статьи — это действительно скромно. Но как отметить то, чего, по сути, не было? В исследованиях таких ученых, как учитель А. Д. Люблинской В. В. Бирюкович (1893—1954) и специалист по народным движениям во Франции XVII в. Б. Ф. Поршнев (1905—1972), Ришелье описывается лишь как фоновая фигура изменений в правящей элите [13—17].

Специально о кардинале Ришелье как о государственном деятеле и личности в то время в СССР не писал никто. Но ведь такое исследова-

ние, причем высочайшего качества, могла создать А. Д. Люблинская. Будучи специалистом именно по Франции первой половины XVII в., архивистом, палеографом, она, как видно из приведенных фрагментов ее статьи, могла писать живо и образно, а о ее требовательности к качеству работы сохранились многочисленные упоминания.

Почему А. Д. Люблинская не создала книги о кардинале Ришелье как человеке и политике? Вероятно, ответ на этот вопрос достаточно прозрачен, если учесть идеологические и предметные предпочтения советской историографии...

9 декабря 2015 г., будучи на стажировке в Институте всеобщей истории Российской академии наук, автор имела возможность побеседовать с учеником А. Д. Люблинской, крупнейшим специалистом по истории Франции XVII в., автором работ о Кольбере, Людовике XIV, Фронде, В. Н. Маловым. Интерес к А. Д. Люблинской как человеку и историку постепенно оттеснил на второй план теоретические проблемы абсолютизма, и В. Н. Малову были заданы вопросы: намеревалась ли А. Д. Люблинская создать исторический портрет кардинала Ришелье отдельной книгой? Ответом было «нет». Почему это не удалось сделать? В. Н. Малов объяснил это двумя причинами. Во-первых, создание популярной биографии, вероятно, не импонировало А. Д. Люблинской, понимавшей свою деятельность как строго научную. Во-вторых, и это было явлением системным, в советской историографии тех лет могли публиковаться лишь биографии деятелей, считавшихся прогрессивными, например Кромвеля, если рассматривать XVII в. А насколько прогрессивен с точки зрения советской историографии идеолог абсолютизма кардинал Ришелье — вопрос весьма неоднозначный...

К сказанному можно добавить и другие факты об А. Д. Люблинской из современной работы о ленинградских медиевистах. После событий 1949 г. Люблинская уцелела «почти что чудом... Не приходится забывать о том, что Александра Дмитриевна и ее муж принадлежали к тому слою отечественной интеллигенции, к которому новая власть с первых своих шагов относилась крайне настороженно... Постоянно напоминало о себе неподходящее социальное происхождение (А. Д. Люблинская была дочерью протоиерея Исаакиевского собора)... В 1927 г. супруги были арестованы, правда, вскоре их выпустили. В 1929 г. В. С. Люблинский провел почти два месяца в тюрьме... В 1949 г. он был вынужден уйти из Публичной библиотеки “по собственному желанию”. Александру Дмитриевну тоже в этом же году выжили из Публичной библиоте-

ки» [18, с. 81, 82]. Тем не менее научный авторитет А. Д. Люблинской, ее сдержанность (на работе она избегала разговоров о политике и не касалась этой темы в близком кругу) [18, с. 108] в сочетании с принципиальностью привели к тому, что Люблинская стала фактически неформальным лидером ленинградских медиевистов-западников [18, с. 95].

Если же обратиться к представителям правящей элиты Франции в исторической литературе начала 1950-х гг., то они выступали лишь как фоновые персонажи и функциональные единицы нарратива. Разумеется, после XX съезда КПСС ситуация в стране изменилась. Так, А. Д. Люблинская, ставшая заведующей кафедрой истории Средних веков ЛГУ, весной 1956 г. едва ли не ежедневно рассказывала на кафедре о наблюдаемых переменах и даже предрекала последние дни спецхрану [18, с. 108, 109]. Однако приоритеты советской историографии остались неизменными, хотя и появилась известная свобода для дискуссии.

В 1957 г. вышли «Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания первой мировой войны», где глава, посвященная Франции XVI — середины XVIII в., была написана А. Д. Люблинской. Изложенный живым языком, с краткими характеристиками политических деятелей периода текст представляет собой образец послевоенного исторического дискурса. Вот, например, как описывается социально-экономическое развитие Франции: «До второй половины XVII в. процесс первоначального накопления протекал в недрах феодального общества Франции сравнительно медленно и с некоторыми перебоями. При Кольбере (1665—1683) он очень усилился и ускорился, а с конца XVII — начала XVIII в. *вступил в новую фазу, определяемую постепенным нарастанием противоречий между растущим капитализмом и загнивающим феодализмом*. Развитие абсолютизма в главных чертах соответствовало этому хронологическому делению...» [19, с. 73]. Если говорить о персоналиях, то традиционно Генрих IV характеризовался как осторожный и ловкий политик, талантливый дипломат и полководец, приобретший во время своей политической карьеры большой и разносторонний опыт [19, с. 105]; Ришелье — масштабная фигура в развитии французского абсолютизма, выразившая свой идеал в «Политическом завещании», строившая свою внутреннюю и внешнюю политику на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс [19, с. 107]. С развитием капитализма и усилением буржуазии *«абсолютная власть уже становилась для буржуазии ненужной. Абсолютизм XVIII в. выполнил свою историческую функцию и приближался к своему крушению. Теперь он защищал прогнив-*

ший феодальный строй и охранял реакционные права и привилегии паразитических сословий — дворянства и духовенства...» [19, с. 114].

В период оттепели Академией наук СССР была издана десяти томная «Всемирная история», представляющая собой итог развития советской историографии почти за 50 лет. Ныне «Всемирная история» представляет интерес скорее для историографа, чем для историка или широкого читателя. Однако не следует забывать, что для нескольких поколений советских читателей это издание было единственным полным и систематизированным историческим изложением, снабженным иллюстрациями, картами и библиографией. «Всемирная история» — это образец советского марксистского дискурса, что можно проиллюстрировать на примере рассмотрения истории Франции XVI — середины XVIII в.

Макроуровень текста демонстрирует положенный в основу формационный подход. Соответственно, во введении к тому IV указывается: «*Основным, решающим фактором* этого времени (XVI — первой половины XVII в. — Л. Л.) является *разложение феодальных отношений, возникновение в ряде наиболее развитых стран капиталистического производства* в форме рассеянной и централизованной мануфактуры» [20, с. 7]. Перед читателем — история в первую очередь социально-экономического развития и классовой борьбы, что видно как из названий структурных частей текста, так и из их ранжирования. Глава IX, написанная В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской, посвящена возвышению *феодально-абсолютистской* Франции. Этот эпитет, применяемый в отношении ряда государств раннего Нового времени, уже нес в себе негативную коннотацию. После краткого территориального описания страны рассказывается об экономическом развитии, мануфактурах, торговле, государственном долге, формировании буржуазии, наемных рабочих, аграрном строе и положении крестьянства, затем авторы обращаются к дворянству, развитию абсолютизма, наконец, Итальянским войнам и народным восстаниям [20, с. 207—221]. Как в этих сюжетах представлены персоналии? Приходится констатировать, что как таковых их здесь нет, максимум — это перечисление монархов династии Валуа, которые вели Итальянские войны [20, с. 219, 220]. То же самое можно сказать и о рассматриваемых в следующем параграфе гражданских войнах, где персоналии представлены только в контексте их действий [20, с. 221—229].

Наконец, в третьем, предпоследнем, параграфе, озаглавленном «*Торжество абсолютной монархии во Франции*», появляются более развер-

нутые характеристики. Однако приходится признать, что, например, образ Генриха IV не стал более разносторонним, чем в предыдущих изданиях. Как и ранее, Генрих, осторожный и ловкий политик, талантливый дипломат и полководец, показан через призму его деятельности. Крестьянская же политика Генриха, в свое время развернуто описанная П. П. Щеголевым, в данном издании минимизирована и охарактеризована так: «Аграрная политика Генриха IV (некоторое снижение прямых налогов, запрещение продавать за долги скот и сельскохозяйственный инвентарь крестьян) проводилась в конечном счете в интересах дворянства, так как разорение крестьянского хозяйства в предыдущий период лишало его поступления ренты» [20, с. 230, 231].

Традиционно отдельное внимание уделено кардиналу Ришелье, причем А. Д. Люблинской удалось не только показать Ришелье как государственного деятеля, но и упомянуть о его происхождении, начале карьеры, а также дать характеристику как личности. Люблинская ведет речь о «незаурядном образовании», «чрезвычайном честолюбии», соединении «твердости в преследовании поставленных целей с политической гибкостью, переходящей в беспринципность». По мнению исследовательницы, Ришелье обладал «способностью к тонким наблюдениям и широким обобщениям в области политической мысли и практическими качествами опытного государственного деятеля», он был «защитником феодальных устоев французской монархии, но ему не было чуждо чутье нового и понимание необходимости приспособлять старые учреждения к требованиям времени во имя сохранения этих учреждений» [20, с. 232]. Разумеется, свою политику Ришелье строил «на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс», и целый подраздел как раз рассказывает о народных восстаниях 20—40-х гг. XVII в. [20, с. 233]. Несмотря на то что А. Д. Люблинская почему-то оставила в тени «Политическое завещание», созданный ею портрет Ришелье стал наиболее полным и выразительным в галерее описанных во «Всемирной истории» представителей правящей элиты Франции раннего Нового времени.

Сказанное тем более верно, что персоналии второй половины XVII — середины XVIII в., представленные в томе V, обрисованы в тексте достаточно скромно, в качестве фоновых фигур нарратива. Главы V и XXII, написанные докторами исторических наук Б. Ф. Поршневым и Ф. В. Потемкиным (1895—1973), ставили своей целью показать экономику и социальную структуру Франции, Фронду и народные восстания, а также кризис и неизбежность Великой французской революции.

Мазарини и Людовик XIV, Кольбер и Тюрго, Людовик XV, Людовик XVI и Мария-Антуанетта — любой из этих персонажей французской истории, несмотря на их неоднозначность, был представлен обширной французской библиографией. Однако это не относилось к советской исторической науке первых послевоенных десятилетий.

Мазарини, «прозорливый и энергичный государственный деятель», характеризуется только в контексте Фронды [21, с. 119, 120]. Личность Людовика XIV полностью растворилась в его правлении и мании величия [21, с. 122, 123]. Кольберу, сыну богатого купца, шаг за шагом поднимаемому по служебной лестнице и «преданному интересам абсолютистского строя», было уделено больше внимания по причине значимости его мероприятий [21, с. 123].

Франция второй половины XVIII в. показана с позиций предопределенности революции. Это был период «характеризовавшийся значительным экономическим подъемом, резким обострением классовой борьбы, развитием и распространением передовых, освободительных идей» [212, с. 540], в то время как «феодально-абсолютистские порядки стесняли развитие производительных сил» [21, с. 555].

Французская монархия характеризовалась как «насквозь прогнивший строй», начавший разрушаться еще в конце правления Людовика XIV [21, с. 539, 540]. По-другому быть и не могло, если во главе страны стояли такие монархи, как Людовик XV со своими фаворитками и известным «после нас хоть потоп», и Людовик XVI, «тупой, ленивый и безвольный человек», а «единственным мужчиной» в его семье была его жена Мария-Антуанетта, вдохновительница «реакционных мероприятий» [21, с. 553]. Неудивительно, что даже Тюрго, крупный государственный деятель и выдающийся экономист, не мог спасти ситуацию [21, с. 555].

Сейчас, когда проблематика Французской революции переосмыслена, конфликт производительных сил и производственных отношений, равно как и изначальная предопределенность революции, звучит архаически. Принципиально изменить характеристики двух последних Людовиков вряд ли возможно и сейчас, несмотря на огромное внимание к их личности, ведь, как показывает практика, при сильных правителях, имеющих четкую программу действий, революции не происходят.

Таким образом, проведенный историографический и дискурсивный анализ позволяет откорректировать ряд представлений, сложившихся вокруг трактовки персоналий французских монархов периода абсолютизма в советской историографии.

Отношение советских историков к французским монархам и их окружению раннего Нового времени было в значительной степени унаследовано от российской дореволюционной историографии. Это касалось как оценочного аспекта, так и круга рассматривавшихся лиц. В неприязни к абсолютной монархии были едины и либералы, и большевики. Другое дело, что советские историки оценивали указанных деятелей более жестко, обязательно подчеркивая эксплуататорскую и классовую сущность любой абсолютной монархии. При таком имманентно сдержанном и негативном отношении психологизации образов, равно как и биографических дополнений, не делалось. В то же время, что весьма важно, советским исследователям все же удалось избежать искажения образов и упрощения в трактовках. Даже сравнивая современные интерпретации образов французских правителей раннего Нового времени, необходимо признать, что кардинальных, принципиальных изменений в оценках не произошло. Несмотря на появление большого количества публикаций, содержащих анализ внутреннего мира, повседневной и личной жизни рассматриваемого круга лиц, неоспоримым осталось, например, величие Ришелье, в то время как ставшие известными ныне подробности частной жизни Людовика XVI не сделали его энергичным интеллектуалом.

Внимание к представителям правящей элиты стало проявляться после отказа от установок построенной на жестких социологических схемах «школы Покровского», в рамках которой личностный аспект практически игнорировался. При этом, несмотря на идеологическую заданность, советские историки все же находили возможность сказать то, что считали нужным, включая преподносимую информацию в требуемое идеологическое обрамление. Об этом свидетельствуют работы П. П. Щеголева, С. Д. Сказкина, А. Д. Люблинской.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ляховіч Л. У.* Ад класавага падыходу да псіхагісторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 9. С. 34–45.
2. *Чубарьян А. О.* Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. : Наука, 1989. Вып. I. С. 3–18.
3. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. : Наука, 1989. Вып. 2. С. 247–260.
4. *Сидорцов В. Н., Шутова О. М.* Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ // Методология исследований политического дискурса: актуальные пробле-

мы содержательного анализа общественно-политических текстов / Белорус. гос. ун-т. ; М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании. С. 37—48.

5. *Ухванова-Шмыгова И. Ф.* Дискурсные методики или контент-анализ? Выбор методики зависит от выбора методологии // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2007. Вып. 3. С. 140—150.

6. *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века. Тюмень : Мандр и К°, 2003.

7. *Преображенский В. Д.* История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков : Пролетар, 1931.

8. *Розенталь Н. Н.* История Европы в эпоху торгового капитализма. Л. : Прибой, 1927.

9. *Щеголев П. П.* Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв. : курс лекций / Ленингр. гос. ун-т. Л. : Соцэкгиз, 1938.

10. История средних веков : в 2 т. / под ред. проф. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. М. : Соцэкгиз, 1939. Т. 2.

11. *Люблинская А. Д.* Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв. // Вопр. истории. 1946. № 10. С. 112—117.

12. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета, 23 марта 1949 г. (публ.) // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / под ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2007. С. 253—341.

13. *Бирюкович В. В.* Народные восстания в Бордо и Гиени в 1635 г. // Ист. записки. 1938. Т. 2. С. 360—397.

14. *Бирюкович В. В.* Французские «финансисты» в политической борьбе 1622—1624 гг. // Ист. записки. 1938. Т. 3. С. 181—240.

15. *Бирюкович В. В.* Народные движения во Франции в 1624—1634 гг. // Тр. воен.-полит. ордена Ленина Акад. Красной Армии им. В. И. Ленина. 1940. № 4. С. 223—279.

16. *Поршнев Б. Ф.* Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 164—185.

17. *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции 20—40-х гг. XVII в. // Уч. записки Моск. обл. пед. ин-та. 1940. Т. 2. С. 3—99.

18. *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Cathedra medii aevi: материалы к истории ленинградской средневековедения 1930—1950-х годов. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2008.

19. *Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н.* Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания Первой мировой войны. Л. : Учпедгиз, 1957.

20. Всемирная история : в 10 т. / Акад. наук СССР ; М. И. Смирин (отв. ред.) [и др.]. М. : Соцэкгиз, 1955—1965. Т. IV. 1958.

21. Всемирная история : в 10 т. / Акад. наук СССР ; Я. Я. Зутис (отв. ред.) [и др.]. М. : Соцэкгиз, 1955—1965. Т. V. 1958.

Ю. И. ЛИТВИНОВСКАЯ

**ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ П. И. БАГРАТИОНА
С КОРПУСНЫМИ И ОТРЯДНЫМИ
НАЧАЛЬНИКАМИ ВО ВРЕМЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
2-й ЗАПАДНОЙ АРМИИ В БЕЛАРУСИ ЛЕТОМ 1812 г.
ПО ДОКУМЕНТАМ, СОБРАННЫМ
И ОПУБЛИКОВАННЫМ П. И. ЩУКИНЫМ**

Рассматриваются действия 2-й Западной армии, которая под руководством главнокомандующего князя П. И. Багратиона, отступая через Беларусь, смогла избежать крупных столкновений с противником и соединилась с главной армией, полностью сохранив свои силы для предстоящих сражений. Анализируется переписка генерала Багратиона с подчиненными, характеризующая его как талантливого полководца, способного принимать правильные решения в сложных условиях войны.

The article discusses how as a result of skillful actions of the commander-in-chief of the Prince P. I. Bagration, the 2nd army retreating through Belarus was able to avoid major clashes with the enemy and joined with the main army fully preserving their strength for the upcoming battles. Analyzes the correspondence of General Bagration with his subordinates, describing him as a talented commander is able to make the right decisions in the most difficult conditions of war.

Ключевые слова: Наполеон; Багратион; армия; сражение; полководец; генерал; империя; войска; Беларусь; неприятель; русские; французы, кавалерия, инфантерия.

Keywords: Napoleon; Bagration; army; battle; commander; General; Empire; troops; Belarus; the enemy; the Russians; the French; cavalry; infantry.

В течение десяти лет (1899—1908) известный российский предприниматель, коллекционер и меценат П. И. Щукин издал десять томов разнообразных документов и материалов, объединенных тематикой

Літвіноўская Юлія Іванаўна — дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук. E-mail: litwinowski@yandex.by

---

1812 г. Они касаются различного рода событий — военных, хозяйственных, бытовых, происходивших в этот важный для России период в жизни как государства, так и его отдельных граждан.

«Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным», содержат большое количество документов, касающихся переписки главнокомандующего 2-й Западной армией князя П. И. Багратиона с широким кругом лиц — командующим Дунайской армией адмиралом П. В. Чичаговым, который впоследствии, в сентябре 1812 г., возглавил 3-ю армию, генералом А. П. Тормасовым, председателем Военного департамента Государственного совета А. А. Аракчевым, корпусными и отрядными начальниками. Последняя группа документов имеет особенно важное значение, так как отражает реальную ситуацию применительно к конкретному времени.

В конце 1810 г., с введением в России нового таможенного тарифа, резко повышавшего пошлины на все ввозимые в страну товары, отношения между Петербургом и Парижем окончательно расстроились. Александр I все в большей степени склонялся к идее превентивной войны с Наполеоном. Первоначально определенные надежды в этом вопросе возлагались на сотрудничество с Пруссией. 5(17) октября 1811 г. даже была заключена военная конвенция. Но дальше деклараций дело не двинулось. Вскоре после подписания договора с Пруссией Александр I отдал распоряжение о подготовке к походу всех русских войск, находившихся у западных рубежей империи. В марте 1812 г. были сформированы три Западные армии: 1-я (около 120 тыс. человек), ее возглавил военный министр, генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли; 2-я (около 49 тыс. человек), главнокомандующим которой стал генерал от инфантерии князь П. И. Багратион, и 3-я Обсервационная (около 44 тыс. человек) во главе с генералом от кавалерии А. П. Тормасовым [1, с. 73].

Первая армия располагалась в Литве и западных районах Беларуси, 2-я — на Волыни, в районе Луцка, 3-я — в районе Житомира. В мае началась передислокация войск ближе к западной границе России. Армия Багратиона расположилась в районе Волковиска, вблизи левого фланга 1-й армии. Обсервационная армия Тормасова передвинулась к Луцку. Так, из записки, направленной командиру одного из корпусов И. М. Эссену 15(27) мая 1812 г., видно, что 2-я Западная армия находится на марше, двигаясь из Волыни двумя колоннами по Ковельской и Козловской дорогах в общем направлении на Пружаны, рассчитывая прибыть к местам назначения 4(16) июня [2, с. 268].

Главкомандующий 2-й армией князь Петр Иванович Багратион был одним из лучших военачальников России. Отпрыск царской династии Багратидов в Грузии, любимый ученик и сподвижник А. В. Суворова, он не имел себе равных в российской армии как тактик, мастер атаки и маневра. Наполеон после войн с Россией 1805—1807 гг. заключил, что из русских полководцев «лучше всех Багратион» [6, с. 200].

В начале лета 1812 г. обстановка на западных границах России осложнялась буквально каждодневно. Нельзя было исключать возможности непреднамеренного столкновения продвигавшихся к местам своего нового месторасположения частей 2-й армии с потенциальным противником. Багратион предупреждает об этом командующего 6-м корпусом генерала П. М. Капцевича: «Обращая бдительное внимание ваше на движении противостоящих нам войск... стараясь между тем держать себя с корпусом вам вверенным в таком положении, чтобы всегда быть готову принять неприятеля и не подвергнуться нечаянному нападению... вверенные вам войска должны так себя вести, дабы никто не мог считать начала неприязненности с нашей стороны, и не подавать тем повода к неприязненным действиям — но если бы неприятель учинил нападение, прежде нежели успеете дать знать мне, чего я не ожидаю, то должны будете встретить его силою оружия» [2, с. 269].

Чрезвычайную значимость накануне войны имело получение как можно большего количества сведений о будущем противнике. Давая наставления в этом плане шефу Ахтырского гусарского полка генералу И. В. Васильчикову, чей полк размещался в городе Бельске, вблизи границы, Петр Иванович писал ему 3(15) июля: «С прибытием вашим на вновь назначенные квартиры... куда вы распорядясь о переходе полка, имеете отправиться вперед, чтобы там найти еще генерал майора графа Палена, от него получить извольте сведение о тех людях, которых он намерен был употребить для разведываний заграничных...

Посылаемым поставьте в виду узнавать число войск, под чьим начальством состоят, где именно какие полки находятся, какие именно войска, поляки, баварцы, французы, или какие другие; какое их направление и другого ходу сведения могущие удовлетворить настоящим надобностям нашим» [2, с. 270].

С 6(18) июня главная квартира 2-й армии располагается в Волковыске. Главкомандующий предпринимает энергичные усилия к тому, чтобы держать войска в состоянии повышенной боеготовности. «Всем полкам вверенный вам корпус составляющим, — пишет он командиру

6-го корпуса, — прикажите быть всякую минуту в готовности отразить неприятеля; и корпус весь держать в таком положении, чтобы всегда готов был действовать, получив повеление» [2, с. 271].

По мере приближения времени французского вторжения расширился и круг задач, ответственность за решение которых возлагалась на армейских командиров. О них писал П. И. Багратион 10(22) июня в секретном распоряжении новому начальнику 6-го корпуса генералу от инфантерии Д. С. Дохтурову: «На пространстве, занимаемом корпусом под начальством Вашим состоящим, старайтесь благовременнее узнать о земских чиновниках, кои хотя малое понятие могут дать о земле; и в случае отступления, ежели оно будет признано необходимым, и вы получите о том повеление, увезите таковых с собою, для того, чтобы неприятель затруднен был в своих распоряжениях при необходимостях — взять с земли реквизицию, не найдя людей могущих удовлетворить его намерения. Узнайте, где имеются архивы, и из всех соберите в то же время списки ревизские, инвентари, статистические и другого рода сведения, кои каким либо образом могут служить неприятелю к соображению для налогов и реквизиций, и при отступлении увезите все сии с собою. Обязаны вы будете благовременно знать, где именно в пространстве корпуса вами командуемого есть и какого рода продовольствие, дабы при отступлении не оставить неприятелю ни малейших способов к продовольствию, ниже к транспортированию его запасов: для чего и должно будет благовременно иметь сведение о волах и лошадях крестьянских, фурманских, помещичьих и прочих состояний, дабы пред отступлением собрав их и нагрузив казенным и частным запасом, отправить вперед на пункты, к коим отступление определится; а остальное при самом отступлении истребить, не подвергая отнюдь грабежу прочаго жителей имущества противузаконным насилием» [2, с. 272].

Из переписки П. И. Багратиона видно, что 2-я Западная армия, располагавшаяся в западных районах Беларуси (штаб армии находился в г. Волковыске), состояла из трех пехотных корпусов — 6-го, 7-го и 8-го, которые возглавляли соответственно генералы Д. С. Дохтуров, Н. Н. Раевский и М. М. Бороздин, 4-го кавалерийского корпуса во главе с генералом К. К. Сиверсом, Ахтырского гусарского полка, подчиненного генералу И. В. Васильчикову, и отряда иррегулярных войск (казаки), начальником которого был генерал А. В. Иловыйский 5-й [2, с. 273].

Переписка князя П. И. Багратиона первых дней войны касалась порядка отступления войск, с тем чтобы избежать разрозненных столкно-

вений с противником и поражения, направления и темпов отступления, организации отдыха и мест переправ. «Из маршрутов приложенных вами при рапорте, усматривая, что данное вам направление будет медленно... предписываю вам, — пишет Багратион генералу графу П. П. Палену утром 15(27) июня, — удвоить ваши марши для скорейшего соединения с 6-м корпусом, сохраняя при том всю осторожность, чтобы не найти на неприятельские силы, и не быть отрезанным» [2, с. 274]. В распоряжении от 19 июня (1 июля) он указывает командиру 2-й дивизии кирасир генералу Г. М. Кнорингу на то, «чтобы ваше пре-во сколько возможно были осторожны, и чтобы стянули по удобству дивизию в одно место, не лишаясь впрочем и выгод к продовольствию и взаимных пособий в случае неожиданного нападения неприятеля» [2, с. 275].

«Нахожу нужным, — сообщает П. И. Багратион 20 июня (2 июля) командиру 4-го кавалерийского корпуса генералу Сиверсу, — чтобы вы расположились в Делятиче и Николаеве, откуда имеете посылать разъезды, по дорогам через Ивье на Вильну и на Ольшаны, и через Бакшты на Воложин. Эскадрон поставить в Ивье, а другой в Бакшты, откуда они обязаны делать разъезды по всем дорогам верст за пятнадцать, с самую строжайшею осторожностью... За отделением людей, которые будут делать вышесказанные разъезды, всех остальных без изъятия от полков Черниговского и Новороссийского, извольте употребить в работы по деланию мостов. Матушинский (подполковник Матушинский — начальник саперной службы армии: “директор путей сообщения”. — Ю. Л.) будет иметь нужды в канатах разного сорта. Употребите все меры, чтобы отыскать оных у побережных жителей Немана. Поелику река сия имеет судоходство, то думаю, что в отыскании оного вы не затруднитесь, сколько нужно, чтобы вы употребили все ваши старания» [2, с. 276].

В целом переправа нужных воинских подразделений в условиях отступления через водные преграды всегда являлась предметом особого внимания и заботы военачальников. Ее нужно было провести, с одной стороны, в максимально удобном месте, а с другой, в полной секретности от противника и в условиях максимально возможной безопасности. «Завтра, — пишет Багратион 21 июня (3 июля) начальнику иррегулярных войск своей армии генералу А. В. Иловайскому, — я оставляю Новогрудок и буду переправлять войска через Нарев у местечка Николаева. Ваше превосходительство сию минуту отправьте из Дворец прямо к Белице один полк казачий, который должен прибыть туда 22 числа к 10 часам утра, и сменив эскадрон Харьковских драгун оставаться там

для надзору за движениями неприятеля, делая те же разъезды, которые были деланы от помянутого эскадрона. 23 числа он должен истребить переправы и следовать прямейшим трактом в соединение с вами к Николаеву» [2, с. 276, 277].

В обязанности главнокомандующего входило также обеспечение вывоза с территории, которая оставлялась армией, различного наиболее ценного имущества, текущей документации, архивов, продовольствия и т. д. «С прибытием вашим в Слоним, — приказывает Багратион генералу Иловайскому 5-му, — в обязанности себе непременно поставить извольте В. П., чтобы до отбытия отсель вашего, все казенные принадлежности и дела присутственных мест и Комитета повинностей вместе с чиновниками, о которых получите от исправника подробный список, отправлены были через Несвиж в Минск.

...Старайтесь из казенного магазина все забрать на подводы и увезти с собою, а затем остальное истребить. Следуя по тракту отсель в соединение со мною, забирайте почтовые станции со всею их принадлежностью; и таким образом переправя все за Щару, прикажите своему арьергарду истребить за собою мосты и переправы по сей реке» [2, с. 275, 276].

В начальный период войны 45-тысячная армия Багратиона оказалась в чрезвычайно сложном положении. На нее со всех сторон сходились французские дивизии общей численностью 110 тыс. человек. Главной ударной силой был 55-тысячный корпус генерала Жерома Бонапарта, брата Наполеона, вестфальского короля. Но, как писал известный английский исследователь наполеоновских войн Дэвид Чандлер, «...оптимистические прогнозы французов оказались преждевременными. Багратион не только выскользнул из этой сети, но еще и показал всем нерасторопность французов и их союзников» [7, с. 474].

Виной всему была неторопливость и нераспорядительность генерала Ж. Бонапарта. Это вызвало неподдельный гнев Наполеона: «Скажите ему, — говорил он, — что хуже выполнить маневр уже невозможно... что он загубил всю мою операцию и упустил наилучшую возможность, когда-либо предоставлявшуюся на войне, — и все из-за его замечательной неспособности понять хотя бы азы военного искусства» [7, с. 474].

В наиболее сложных ситуациях П. И. Багратион определял даже порядок отступления отдельных подразделений своей армии. «...Извольте ваше превосходительство, — писал он, находясь в местечке Мир 25 июня (7 июля) командиру 8-го корпуса генералу М. М. Бороздину, — с вверенным вам корпусом выступить до Несвижа в следующем порядке.

Авангард ваш составят полки драгунские, Черниговский, Харьковский и Новороссийский под командою генерал-майора графа Сиверса. Арьергард армии под командою генерал-майора графа Воронцова, будет прикрывать марш армии в 5 верстах от корпуса вами командуемого с казачьим полком генерал-майора Карпова» [2, с. 288].

Генерал-майор И. С. Дорохов командовал арьергардом 4-го пехотного корпуса. При отступлении он был отрезан от главных сил. Но ему удалось вывести свой отряд из окружения. 24 июня (6 июля) Дорохов докладывал командующему, что его подразделение было атаковано превосходящими (около четырех пехотных полков) силами противника. «Я употребил все возможные средства к удержанию его; но превосходство сил его отняло у меня все способы», — доносил генерал Дорохов. Он принял решение отступить в направлении местечка Койданово. Получив донесение, Багратион решает направить отступающее подразделение по другому пути с тем, чтобы оно могло соединиться с основными силами армии: «...спешу вам предписать, чтобы... ретировались на Новосвержен, где вас подкрепит мой авангард, и где я буду на ночлег сего же дня. По дороге из Минска на Новосвержен должны вы соединиться с бригадою 27-й дивизии, под командою полковника Княжнина. Постарайтесь получить об нем сведение и меня уведомить» [2, с. 288].

Впоследствии, 12(24) июля, генерал Дорохов в рапорте на имя главнокомандующего 2-й Западной армией подробно изложил весь свой трудный переход для соединения с главными силами армии. Находясь в полной изоляции, его арьергард с боями продвигался по тылам противника. «Был преследуем неприятелем, идущим за мною с Новых Трок, — писал генерал, — и встречая онаго на всех дорогах идущих от Вильно до Лиды, до Трок, до Ольшан, до Ошмян и до Сморгоня, и те части кои бессильны были я их отражая проходил, но от превосходных сил принужден был уклоняться...» [2, с. 294]. Арьергард Дорохова «шел по таким дорогам по коим во время зимы только ездят, то есть почти по непроходимым лесам и болотам...» [2, с. 295]. В этом же рапорте генерал просит главнокомандующего поддержать его представление «...на внимание монаршее... офицеров отличивших себя как храбростью, точным выполнением моих повелений, равным образом при столь трудных и препятственных от неприятеля маршах, сохранением порядка и дисциплины во вверенных им частях» [2, с. 295].

Дорохов отмечает шефа 18-го егерского полка генерал-майора Алексополя, командира 1-го егерского полка полковника Карпенкова и ко-

мандира Изюмского гусарского полка подполковника графа Долона. Особой похвалы генерала И. С. Дорохова удостоилось подразделение майора Розенбаума, в которое входили ротмистры Гундерштруб, Добачевский и Рашанович. «Сии офицеры под командою майора Розенбаума, — отмечал Дорохов, — при преследовании меня сильным неприятелем в местечко Камень отличали себя необыкновенным мужеством и устройством вверенных им частей, и действительно каждый шаг уступали омыв кровью неприятеля и на всяком шагу по причине лесистых мест были окружаемы тиральерами (легкие войска. — *Ю. Л.*), отражали мужественно неприятельскую кавалерию коя наконец не смела уже отделиться от своей пехоты» [2, с. 295].

К началу июля 1812 г. 2-я Западная армия в процессе своего отступления на восток подошла к Бобруйску. Здесь в 1810—1812 гг. осуществлялись масштабные работы по сооружению мощной крепости. Ее строительство было признано необходимым в связи с осложнением отношений с Францией и возросшей опасностью начала войны. К 1812 г. строительство было почти завершено. В начале войны с Наполеоном здесь было около 330 орудий и гарнизон из более 4 тыс. человек. Начальником гарнизона цитадели был генерал Г. А. Игнатъев [4, с. 98, 103]. Он поддерживал постоянную связь с командованием 2-й армии. С приближением армии к крепости генерал Игнатъев выслал навстречу войскам обозы с продуктами и фуражом и более 600 подвод для эвакуации больных и раненых. 6—8 (18—20) июля бойцы Багратиона отдыхали в крепости после длительных переходов. Оставляя крепость, князь взял с собой шесть наиболее боеспособных батальонов. В цитадели же осталось почти полторы тысячи больных и раненых солдат 2-й армии [4, с. 104].

«Рапорт ваш получил, — писал П. И. Багратион Игнатъеву из Слуцка 2(14) июля. — Сим посланным рекомендую вашему прев-ву посылать сильные партии (военные отряды. — *Ю. Л.*) в Остров, Кобылянки и Ореховку; равно все меры употребить, не переходит ли неприятель между Свислочем и Березиною. Все сии пункты тот час открыть через партии или через земских комиссаров, или через верных нам людей, и обо всем мне чаще доносить» [2, с. 289].

8(20) июля войска маршала Даву подошли к Могилеву. В распоряжении могилевского губернатора Д. А. Толстого, который пытался до подхода войск П. И. Багратиона организовать оборону города, был только небольшой отряд полковника А. И. Грессера, насчитывавший около 400 человек, и батальон внутренней стражи численностью около 300 че-

люек [5, с. 92]. Находясь в Бобруйске, Багратион 7(19) июля отправил к Могилеву 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского и часть сил 4-го кавалерийского корпуса генерала К. К. Сиверса [5, с. 93].

Было чрезвычайно важно до их прибытия задержать противника тем небольшим количеством войск, которые имелись в Могилеве. «Если вас предписание мое застанет в Могилеве, — писал Петр Иванович полковнику Грессеру 5(17) июля, — то предписываю вам остановиться при оном; если же вы и вышли, то немедленно извольте возвратиться — заняв место, которое бы в состоянии было возбранять неприятелю распространение своих полков извольте защищаться с храбростию российскому войску прилично. К вам придут в соединение 664 человека рекрут следующих в Бобруйск. Приняв их в свое ведение, если они не имеют достаточного вооружения, то с посредством Г. гражданского губернатора старайтесь их вооружить и употребить также с пользою на отражение неприятеля. Вы скоро получите летучий корпус, а вслед затем и я не замедлю прибыть» [2, с. 290—292].

В тот же день начальнику рекрутской партии, препровождавшему новобранцев в Бобруйск, последовало распоряжение Багратиона вернуть всю группу в Могилев для защиты города: «Предписываю вам, где вас застанет сие мое повеление, немедленно извольте возвратиться от толь и следовать в Могилев — в Могилеве вы имеете явиться к полковнику Грессеру и состоять под его командою непосредственно впредь до моего повеления» [2, с. 291].

На юге Беларуси, в районе города Мозырь, во время войны с Наполеоном располагался 2-й резервный корпус численностью около 9 тыс. человек, которым командовал генерал-лейтенант Д. Ф. Эртель. Приказом военного министра М. Б. Барклая де Толли от 1(13) июля 1812 г. он был подчинен командующему 2-й армией [2, с. 290]. Однако в результате того, что войска князя Багратиона стремились соединиться с 1-й армией и отступали в глубь страны, тесного взаимодействия с корпусом генерала Эртеля налажено не было. Учитывая создавшуюся ситуацию, П. И. Багратион 6(18) июля принимает решение, из которого вытекали задачи для 2-го корпуса: «За нужное почитаю предуведомить вас, — писал он временно замещающему командиру корпуса генералу А. В. Запольскому, — что как я со вверенною мне армиею имею ныне направление к соединению с первою армиею, и следовательно удаляюсь от пункта вами занимаемого, то легко быть может, что по мере отдаления моего и с приближением к сему пункту неприятеля, всякое между мною и

вами сообщение может быть пресечено. И для того предписываю Вашему Пре-ву защищать Мозырь, яко важнейший в нынешнее время пункт, который служит прикрытием отступления к Киеву 3-й резервной армии. Во всяком потребном случае руководствуйтесь предписаниями главнокомандующего тою армиею, генерала от кавалерии Торماسова, к коему я о сем ныне же отношусь» [2, с. 293]. Этим же распоряжением Багратион приказывает командиру корпуса «отправить прямейшим трактом в Бобруйскую крепость из числа состоящих под командою вашею сто человек казаков, коим и быть под непосредственным начальством артиллерии генерал-майора Игнатьева» [2, с. 292].

Казаки должны были нести патрульную службу, следить за перемещением неприятельских войск. В общей сложности для укрепления крепостного гарнизона генерал Эртель отправил четыре сотни казаков. Крепость на Березине являлась важным военно-политическим фактором на оккупированной территории Беларуси. В блокаде она находилась четыре месяца — с 10(22) июля по 10(22) ноября 1812 г. Небольшой гарнизон крепости осаждали силы целого корпуса (12 500 человек) под командованием генерала Домбровского. Однако предпринять штурм крепостных сооружений польский корпус Наполеона не решился [3, с. 104].

Отступление 2-й Западной армии к Днепру прикрывал ее арьергард, состоявший из четырех драгунских, егерских и казачьих полков. Его возглавил генерал-майор Карпов. В распоряжении, отправленном генералу 6(18) июля, Багратион писал: «... удерживая стремление неприятеля, не вдавайтесь в дела, которые бы не были верны. По пути вашего следования, оставшихся усталых и другого рода людей вредных службе, ежели оные могут быть открыты присоединяйте к себе, а ослушных наказывайте лишением живота. Обозы и все то, что принадлежит армии, старайтесь пустить вперед себя — если бы неприятель осмелился сделать нападение, то ограждая его, имейте целью ваше следование и время потребное для переправы армии и ее обозов» [2, с. 291, 292].

На необходимость поиска отбившихся от своих частей солдат, возвращения их в строй указывается также в распоряжении командующего армией шефу Харьковского драгунского полка полковнику Юзефовичу, входившему в состав возглавляемого генералом Карповым арьергарда: «Г. Карпов имеет мое повеление о надзоре за бродягами, коих бы присоединял к себе, вам... поручаю так же иметь строжайшее смотрение и отыскивая таковых присоединять к себе дабы за вами уже ничего не оставалось к армии принадлежащего» [2, с. 292].

Характеризуя движение 2-й армии на восток, следует иметь в виду, что оно проходило в условиях непрерывного натиска со стороны противника. Решение задачи разбить войска Багратиона и не допустить соединения двух русских армий Наполеон поручил одному из лучших своих маршалов Л. Н. Даву. В помощь ему придавались корпуса, руководимые младшим братом Наполеона Жеромом Бонапартом, королем Вестфалии, но бездарным генералом, и Ю. Понятовским. Но Жером был недоволен тем, что оказался под началом маршала Даву, и не исполнил приказа Наполеона и даже, как пишет об этом в своих мемуарах обер-шталмейстер императорского двора А.-О. де Коленкур, не уведомил о полученном приказе Понятовского. В результате у французского маршала не хватило сил разгромить армию Багратиона, он смог лишь по итогам сражения под Солтановкой не пропустить ее через Могилев на соединение с силами М. Б. Баркляя де Толли и принудить переменить направление своего движения. То, что французским военачальникам не удалось воспрепятствовать объединению русских армий, по мнению Коленкура, имело самые печальные последствия для всех замыслов Наполеона.

«Когда подумаешь, — писал он, — о том значении, которое имел бы для всего хода дел разгром корпуса Багратиона в самом начале кампании благодаря первому же маневру императора и прекрасным распоряжениям маршала, то нельзя не почувствовать горечь при виде того, как великому полководцу изменили его близкие еще до того, как ему изменила судьба» [3, с. 134].

Невозможность прорыва 2-й Западной армии через Могилев для соединения с главными силами русской армии, которые вел М. Б. Барклай де Толли, сложившаяся в результате неудачи, постигшей 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского в сражении под Солтановкой 9—11 (21—23) июля, заставила П. И. Багратиона искать новое место для переправы через Днепр. Наиболее подходящим для этого был район местечка Ново-Быхов. 12(24) июля командир 2-й дивизии кирасир генерал-майор Кноринг 3-й докладывал главнокомандующему: «Во исполнение повеления вашего сиятельства с высочайше вверенною мне дивизиєю и конно-артиллерийскою ротою № 10 в местечко Новый Быхов прибыл и по осмотре в оном через реку Днепр переправ нашел, что мост еще не окончен, а броды хотя и есть, но за глубокостию не могут быть способны, и я между тем дабы не терять времени начал переправлять нужнейшие обозы на пароммах, из коих с казною и разными бума-

гами с надлежащим конвоем уже переправлены, мост же окончен будет к десяти часам вечера...» [2, с. 196].

В тот же день главные силы 2-й Западной армии переправились через Днепр в районе Ново-Быхова и через Мстиславль двинулись на Смоленск. 22 июля (3 августа) 1-я и 2-я армии соединились [1, с. 74].

Документы, собранные известным русским меценатом П. И. Щукиным, отличаются большим разнообразием. Но их всех объединяет проблематика 1812 г. Что же касается тех из них, которые рассмотрены в настоящей статье, то они охватывают весьма ограниченный временной период — лето 1812 г. В это время возглавляемая генералом П. И. Багратионом 2-я Западная армия, стремясь избежать столкновения с превосходящими силами противника, отступала через Беларусь в глубинные районы России. Преследовалась цель соединиться с главными силами русских войск, сосредоточенных в 1-й Западной армии, для совместного участия в решающей битве. Представленные документы дают возможность показать характер взаимоотношений командующего с подчиненными военачальниками. В стиле и содержании приказов и распоряжений Багратиона просматривается сложность той ситуации, в которой оказались войска на начальном этапе войны, а также особенности его полководческого искусства. П. И. Багратион предстает перед нами как волевой и решительный человек, военачальник, за плечами которого опыт трех десятилетий военной службы. Именно он дал возможность генералу решить столь трудную задачу, которая предстала перед ним летом 1812 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Антоняў В. В.* Айчынная вайна 1812 г. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* : у 6 т. Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. Т. 1. С. 73—78.
2. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным : в 10 ч. М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1904. Ч. 8.
3. *Коленкур А.-О. де.* Русская кампания 1812 года. Смоленск : Русич, 2004.
4. *Ненадавец А.* Крэпасць на Бярэзіне // *Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Бабруйска.* Мінск : Выш. шк., 1995. С. 98—111.
5. *Сідарэнка Б. І.* У складзе Расійскай імперыі // *Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Магілёва.* Мінск : БелЭн, 1998. С. 91—95.
6. *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М. : Высш. шк., 1994.
7. *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. : Центрполиграф, 2001.

Э. Л. МАЛИНОВСКАЯ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ В 1920—30-х гг.

Рассматриваются исследовательские подходы современных белорусских историков к феномену формирования советской модели белорусской интеллигенции.

In the article the research approaches of modern Belarusian historians to the phenomenon of the formation of the Soviet model of the intelligentsia are analysed.

Ключевые слова: интеллигенция; исследование проблемы; белорусская историография.

Keywords: intellectuals; research of a problem; Belarusian historiography.

На начало 90-х гг. XX в. — первое десятилетие XXI в. приходится новый этап в изучении истории 1920—30-х гг. в целом и проблем формирования интеллигенции и ее взаимоотношений с властью в частности. В условиях общей либерализации переход от моноконцептуальной марксистско-ленинской методологии к поликонцептуальности в изучении исторических явлений стимулировал как количественный, так и качественный рост исследований. Белорусский ученый В. П. Вирская отмечала, что новые методологические установки, позволяющие изучать проблему интеллигенции более детально и всесторонне, сложились в зарубежной историографии начиная с 1960-х гг. Акцент делался на истории ментальности, повседневности, психологии и междисциплинарном, комплексном подходе [1, с. 38]. Получил распространение компаративистский подход. В Беларуси эти направления актуализировались в силу социально-политических реалий только в начале 90-х гг.

XX в. — первого десятилетия XXI в. и вызвали модификацию проблемного поля исследований формирования советской интеллигенции 1920—30-х гг.

Так, на основе новых подходов современные исследования белорусского национального вопроса, белорусизации, коренизации, культурной революции, системы образования непосредственно отражали проблему формирования советской модели интеллигенции, обнаруживая конструктивные и деконструктивные аспекты самих этих явлений в результате недостаточной репрезентативности интеллигенции как ключевого действующего социального агента.

В исследованиях вопроса национального строительства в Беларуси, испытывающих влияние зарубежных теорий наций Э. Гелнера, М. Гроха и др., констатировались определенные позитивные тенденции построения советского варианта белорускости. Для белорусской среды, где долгое время доминировал концепт «тутэйшыя» в политическом смысле, закреплялся концепт «белорусы». П. В. Терешкович и И. В. Чаквин, опираясь на компаративистский подход, отмечали, что расширение сфер использования белорусского языка, значительное распространение культуры, становление системы образования и СМИ создали условия для завершения процесса формирования национальной идентичности. «И хотя содержание национального самосознания было существенно деформировано воздействием коммунистической идеологии, его усвоение содействовало закреплению единой формы этнического названия “белорусы”, которая почти целиком вытеснила локальные региональные и конфессиональные названия» [2, с. 476].

Научные исследования М. И. Старовойтова в рамках компаративистского подхода затрагивают проблемы формирования интеллигенции, ее количественные показатели в белорусско-российско-украинском этнокультурном регионе в 1920—30-х гг. [3]. С развертыванием индустриализации и культурного строительства руководство страны стало уделять большое внимание подготовке высококвалифицированных кадров. Это способствовало росту численности интеллигенции советского образца, которая была многонациональной. Среди интеллигенции белорусской территории удельный вес титульного этноса был ниже, чем украинского, нетитульные (евреи, русские, поляки и т. д.) этносы имели более высокий уровень образования и были шире представлены в общей массе. Это связано с наличием национальных кадров и более ранним началом украинизации, которая способствовала их подготовке [4, с. 100].

Проблематика национального строительства отражена в работах С. Богдана, Ю. А. Борисенка [5], Э. С. Дубинецкого [6; 7] и др. Так, исследователь С. Богдан, рассматривая национальную политику большевиков в Беларуси, выделял конструктивные позиции. Действия большевиков, как организующие, так и дезорганизующие, «оборачивались фактически действиями в поддержку той же независимости, только в советском варианте» [8, с. 102]. На момент краха царского правления в России, несмотря на культурно-просветительское движение белорусских интеллектуалов, белорусское движение не смогло своевременно выдвинуть политическую программу, которая имела бы шансы на успех в мобилизации населения края в поддержку своего курса. С. Богдан констатировал определенную незрелость интеллигенции и невыполнение ею генерирующей функции, направленной на консолидацию общества в едином геоисторическом пространстве. Исходя из этого в рамках общесоюзной политики коренизации и масштабной белорусизации шел процесс укоренения советской идентичности как раз через механизмы, связанные с созданием новой советской интеллигенции в частности и белорусской нации в целом.

Позиция исследователя Ю. А. Борисенка в отношении недостаточной репрезентативности национальной интеллигенции схожа с позицией С. Богдана. Ю. А. Борисенок, рассматривая белорусизацию, не разделяет сложившиеся в историографии две точки зрения на данную проблему как на конкретное воплощение национальной политики компартии и Советского государства и как на национальную интеллигенцию, инициировавшую политику белорусизации. Это был геополитический эксперимент части советского руководства, а «самостийные течения» становились объектом политической игры на пограничье с Польшей [9, с. 80]. Эксперимент был направлен на быстрое и целенаправленное изменение этнической картины территории или большого города. Оперативная трансформация белорусской этнической реальности стала пробным вариантом этой стратегии. Таким образом, недостаточность потенции национальной интеллигенции и ее национального проекта расширяла возможности формирования новой белорусской интеллигенции именно советского толка. Проект белорусизации, «несмотря на всю противоречивость, достиг главной цели — создание республиканской элиты, всем обязанной и преданной новой власти, при этом владеющей местной ситуацией и языком» [9, с. 82]. Тактический ход Сталина, принесший результат на главном направлении — нейтра-

лизации и подавлении польского влияния, — имел побочный итог стратегического значения — сохранение и развитие белорусского этнического и языкового идентификационного начала в XX в. [10].

В 1920-е гг. в Беларуси платформой для формирования новой интеллигенции с советскими идентификационными кодами выступало становление национальной системы образования и политика белорусизации. Это отражено в работах Е. Г. Андреевой, Т. И. Баталко, А. Ю. Бендина, А. Великого, А. Л. Дедикина, И. В. Каледы, К. Р. Карпекина, Л. М. Лыча, С. Ю. Сухоцкой, Р. П. Платонова, О. А. Яновского и др.

Так, Л. М. Лыч, апеллируя к В. И. Пичете, «определил, что главной опорой Возрождения может и должна стать интеллигенция, как наиболее образованный и национально самоосознанный слой белорусского народа. И в целом она охотно откликнулась... активно включилась в изучение и пропаганду родного духовного наследия с тем, чтобы все лучшее из нее поставить на службу сильно запоздалому национально-культурному возрождению белорусов» [11]. А. Великий констатировал, что в начале 1920-х гг. белорусизация имела общественно-инициативный характер, а не государственный, в этом он выразил согласие с Л. М. Лычом. Белорусизация могла стать программой, конкурирующей с принципами советизации общества, в том числе и интеллигенции как одного из основных действующих агентов. «Советское руководство, однако, не могло допустить такое положение, и обеспечило “пролетарскую линию” и контроль» [12, с. 51]. Это способствовало построению советской идеологической модели.

Е. Г. Андреева, рассматривая белорусизацию, осуществляемую в вузах 1920—30-х гг., отметила, что в национальном возрождении главную роль играет образование, с необходимой поддержкой государства, которую автор оценила положительно, указывая на некоторые недочеты [13, с. 142]. Исследовательница привела статистические данные о проведении белорусизации в вузах БССР, показала разобщенность самой интеллигенции, ее нападки на своих же членов сообщества, что впоследствии повлияло на ход репрессий, отметила старания педагогической интеллигенции в области внедрения белорусизации в вузах. Однако в высшей школе этот процесс шел значительно хуже, чем в общеобразовательных учреждениях, из-за низкого процента педагогов-белорусов, студентов-белорусов, которые могли бы передавать национальную идею. При этом профессорско-преподавательский состав природоведческих, физико-математических дисциплин по сравнению с гуманитарным профилем

более активно включался в белорусизацию в силу большей идеологизированности этой части педагогической интеллигенции [13, с. 144]. Пассивность и разобщенность интеллигенции отмечал исследователь Л. М. Лыч: «...русифицированная часть работников советских учреждений, как и следовало ожидать, на расширение масштабов белорусизации в республике реагировала усилением великодержавных настроений в своем окружении. Подобное же наблюдалось и среди некоторой части еврейской и польской интеллигенции» [11]. Автором была отмечена неготовность к белорусизации в целом, так как обнаруживалось недостаточное количество национально ориентированных, профессионально подготовленных людей, способных осуществлять мероприятия, направленные на успешное проведение политики белорусизации. Однако Л. М. Лыч не оспаривал влияние и активность белорусской национальной интеллигенции.

В исследовании механизмов белорусизации как фундамента для формирования интеллигенции и ее идентичности Т. И. Баталко показывала роль Народного комиссариата просвещения, созданного в декабре 1920 г. Автор отмечала недостаточную социальную мобильность населения, отличительной чертой которого считала многонациональный состав, способствующий дифференциации, низкому уровню национального самосознания. Это явилось объективной причиной трудностей при осуществлении политики белорусизации и способствовало выдвиганию и воспитанию высокоспециализированных кадров из числа не только коренного белорусского населения, но и представителей других национальностей, которые хорошо знали быт и местные условия [14]. О проблемах и препятствиях на пути белорусизации говорится в исследовании Р. П. Платонова: «...белорусизации как партийно-государственной политике противодействовала значительная часть чиновников и русифицированных учителей старой школы» [15].

Коренизация, констатировала Т. И. Баталко, в сложившихся условиях была более эффективной политической программой. При этом исследователь М. К. Альховик отметил, что «достижения национальной политики использовались для пропаганды социалистических идей, а подготовленные кадры из представителей национальных меньшинств должны были в случае мировой революции провести социалистические преобразования на своих исторических родинах» [16, с. 4]. Т. И. Баталко констатировала постепенную подмену вопросов национально-культурного строительства проблемами идеологии. «Интеллигенции отка-

зывалось в праве выработки основных принципов жизни нации. Ей отводилась лишь роль исполнителей и выразителей “колесиков и винтиков”. Но и эта возможность вскоре была у них отнята» [14]. Политика национальных преобразований, рассчитанная на длительный срок и направленная на развитие белорусской культуры, возрождение самосознания, языка, к середине 1930-х гг. была свернута.

Проблема белорусизации и создания школ для нацменьшинств в указанный период на примере Витебского региона была поднята в работах А. Л. Дедикина. Согласно исследованию автора, в 1938—1939 гг. на фоне всеобщей пролетаризации и советизации в указанном регионе не было ни одной школы для нацменьшинств [17]. Тематика системы образования нацменьшинств затронута в статье С. Ю. Сухоцкой [18]. К. Р. Карпекин рассматривал политику религиозного образования хедры как средства распространения иудейских традиций, что отделяло от строительства советской системы образования и, как следствие, не способствовало развитию хедры [19]. Вопросы в области подготовки нацменьшинств (евреи) как одной из ключевых проблем формирования интеллигенции в Беларуси ввиду ее многонациональности и малообразованности титульной нации отражены в исследованиях И. П. Герасимовой [20], Э. Г. Иоффе [21], С. А. Яцкевич [22] и др. М. И. Старовойтов, обследовав население г. Минска и областных центров на момент 1930-х гг., отметил высокую грамотность еврейского населения, переселение в города и увеличение их числа среди студентов и аспирантов, а также отток населения в эти годы в РСФСР [23].

Аспекты формирования интеллигенции представлены в исследовательском поле построения советской модели высшей школы, ее пролетаризации, большевизации профессорско-преподавательского состава, в изучении социально-бытовых условий студентов как фактора, влияющего на повседневную жизнь и формирующего новые социалистические ценности, реформирования учебных планов для закрепления советских идеологических констант. Это отражено в работах А. Г. Петаченко, И. И. Шевчука, О. А. Яновского и др. Сохранение советской власти невозможно необразованным пролетариатом, однако буржуазное образование будет нивелировать «классовый инстинкт». Это положение восходит еще к дореволюционной большевистской доктрине, в частности к трудам А. А. Богданова.

Анализ проблем формирования интеллигенции в рамках системного подхода, ее влияния на сохранение социальной памяти, интеллекту-

альной истории Беларуси, становления интеллигенции в БГУ представлен в исследованиях О. А. Яновского [24—26]. Автор читает в БГУ спецкурс «Феномен университета: от исторических основ к современным цивилизационным парадигмам». Аспиранты, ученики О. А. Яновского: Е. В. Баранова, Д. А. Мартинович, Г. А. Петаченко, — выполнившие исследовательские работы в области становления системы образования 1920—30-х гг., непосредственно затрагивали проблемы, методы формирования интеллигенции БССР, опираясь на положения социальной истории и изучение различных аспектов повседневности.

Е. В. Баранова, изучая наследие В. И. Пичеты, показала, что ученый, «приняв программу советского руководства о строительстве нового социалистического общества, как и большая часть белорусской национальной интеллигенции, искренне верил в возможность осуществления реформ, направленных во благо белорусского народа» [27, с. 178]. Д. А. Мартинович выделил и проанализировал концепции советской высшей школы, существовавшие в 1917 — середине 1930-х гг., и выявил практическую реализацию идеи «классического университета» [28]. В ключе изучения пролетаризации А. Г. Петаченко определил ее этапы, характеризующиеся увеличением количества рабочих и крестьян среди студентов вузов; усилением роли партийной идеологии в системе высшего образования; корреляцией соотношения социального состава студенчества, которая позволяла сохранить пролетаризацию и одновременно обеспечить необходимое количество квалифицированных кадров. Средствами воздействия на интеллигенцию автором были определены создание новых и ликвидация старых профессиональных объединений научных работников, репрессии, изменение социально-бытовых условий [29].

Привлекая методологические ориентиры культурно-интеллектуальной и социальной истории, И. И. Шевчук исследует проблемы пролетаризации, политизации в процессе формирования научной интеллигенции. Ученый показал профессиональную аттестацию научных и научно-педагогических работников. Проблемам методического обеспечения профессиональной подготовки уделял значительное внимание Г. В. Корзенко [30]. И. И. Шевчук обосновал мотивацию отмены дореволюционной системы, ликвидацию предыдущих курсов и программ по социально-гуманитарным дисциплинам [31], рассмотрел проблемы социальной структуры научной интеллигенции Беларуси [32], правовое обеспечение научной и научно-педагогической деятельности в БССР [33] и др. Про-

блемы гуманитарной интеллигенции, ее формирование с применением системного подхода исследовала Э. Б. Ершова [34]. Автор для анализа проблем культуры и интеллигенции вводит понятие «алгоритм развития», что позволяет учесть факторы, многие особенности, вектор и стратегию исторического развития и отдельной сферы жизни общества в определенном регионе или в определенное время. Алгоритм развития политической и экономической жизни непосредственно повлиял на становление творческой интеллигенции [35, с. 527]. Н. М. Пурышева отразила процесс становления художественной интеллигенции, профессионализацию и институализацию в этой сфере, отметила, что посредством деятельности творческой интеллигенции выражается и формируется мировоззрение как общества, так и его отдельных слоев, групп и классов [36].

Политический, социальный аспекты формирования интеллигенции через такую категорию, как студенчество, отражены в исследованиях М. Н. Соколова, который, как и И. Н. Романова [37], выявил строгий классовый подход и классовую селекцию студентов [38]. М. Н. Соколов показал существенное административно-командное вмешательство, привлечение различных общественных организаций, социально-бытовых и социально-культурных форм деятельности для формирования определенных навыков и норм морали в среде студенчества, работу рабфаков обозначил как средство «пролетаризации» студенчества и отметил низкий образовательный уровень студентов. Практические шаги в построении советской модели интеллигенции в исследованиях этих авторов коррелируют с зарубежными подходами К. Мангейма, А. Грамши, Ш. Фицпатрик, И. Халфина, П. Конечного и др.

На современном этапе белорусские исследователи В. Н. Сидорцов, О. А. Яновский отмечали актуализацию культурно-антропологического подхода. В. Н. Сидорцов, анализируя методологические параметры синергетики, указывал, что она «привлекает идеей о возрастании роли личности в истории» [39, с. 58]. О. А. Яновский, отмечая актуализацию историко-биографического направления или «историю через личность», разделял положение о персонификации глобальных процессов социального развития, что позволяет «углубить и уточнить наши знания об общественных и политических процессах 1920—1930-х гг.» [40, с. 159].

Исследованию личности интеллигента и его роли в передаче культурного наследия, в формировании последующего поколения посвяще-

ны работы Е. Г. Андреевой, Е. В. Барановой, П. И. Бригадина, Н. Василевской, И. Д. Матяс, В. Лебедевой, А. Месникова, П. Т. Петрикова, В. В. Скалабана, Н. В. Токарева, М. Ф. Шумейко, И. И. Янушевич, О. А. Яновского и др. В этих работах авторы выходят за рамки исключительно биографий и отражают важные общественные процессы, как позитивные, так и негативные, выраженные в общем недоверии, враждебности к интеллигенции, что становилось официальной политикой в то время.

В исследованиях отмечается совершенствование технологий управления обществом и сознанием (внедрялась ограниченная мобильность, информативность, классовость, стереотипность, персонифицированность, футуристичность, этатизм). В. А. Зенченко, анализируя теоретико-методологические аспекты формирования гражданского общества в Беларуси, указала на специфику советского менталитета, культуры: «...общинность трансформировалась в коллективизм, ориентация на власть и патернализм — в этатизм, персонификация власти — в вождизм, мифологизированность стала основой для веры в светлое будущее, мессианство проявилось в ведущей роли СССР в мировой политике» [41, с. 62]. Характерной чертой советской интеллигенции, в отличие, например, от французских интеллектуалов, стало в известной степени отчуждение от политической сферы и концентрация на профессиональной деятельности в узко заданных рамках.

Регулирование процессов формирования интеллигенции посредством деятельности органов, ответственных за идеологическое воздействие, затрагивается в исследованиях В. В. Даниловича, А. А. Криворот, Н. Е. Мусиной, репрессии — В. И. Адамушко, Б. В. Баровского, А. Ф. Месникова, Р. П. Платонова, Т. С. Протько и др. В. Т. Леанавец анализировал состав аспирантуры в 1920—30-е гг. и пришел к заключению, наряду с другими исследователями, что отличительной чертой данного периода стали структурные чистки от «классово чуждых элементов» [42, с. 6]. Тенденцию чисток, сталинских репрессий, в результате которых наблюдался процесс стагнации деятельности аспирантуры в 1934 г., отмечал исследователь Г. В. Корзенко [43]. Репрессивная политика оказала значительное влияние на процесс формирования интеллигенции и имела огромные социально-психологические последствия как в 1930-е гг., так и в последующих поколениях. Она выступала механизмом корреляции и управления в процессе формирования социума в целом и интеллигенции в частности.

Работ, посвященных рефлексии исторической мысли в области изучения феномена формирования интеллигенции советского толка, представлено немного. Выделяются исследования В. П. Вирской [1], О. А. Яновского [44], Р. Е. Платонова [45] и др. Историографический анализ проблемы содержится также в диссертационных исследованиях по более широкому кругу вопросов.

На современном этапе наблюдается значительное внимание к исследованию 1920—30-х гг. в целом и формированию интеллигенции в частности. Переход в начале 1990-х гг. к поликонцептуальности в изучении исторических явлений стимулировал как количественный, так и качественный рост исследований с привлечением достижений зарубежных исследований, что расширило проблемное и методологическое поле. Выделились следующие направления исследований: белорусизация, коренизация в республике; модернизация системы образования как структурного элемента в системе построения новой социалистической модели и связанные с этим проблемы социального состава высших учебных заведений; пролетаризация; влияние социально-бытового фактора на формирование интеллигенции; изучение повседневности; реформирование учебно-методического процесса; регулирование процессов формирования интеллигенции посредством деятельности органов, ответственных за идеологическое воздействие; репрессивная политика как средство корреляции и модификации социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вирская В. П.* Интеллигенция Беларуси как исследовательская проблема: историографический аспект // *Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог: сб. материалов к междунар. науч.-практ. конф. «Историография как объект исследования»*, Минск, 21—22 мая 2008 г. / редкол.: А. Н. Алпеев [и др.]. Минск: Веды, 2008. С. 33—44.
2. *Терешкович П. В., Чаквин У. В.* Беларусь // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. Мінск, 1993. Т. 1. С. 464—481.
3. *Старовойтов М. И.* Интеллигенция белорусско-российско-украинского пограничья в 1920—1930-е годы (этнокультурный аспект) // *Весн. ГрДУ. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. 2010. № 1. С. 52—58.
4. *Старовойтов М. И.* Научно-педагогическая и творческая интеллигенция белорусско-украинского пограничья в условиях белорусизации и украинизации: этнокультурный аспект // *Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины*. 2012. № 4 (73). С. 95—102.
5. *Борисенок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. М.: Родина МЕДИА, 2013.

6. *Дубянецкі Э. С.* Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады ХХ ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 ; Беларус. дзярж. ун-т. Мінск, 1995.

7. *Дубянецкі Э. С.* Прычыны і праявы міжнацыянальнай напружанасці ў БССР у 20-я гады // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў ХХ стагоддзі : зб. навук. артыкулаў. Мінск, 1997. С. 101—114.

8. *Богдан С.* БССР і беларускі нацыяналізм. О роли советской национальной политики и политики в отношении БССР в политическом развитии независимой Беларуси // Перекрестки : журн. исслед. восточ.-европ. пограничья. Вильня : ЕГУ, 2009. № 1—2. С. 101—134.

9. *Борисенко Ю. А.* Долой пиджачников // Родина. 2008. № 1. С. 76—82.

10. *Борисенко Ю. А.* Беларусизация 1920-х годов: предыстория // Вопр. истории. 2006. № 6. С. 111—117.

11. *Лыч Л. М.* Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі [Электронны рэсурс]. URL: http://pawet.net/library/history/bel_history/lych.html (дата звароту: 10.06.2015).

12. *Вялікі А.* Чырвоная беларусізацыя // Спадчына. 2001. № 3. С. 50—68.

13. *Андрэева Е. Г., Лыч Л.* Наступ на беларускую школу праз змаганне з «нацэмакратызмам» (канец 20-х — першая палова 30-х гг.) // Аняменне: з хронікі знішчэння беларускай мовы. Вільня : Выд-ва ТБМ імя Ф.Скарыны ; Выд-ва Gudas, 2000. С. 141—150.

14. *Баталко Т. И.* Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации. 1921—1930 годы. Общественно-политический аспект [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 ; Беларус. гос. ун-т. Минск, 1993. URL: <http://cheloveknauka.com/stroitelstvo-belorusskoj-natsionalnoy-shkoly-v-usloviyah-politiki-belorusizatsii-1921-1930-gody> (дата абрашчэння: 11.12.2014).

15. Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы [Электронны рэсурс] / У. К. Коршук [і інш.] ; пад агул. рэд. Р. П. Платонава і У. К. Коршука. Мінск : БДУ, 2001. URL: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/574-1920-.html> (дата звароту: 11.12.2013).

16. *Альховік М. К.* Да пытання аб нацыянальнай палітыцы партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва ў Беларускай ССР у 1930-я гг. // Весн. Палес. дзярж. ун-та. Сер. грамад. і гуманіт. навук. 2011. №1. С. 3—8.

17. *Дзедзікін А. Л.* Нацыянальная палітыка Савецкай улады ў галіне адукацыі ў 1917—1939 (на прыкладзе Віцебшчыны) // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30—31 сак. 2010 г. / рэдкал.: У. Акуневіч. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. С. 119—124.

18. *Сухоцкая С. Ю.* Образование на Витебщине в 1920-х гг.: национальный аспект // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практыч. канф., Віцебск, 30—31 сак. 2010 г. / рэдкал.: У. Акуневіч [і інш.]. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. С. 124—128.

19. *Карпекін К. Р.* Антыхедэрныя кампаніі 1920-х гг. як элемент працэсу станаўлення сістэмы савецкай адукацыі (павадле матэрыялаў Віцебшчыны) // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30—31 сак. 2010 г. / рэдкал.: У. Акуневіч [і інш.]. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. С. 137—140.

20. *Герасімава І. П.* Яўрэйская вышэйшая школа ў сістэме народнай адукацыі Беларусі ў 20—30-я гг. // Беларусіка. Мінск : Нац. навук.-асвет. цэнтр Ф. Скарыны, 1995. Ч. 4. С. 125—129.

21. *Иоффе Э. Г.* Страницы истории евреев Беларуси. Минск : ПКФ Арти-Фекс, 1996.

22. *Яцкевіч С. А.* Лёсы нацыянальных меншасцей на Беларусі // Вес. Міжнар. акад. вучэння нац. меншасцей. Мінск, 1997. № 3. С. 4—16.

23. *Старовойтов М. И.* Население Минска и областных центров белорусско-российско-украинского пограничья в 1920—1930-е годы (сравнительный анализ) // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбургскага права) : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 4—5 верас. 2009 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2010. С. 145—153.

24. *Яновский О. А.* Диалог интеллигенции и советской власти о сущностных характеристиках белорусского университета (начало 1920-х гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2009. Вып. 4. С. 76—86.

25. *Яновский О. А.* Первое поколение белорусской советской интеллигенции: поиск себя в условиях «своих-чужих» тоталитаристских режимов // Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории : материалы XXI Международ. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—25 сент. 2010 г. Иваново : ИвГУ, 2010. С. 201—202.

26. *Яновский О. А.* Международные научные конференции по проблемам интеллигентоведения (Иваново, 2006—2011 гг.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БДУ, 2011. Вып. 6. С. 379—381.

27. *Баранова Е. В.* Пичета В. И. и власть в 1920-е гг. // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. Вып. 4. С. 178—186.

28. *Мартинович Д. А.* Становление советской высшей школы (1917 г. — середина 1930-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 ; БГУ. Минск, 2015.

29. *Петаченко Г. А.* Пролетаризация советской школы (1918—1929 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск, 2013.

30. *Корзенко Г. В.* Институт белорусской культуры и формирование национальной системы подготовки научных кадров (20—30-е гг. XX в.) // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Ин-та белорусской культуры : материалы междунар. науч. конф., Минск, 8—9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2012. С. 40—45.

31. *Шаўчук І. І.* Станаўленне сістэмы атэстацыі навуковых работнікаў у Беларусі (20—30-я гады XX ст.) // Гісторыя. Праблемы выкладання. 2007. № 10. С. 47—54.

32. *Шевчук И. И.* Социальная структура научной интеллигенции Беларуси (20—30-е годы XX в.) // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 24—26 сент. 2009 г. / редкол.: В. С. Меметов [и др.]. Иваново : ИвГУ, 2009. С. 71—72.

33. *Шевчук И. И.* Правовое обеспечение научной и научно-педагогической деятельности в БССР (1920-е годы) // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 5. С. 428—430.

34. *Ершова Э. Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии 1917—1941. М. : Изд-во МГОУ : Росвузнаука, 1994.

35. *Ершова Э. Б.* Алгоритм развития культуры Беларуси в 20-е гг. XX в. // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы междунар. науч. конф., Минск, 8—9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2012. С. 527—535.

36. *Пуршьева Н. М.* Инбелкульт и художественная культура БССР: аспекты взаимодействия (первая половина 1920-х гг.) // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы междунар. науч. конф., Минск, 8—9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларус. наука, 2012. С. 133—140.

37. *Раманава І. М.* Фарміраванне савецкай сістэмы адукацыі ў БССР. 1921—1930 гг. : аўтарэф. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 ; Ін-т гіст. НАН Беларусі. Мінск, 1999.

38. *Соколов М. Н.* Студенчество высшей школы Беларуси 20-х годов XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2002.

39. *Сидорцов В. Н.* Методологизация исторического мышления // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. Вып. 6. С. 56—67.

40. *Яновский О. А., Назаренко А. М.* М. А. Сегаль: «Дело» наркомюста и прокурора республики в контексте политических процессов 1920—1930-х гг. и становление советского высшего образования // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск : БГУ, 2012. Вып. 7. С. 159—179.

41. *Зенченко В. А.* Теоретико-методологические аспекты исследования проблем формирования гражданского общества в Беларуси // Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22—23 окт. 2008 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларус. наука, 2009. С. 60—65.

42. *Леанавец В. Ц.* Новыя тэндэнцыі ў падрыхтоўцы навуковых кадраў Беларусі ў 1920—30-я г. // Весн. ГрДУ. 2001. № 1. С. 5—12.

43. *Корзенко Г. В.* Особенности становления научной элиты белорусского общества (20—30-е гг. XX века) // Гістарычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII—XX стст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 3—5 ліп. 1996 г. Гродна, 1996. С. 303—307. (Наш радавод; кн. 7).

44. *Яноўскі А. А.* Друкаваныя крыніцы па гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 1920—1930-х гг.: стан і асаблівасці // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2002. Вып. 1. С. 220—228.

45. *Платонаў Р. П.* Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэалагепалітычнага дыктату ў Беларусі 20—30-х гадоў. Мінск : БелНДЦДАС, 1996.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2015 г.

Е. А. ШЕЙКО

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО СТИЛЯ ФЛАМЕНКО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В ИСПАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривается фольклорный материал на примере испанского фольклорного стиля «фламенко» как значимого исторического источника. На этапах развития фламенко прослеживается история народов, которые проживали на территории Испании в разные столетия, их отношение к жизни и своей истории. Автор отмечает проблему происхождения фламенко, рассматривает подходы в изучении фламенко в испанской историографии.

This article is an attempt to analyze the folklore material as significant historical source using as an example the Spanish folklore style «flamenco». The stages of the flamenco emergence reflect the history of the nations that inhabited Spain in different centuries, it is related to the people's attitude to their life and history. The author pays attention to the problem of the flamenco emergence and reviews different approaches in the research works on flamenco in the Spanish historiography.

Ключевые слова: источник; историография; фольклор; Испания; фламенко; Андалусия; культура; арабы; цыгане; евреи.

Keywords: historicalsource; historiography; folklore; Spain; flamenco; Andalusia; culture; Arabs; Romany; Jews.

Исследование устной традиции привлекает современных историков тем, что с помощью реконструкции установок сознания и поведения человека удается показать, как воспринимается обществом уклад жизни определенной исторической эпохи. Несомненно, для изучения такого рода проблем особую значимость приобретает фольклорный материал, позволяющий делать выводы о взгляде на мир (и внутреннем

Шэйко Кацярына Аляксандраўна — аспірант кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: kat-shejko@yandex.by

---

мире) человека неписьменной культуры, представителя того «молчаливого большинства», которое долгие годы было лишено собственного «голоса» в истории.

Особое внимание фольклору уделялось учеными в XIX в. В XX в. интерес возрос, по-настоящему широкое признание завоевали идеи о том, что исследователь общества должен изучать все его составляющие, мировую историю, а не только политику лидеров, что он обязан исследовать любое проявление человеческой мысли и деятельности. Немаловажное место в раскрытии этого аспекта прошлой социальной действительности занимает фольклор.

Так как в собственно исторических исследованиях произведения фольклора все еще относительно редко используются в качестве источников — несмотря на достаточно богатый опыт историографии XX в. в работе с «устными источниками» (накопленный в таких направлениях, как устная история, история повседневности и др.), — особую актуальность приобретает обращение историка, начинающего работу с фольклорным материалом, к исследованиям в области филологии, литературоведения и фольклористики. На материале этих дисциплин история, и источниковедение в частности, получает возможность глубже понять специфику фольклорных произведений и методологию их исследования.

Особенность фольклора как источника заключается в том, что, по мнению ряда исследователей, как таковых фольклорных текстов не существует, они возникают лишь в момент их исполнения певцом/сказителем и мы можем воспринять их только тогда, когда слышим. Согласно же другим исследователям, каждое исполнение представляет собой вариант песни, поэтому принято считать, что фольклорному тексту свойственно распространяться в вариантах и несвойственна буквальная верность некоему «начальному» тексту; он всегда обновляется за счет импровизации и разных интерпретаций, не имеет индивидуального автора и является результатом сотворчества множества «авторов» [1, с. 10].

Американский филолог А. Лорд, пожалуй, был единственным, кто за всю историю изучения традиционных устных песен поставил проблемы, для решения которых требуется междисциплинарное исследование [1, с. 11]. Эти проблемы — запоминание и воспроизведение текстов — имеют прямое отношение к лингвистике, филологии, музыковедению, психологии и социологии. Исследуя стиль устной поэзии, А. Лорд вышел к проблемам иного порядка, точнее, к проблемам эпи-

ческой памяти, памяти сказителя и к проблеме кодирования текста в памяти сказителя.

Результаты исследования Б. М. Гаспарова позволили открыть презумпцию текстуальности языкового сообщения (способность говорящего ощущать свое высказывание как нечто целое) и смысловую индукцию (процесс взаимодействия смыслов, происходящий внутри рамки сообщения и вскрывающий новые значения и ассоциации). Суть смысловой индукции заключается в том, что при взаимодействии компонентов всякий элемент сообщения непрерывно меняется, вместе с этим меняется и разворачивается смысл. Процесс изменения смысла бесконечен, с другой стороны, он имеет замкнутый характер из-за текстуальной рамки, в которую помещен. Смысловая индукция протекает не линейно, а по разным направлениям одновременно; ей свойственно возвращаться к пройденным этапам и осуществлять переосмысление [1, с. 12].

Проблема порождения речевого высказывания связана с языковой памятью. Особую роль в работе памяти, а затем и в смысловой индукции Б. М. Гаспаров отводит ассоциациям, которыми окружены в памяти многие слова. Ассоциации протекают по разным каналам — за счет ассоциаций смысловая индукция кажется неупорядоченной.

Все исследовательские направления сходятся в одном: человек при воспроизведении текста неосознанно пользуется некоторыми моделями и структурами — готовыми фразами, шаблонами, стереотипами. А. Лорд, идущий от эмпирического знания, интуитивно предположил существование ритмических, мелодических, сюжетно-жанровых и тематических моделей, заложенных в самом устном тексте. Названные модели, принадлежащие всему жанровому фонду фольклора, помогают певцу его запоминать, воспроизводить и варьировать [3, с. 45].

Если рассматривать фольклорные традиции на территории Испании, в особенности в Андалусии (южный регион), то они представлены фламенко. На протяжении конца XVIII — начала XX в. население Испании переживало непростые времена, сохраняемые в памяти народа, которая передается из поколения в поколение. И здесь важное место принадлежит источникам устного характера, отображающим этапы приспособления некоторых слоев населения к тем или иным условиям, их общее мнение, взгляд на события.

С этапами возникновения и развития фламенко прослеживается история народов, которые проживали на территории Испании в разные столетия. Фламенко — не просто фольклорный стиль, а особое миро-

воззрение, с которым связано отношение людей к жизни и своей истории. Через призму фламенко можно проследить исторические вехи жизни народов, проживающих на Иберийском полуострове столетиями.

Фламенко (*канте фламенко*) — общий термин, который относится к канте (*cante/песня*), байле (*baile/танец*) и токе (*toque/сольная гитарная музыка*), происходит из Андалусии (Южная Испания). Фламенко также известно под названием «андалусское пение», «цыганское» и «глубокое пение». Дать окончательный ответ на вопрос, какие именно исторические реалии воспеваются, затруднительно. Многие годы фламенко остается искусством, основанным на эмоциях, а эмоции трудно зафиксировать и превратить в источниковедческий материал. Можно попытаться выделить отдельные виды песен и выявить ту историческую действительность, которая повлияла на создание произведений фламенко. Популярны имена исполнителей фламенко, тех людей, кто передавал из уст в уста историю, заключенную в песнях. Широко известны артисты фламенко, но интерес направлен на тех, кто изучал историю фламенко, кто рассматривал фламенко как источник для изучения истории испанской культуры. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть основные взгляды на истоки фламенко, этапы происхождения и становления фламенко как искусства и как народного достояния.

В середине XVIII в. в Андалусии население осознало свою идентичность через влияние музыкального творчества, которое выражалось в его культуре. Вклад в разработку теорий происхождения фламенко внесли такие историки XIX — начала XX в., как А. Мачадо, М. Гарсиа Матос, Ф. Педрель, Б. Инфанте, Р. Марин, к ним относятся и исследователи, которые изучали этот вопрос на международном уровне.

Основательно занимался темой происхождения фламенко *андалусский* политик, историк и музыковед Б. Инфанте. Он отмечал, что происхождение фламенко охватывает многовековую историю, которая представлена в устных источниках, в музыкальных текстах, что усложняет поиск ответов. Перед обществом долгое время стояла проблема передачи исторической информации в связи с низким уровнем грамотности, поэтому инициативу на себя взяла церковь. Исследователь показал, как формировалась идеализированная картина истории народа Испании. Очевидна борьба между влиянием мусульманской и западноевропейской цивилизаций. В ходе изучения Б. Инфанте рассматривает термин «фламенко» как искаженное арабское «*felamenqu*», которое имеет тот же смысл, что и испанское «*campesino huido*» («кампесино уидо» —

беглый крестьянин) [18, с. 37]. В данном случае подразумевается преследование мавров на земле, которую они считали их собственной.

В то же время историк и канонист П. Гарсия Барриусо, который опубликовал несколько исторических статей, касающихся Святой Земли, а также религиозных биографий, полагал, что название происходит от «fella-lah-manqu» (чернорабочий или песни чернорабочих) [4, с. 34].

Известный фольклорист XX в. М. Гарсия Матос [16, с. 62] связывал название с германским словом «flaffimen» (сверкать, искриться, блеснуть), которое могло появиться в Испании с севера. Термин «фламенко» связан со стилем жизни людей великодушных, ведущих буйную и безрассудную жизнь. Матос выделял фламенко «как особый фольклор».

Как указывает И. Росси, один из ведущих исследователей фламенко, это наименование оказывается более удобным, чем другие (*cante jondo*, *cante andaluz*, *cante gitano*), так как охватывает все частные проявления этого стиля, обозначаемые и другими терминами [23, с. 117]. Наряду с *канте фламенко* бытует название *канте хондо* (*cante jondo*), этимология которого не выяснена, предположительно означает «глубокое пение». Некоторые ученые не делают различия между *канте хондо* и *канте фламенко*, но большинство исследователей (И. Росси, Р. Молина, М. Риос Руис, М. Гарсия Матос, М. Торнер, Э. Лопес Чаварри) считают, что *канте хондо* составляет лишь часть *канте фламенко*, быть может, по мнению М. Фалья, наиболее древнее его ядро. Термин *канте хондо* относится только к пению и не может обозначать искусство фламенко в целом.

Несмотря на различное толкование в происхождении, единогласно Андалусия считается местом, где развивалось фламенко, в частности среди цыган, придавших ему специфические черты. Цыгане добавили в местный фольклор свои переживания и чувства, связанные с кочевой жизнью и постоянными гонениями. Сущность этого отразилась в их тяжелом, нищенском существовании, и это все выразилось поэтически и музыкально, особенно в середине XVIII в.

Цыгане прибыли в Испанию в начале XV в., обосновались на юге полуострова и прекратили свое вековое кочевничество. После 300 лет тяжелых притеснений, к концу XVIII в., угроза, постоянно висевшая над древним народом, начала рассеиваться. Эти цыганские певцы считали себя потомками египетских фараонов, не признавая своего родства с другими цыганами (*gitanos*), и гордо называли себя «фламенкос». В настоящее время общепризнанной является точка зрения, согласно

которой предками цыган были выходцы из Индии. Мотивы их бегства с исторической родины до сих пор до конца не выяснены.

А. Нуиг Клараунт в своей книге «Искусство танца фламенко» («El arte del baile flamenco») пишет относительно этой теории: «Многие историки отстаивают теорию индийского происхождения андалусских цыган. Они основываются на том, что в языке испанских цыган, так же как и в языке цыган, живущих в Венгрии, немало слов, восходящих к санскриту. Нельзя не учесть также и внешнее сходство цыган с индийцами. Приверженцы этой теории считают, что выходцы из Индии некогда разделились на два потока: одни хлынули в Европу и обосновались в основном на Балканах, другие, прожив некоторое время в Египте, двинулись дальше вдоль северного побережья Африки, переправились вместе с арабскими завоевателями через Средиземное море на Иберийский полуостров, а позже, во времена Реконкисты, вместе с арабами были оттеснены на юг, в Андалусию, где и осели, занимаясь народными промыслами» [22, с. 311].

Первое упоминание о прибытии цыган в Испанию содержится в документе, подписанном королем Альфонсо Благородным и датированном 1425 годом [4, с. 13]. Этот документ имел вид коллективного паспорта для въезда в страну некоего цыганского рода, глава которого обозначен там как «сеньор Хуан из Египта». Это дало повод в течение долгого времени считать, что цыгане происходят из Египта. Сам факт выдачи такого документа свидетельствовал о благосклонном отношении монарха к цыганам. Но позже, в течение нескольких веков, как и в случае с мавританскими и еврейскими сообществами, испанские короли издавали против цыган распоряжения необычайной суровости.

Логично предположить, что кровопролитные преследования и постоянная неприязнь властей по отношению к цыганам оставили в их сердцах очень глубокие раны. Все сколько-нибудь связанное с цыганами, включая их чарующие песни и танцы, относилось к разряду преступлений. И на фоне этого возникли необоснованные предрассудки по отношению к искусству фламенко.

Фламенколог и писатель М. Риос Руис из Херес-де-ла-Фронтеры утверждает: «Начиная с 1500 г. и в течение более чем одного века цыгане, проживавшие в Андалусии и в других регионах Испании, очень сблизились с маврами. Они перенимали друг у друга обычаи и песни восточного происхождения. Цыгане встретили в Андалусии традиции и нравы, которые были им близки по духу» [23, с. 201].

Исследователи единодушны в том, что цыгане обогатили андалусский фольклор старинными восточными мотивами. Этот народ, не имевший обширного поэтического наследия, но обладавший врожденным чувством ритма и умением веселиться, приобщал жителей кварталов андалусских городов к богатому и яркому фольклору арабского Востока.

Известный фламенколог А. Альварес Кабальеро подтверждает это: «Цыгане не привезли пение фламенко в Испанию. До сих пор не удалось найти следов фламенко в странах, через которые они прошли. Но не существовало фламенко на солнечной территории Нижней Андалусии и до того, как его стали исполнять цыгане. Если поискать источники — первооснову этих песен, то следы приведут нас в Севилью, Херес, Кадис — этот основной центр Нижней Андалусии, и мы убедимся, что фламенко появилось немногим более двухсот лет тому назад. Оно родилось именно там, где цыганское население было наиболее многочисленным. Поэтому невозможно отбросить цыганскую основу при рассмотрении источников. Так или иначе, но цыганская основа появилась еще на этапе зарождения фламенко, став одним из характерных признаков этого искусства» [6, с. 130; 7, с. 204].

Хотя цыгане и не создали фламенко, они полностью проявили себя в нем, ибо обладали особым артистическим даром, позволявшим им достигать высот подлинного драматизма и даже трагизма в одних стилях, покорять слушателей изящным и не лишенным лукавства исполнением в других, и, что самое главное — врожденной музыкальностью. Все это способствовало их особенному вкладу в развитие фламенко, в создание нескольких первоначальных стилей этого искусства.

Первые цыганские поселенцы начали свое знакомство с местным фольклором с того, что обнаружили в некоторых уголках Нижней Андалусии музыкальные напевы, в чем-то созвучные их собственным переживаниям и чувствам. На это указывает *испанский* исследователь фламенко Х. М. Кабальеро Бональд: «То, что цыгане услышали от своих новых соседей, должно быть, ассоциировалось у них с самыми дорогими воспоминаниями, совпадало с их вкусами, желаниями и потребностями. Напомним, что цыгане всегда были искусными хранителями и заинтересованными преобразователями фольклора тех народов, чьим соседством они дорожили. Очевидным результатом является то, что была приукрашена местная народная музыка, усвоенная и доработанная благодаря особой выразительности и необыкновенной исполнительской способности цыган» [10, с. 98].

Существует теория, что песни фламенко — это арабские песни. С VIII в. юг Испании находился под арабским господством. Несколько столетий велась освободительная война между христианами и арабами, известная как Реконкиста. В результате капитуляции в 1492 г. последнего арабо-берберского оплота — Гранадского эмирата — окончилось длительное освободительное движение, что ознаменовало собой начало новой эпохи в истории Испании, а преследование мусульман, длившееся больше века, закончилось изгнанием их на север Африки.

На развитие музыкальной традиции Иберийского полуострова значительное влияние оказал Абу-аль-Хасан Али (789—857) по прозвищу Зирьяб — «черная птица», создав беспрецедентную музыкальную школу. Родился он в далекой Месопотамии, а Андалусия стала для него второй родиной. Зирьяб внес огромный вклад в развитие местной музыкальной культуры, обогатив ее арабскими элементами, его не случайно называют «отцом андалусской музыки». До сих пор можно обнаружить следы его влияния на развитие музыки фламенко.

В 1922 г. испанский композитор М. Фалья (1876—1946) намекал на эту тему в своем докладе «Канте хондо»: «Эти песни родственны музыке, которую в Марокко, Алжире и Тунисе и сейчас называют именем, ласкающим слух каждого гранадца: “музыка гранадских мавров”. В ее формах мы легко узнаем источник многих наших андалусских пений: *севильянас, сапатеадо, сегидилья* и др.» [4, с. 23].

Доводы в пользу арабо-мавританского влияния на формирование и развитие фламенко могут быть следующими. Пение, называемое *мелизматикос* (в котором один и тот же слог поется на нотах разных высот), характерно для фламенко и арабо-мавританской музыки. Некоторые районы, где проживали мавры, являются певческими центрами фламенко (например, Севилья, Ла-Пуэбла-де-Касалья и др.). Расцвет пения фламенко происходил в общественном окружении, сформированном из мавров, цыган и других притесняемых слоев населения.

В 1847 г. С. Э. Кальдерон, один из первых фламенкологов, в работе «Андалусские сцены» отметил: «Среди всех этих танцев и песен достойны внимания те, которые сохраняют свое арабское и мавританское происхождение. Заметим, что *канья*, которая является первоначальным стволом генеалогического древа этих песнопений, происходит от слова “*gannia*”, которое на арабском языке означает “песня”» [14, с. 234].

Таким образом, на первое и основное место в ряду источников и составляющих искусства фламенко следует поставить восточное влияние.

Это влияние со времени прибытия на исконно испанские земли представителей восточных народов до появления исполнителей, внесших драматические оттенки во фламенко, стало в течение веков определяющим в народной андалусской музыке.

Фламенкологи считают, что кроме определяющего воздействия цыган и арабов фламенко несет в себе следы иудейского, византийского, индийского, персидского и средиземноморского влияний, причем все они равноценны. Не следует забывать, что во времена преследований цыган, евреев, мавров они вместе с другими изгоями сформировали особый мир, в котором все дружно сосуществовали. Возможно, что фламенко родилось в Андалусии именно благодаря этому особенному перекрещиванию народов и рас, различных культур и религий.

В последние годы гипотеза о еврейском влиянии на процесс формирования фламенко поддерживается многими исследователями. Известный фламенколог И. Росси отмечает аналогию некоторых еврейских песен с фламенко: «Подобно цыганам, евреи не создали пение фламенко, но способствовали его сохранению вместе с андалусцами и мурсийцами. Евреи внесли во фламенко по меньшей мере две песни, чье еврейское происхождение очень трудно отрицать, — это старинные саэтас (чистая синагогальная литургия) и петенера» [8, с. 26]. Другие исследователи фламенко — Х. М. Кабальеро Бональд, Р. Молина и А. Майрена — обнаружили отзвуки синагогального пения и еврейской молитвы «Kol Nidrei» в некоторых первоначальных стилях фламенко — в сигирийяс, а также в саэтас [8, с. 27].

Влияниями, которые считаются важными в развитии народной музыки Андалусии, являются древнегреческое и византийское. На первое место следует поставить греческое влияние, которое до XIII в. осуществлялось через старинные литургические песни, основанные на греческой мелодике и на минорной гамме, которую стали широко применять во фламенко. Этому мнению придерживается фламенколог Х. Блас Вега: «Греческое пение занимало преобладающее место в Испании с X в. Народ участвовал в религиозных представлениях, песнопениях. Таким образом, стала популярной религиозная песня. Ее мелодические характеристики зазвучали как значимые особенности фламенко. Кроме того, при поддержке еврейских, христианских и византийских источников греческая музыка достигла восточных вершин» [9, с. 56].

Великий испанский композитор Ф. Педрель подтверждает это в своем труде «Народные испанские песни»: «Восточные отзвуки в испан-

ских народных песнях обусловлены происхождением нашей народной музыки, влиянием древнейшей византийской культуры — ведь еще со времен обращения Испании в христианскую веру в нашей церкви утвердилось византийское богослужение, и только в XI в. его сменила католическая литургия» [21, с. 112].

Исследователь искусства фламенко Р. Молина, рассматривая приблизительную совокупность первоначальных влияний, подводит логичный итог: «Панорама музыкальной анархии и течений: восточные напевы, семитские и византийские литургии, призывы муэдзинов, обработанные песни от Зирьяба, индийские и персидские мелодии, иракские песни от Арифа из Багдада и Омара из Басры — все это активно сосуществовало во взаимном и непрерывном взаимодействии. До XV в. арабо-андалусская музыкальная культура, которая содержала указанное созвездие течений, господствовала на юге Иберийского полуострова» [20, с. 259].

Одними из ключевых ценностей культуры фламенко являются понятия свободы и борьбы. На протяжении долгих лет многие народы, проживавшие на территории Испании, подвергались гонениям и были ограничены в правах. Арабы были изгнаны из Испании в 1492 г.; евреи, которых в V в. насчитывалось в Испании около 100 тыс., были вынуждены принять христианскую веру, чтобы не подвергаться преследованиям; цыгане были ущемлены в правах и жили в изоляции долгие годы. Их музыка стала скрытым протестом против несправедливости, жалобой на судьбу, в их песнях говорилось о мрачной жизненной реальности.

Среди испанских историков поднялся вопрос испанской идентичности. Понимание истоков фламенко позволяет проследить влияние разных народов на становление культуры Испании и истории Пиренейского полуострова. А. Кастро инициировал горячие споры о выводах относительно испанской идентичности, что испанцы не стали отдельной группой до исламского завоевания 711 г., что они сосуществовали между маврами и евреями. В научной работе «Испания и ее история: христиане, мавры, иудеи» («España en su historia: Cristiana, moros, y judíos») А. Кастро отметил важность того, что испанской культуре присуща религиозность, в частности иудейским и мусульманским меньшинствам, которые были изолированы от доминирующей христианской культуры.

С ним полемизировал К. Санчес Альборнос. По его мнению, все столкновения между народами, проживавшими на территории Испании на полуострове начиная с эпохи неолита, позволили создать испанскую нацию. Что касается мавров, К. С. Альборнос писал, что они

не могли существенно повлиять на испанцев, и придерживался идеи начала формирования испанского этноса со времен присутствия на полуострове германских народов [25, с. 32].

Как пишет один из известнейших публицистов, основатель кафедры фламенко и андалусской фольклористики в университете г. Херес Х. Плата: «Первый учитель, который знает историю фламенко, — это Тιο Луис де ла Хулиана, который опубликовал в 1761 г. “Расписание почтовых перегонов внутри и за пределами Королевста” (“Itinerario de la carreras de posta de dentro y fuera del Reino”»)» [13, с. 14]. Становится понятным, что фламенко начало свое существование не с Л. Хулиана, а за много лет до него, а на вопрос, когда оно приобрело популярность, пытаются найти ответ многие историки и фольклористы Испании.

После Великой французской революции и войны за независимость 1808—1814 гг. испанское общество изменилось: стиль жизни, мысли и реакция на политику, экономику и общество. М. Фалья в работах о *канте фламенко* и *канте хондо* определяет: «В истории Испании было три события, которые отличаются в нашей культуре, — это принятие испанской церковью византийского пения, вторжение арабов, иммиграция и установление в Испании многочисленных групп цыган» [15, с. 187].

В конечном итоге сегодня отмечают различные влияния на искусство фламенко, в основном восточные: арабские, индийские, еврейские. Доводы в пользу арабо-мавританского влияния на формирование и дальнейшее развитие фламенко приводили М. Фалья, С. Эстебаньес Кальдерон. Они утверждали, что ряд андалусских песен обогащен арабскими элементами, что обусловлено длительным арабским господством на южных землях Испании. Однако многие другие исследователи, такие как М. Риос Руис, А. Альварес Кабальеро, поддерживают теорию цыганской первоосновы фламенко и считают, что цыгане внесли особый вклад в развитие искусства фламенко. Как полагает А. Нуиг Клараунт, цыгане являются выходцами из Индии, что указывает на их восточное происхождение. Большинство исследователей отмечают и еврейское влияние на фламенко, среди них И. Росси, Х. М. Кабальеро Бональд, Р. Молина, А. Майрена. Они сходятся во мнении, что канте фламенко присущи черты старинных еврейских песнопений. В итоге общей позицией всех исследователей остается мнение, что фламенко, вбирая в себя черты искусства народов, в разные периоды истории заселявших Иберийский полуостров и ассимилировавшихся местным населением, не теряло своей самобытной основы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Возякова Н. В.* Испанский народный романс: память певца, механизмы запоминания и воспроизведения текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. М., 2004.
2. *Кларамунт А. П., Альбайсин Ф.* Искусство танца фламенко [Текст] = *El arte del baile flamenco* / пер. с исп. и авт. вступ. ст. Н. Ю. Ванханен. М. : Искусство, 1984.
3. *Лорд А. Б.* Сказитель : [исслед. в обл. теории эпоса] : пер. с англ. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения ; послесл. Б. Н. Путилова ; коммент.: Ю. А. Клейнер, Г. А. Левинтон. М. : Вост. лит, 1994. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
4. *Эль Монте Анди.* Фламенко. Тайны забытых легенд. М. : Мусалаев, 2003.
5. *Alvares Caballero Angel.* Gitanos, payosó flamencos en los origenes del Flamenco / ed. Cinterco. Madrid, 1988.
6. *Alvares Caballero Angel.* Las mascararas de lo jondo. Kd. del Prado. Madrid, 1992.
7. *Alvares Caballero Angel.* Arte flamenco. OrbisFabín. Barcelona, 1994.
8. *Blas Vega Jose.* Los Cafes Cantantes de Sevilla / ed. Cinterco. Madrid, 1984.
9. *Blas Vega Jose.* Temas flamencos / ed. Dante. Madrid, 1973.
10. *Caballero Bonald Jose Manuel.* El baileandaluz / ed. Noguer. Barcelona, 1957.
11. *Castro Américo.* Origen, ser y existir de los españoles. Madrid, 1959.
12. *Castro Américo.* España en suhistoria: Cristiana, moros, y judíos. Buenos Aires : Editorial Loasada S. A. Un vol. en 4.0 de. 1948.
13. *Domingo Manfredi Cano.* Cantey Baile Flamencos. Everest, 1983.
14. *Estebanez Calderon Serafin.* Escenas Andaluzas. Facsfmil de la edicion de Madrid de 1947 / ed. Atlas. Madrid, 1983.
15. *Falla Manuel.* El Cante Jondo (Canto PrimitivoAndaluz). XI Congreso Nacional Actividades Flamencas. Granada, 1962.
16. *García Matos Manuel.* Flamenco. Algunos de suspresuntosorigenes // En Anuario Musical. Barcelona, 1950. P. 97–124.
17. *García Matos Manuel.* Sobreel Flamenco / ed. Cinterco. Madrid, 1984.
18. *Infante Blas.* Orígenes de lo flamenco y secreto del cante jondo. Recopilador : ManuelBarrios. Sevilla : Junta de Andalucía – Consejería de Cultura, 1980.
19. *Machado ó Alvarez Antonio* (Demofilo). Coleccidn de Cantes Flamencos / ed. Demofilo. Madrid, 1974.
20. *Mairena Antonio, Molina Ricardo.* Mundo y formas del cante flamenco. Revista de Occidente. Madrid, 1963.
21. *Pedrell i Sabaté Felipe.* Cancionero musical popular español. Valls, 1922. T. I : Castells, Eduardo.
22. *Puig Claramunt Alfonso.* El arte del baile flamenco. Ed. Polígrafa. Barcelona, 1977.
23. *Rosy Hipólito.* Teoría del Cante Jondo. Credsa. Barcelona, 1998.
24. *Rios Ruis Manuel.* Introduction al (Cante Flamenco. 2 ed. Madrid, 1988.
25. *Sánchez-Albornoz Claudio.* España, un enigma historico. Segundaedición. Buenos Aires : Editorial Sudeamericana, 1962.

Ю. А. АНДРЕЯНОВА

АВСТРАЛИЙСКАЯ СИСТЕМА «СЕРИЙ»: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В 1950—60-е гг. национальные архивы Австралии систематизировали подход к архивному документированию, разделив данные о системе хранения документов и их содержание. Подход получил название «системы серий». Его отличает своеобразный взгляд на систематизацию и классификацию архивных документов и отрицание принципа фондового учета при архивном хранении документов. Особое значение эта система начинает приобретать в эпоху широкого распространения электронных документов.

National Archives of Australia in 1950th and 1960th of XX century have systematized their approach to archival documentation through separation of data about record-keeping system and its context. This approach is called a «series system». Its main feature is a specific approach to systematization and classification of archival documents and denial of principles of funds' record-keeping in the archival keeping of documents. This system is getting its significant meaning in the epoch of wide spreading of electronic records.

Ключевые слова: архивы; Австралия; австралийская система серий; Питер Дж. Скотт; Крис Херли; национальные архивы Австралии.

Keywords: archives; Australia; Australian Series System; Peter J. Scott; Chris Hurley; National Archives of Australia.

Основной задачей архивов является сохранение информации о событиях, жизни и деятельности людей, организаций, различных учреждений. Однако следует учитывать, что данная информация представляет собой сложную систему динамичных взаимосвязей между различными фондообразователями. В качестве примера можно привести постоянно изменяющуюся организационную структуру в современных корпорациях. В англоязычных странах архивисты используют понятие «successive

multiple provenance» (на русский язык это можно приблизительно перевести как «взаимосвязанное множественное происхождение» [1, с. 3]). О «множественном происхождении» можно говорить и тогда, когда более чем одно юридическое лицо вовлечено в создание и использование определенных архивных документов. В настоящее время подобное явление получило распространение в связи с широким использованием электронных документов. Поэтому сегодня перед архивистами встает вопрос: как определять происхождение документа, его фондовую принадлежность? Австралийские архивисты считают, что необходимо разработать архивные системы, отражающие, а не искажающие реальную сложность делопроизводственной деятельности. В качестве примера они приводят реляционную базу данных. Все, что требуется, — система, поддерживающая отдельные, но связанные между собой описания архивов и различных фондообразователей, создающих архивные документы. В такой системе ввод данных должен быть стандартизирован, а вот способ их представления пользователю может варьироваться в зависимости от его потребностей [1, с. 3].

Предпосылки возникновения австралийской системы «серий». Австралия — молодая страна с еще более молодым архивным делом, и, хотя бюрократический аппарат Австралии и многие методы делопроизводства были основаны на вековой модели британской государственной службы, архивная система управления строилась с нуля. С того момента, когда здесь появилась профессия архивиста, фактически после Второй мировой войны, широко распространилась верность идеям о том, что «...архивная наука является отправной точкой для эффективного и квалифицированного управления чередой записей учреждения... для обеспечения сохранности которых архивисту требуется принимать непосредственное участие в управлении сохраненными данными...» [2, с. 2]. Учрежденный в 1940-х гг. Отдел архивоведения в правительстве Австралии сначала занимался идентификацией и отбором документов на хранение, собирая и размещая их в соответствующих архивохранилищах. Но уже к середине 1950-х гг. сотрудники отдела стали уделять больше внимания вопросам улучшения организации управления документами.

Иан Маклин (первый архивист Содружества, занимавший этот пост с 1944 по 1968 г.) и его коллеги в своей работе с архивными документами стали применять модель архивной практической деятельности, разработанную Государственным архивом в Лондоне. Их попытки достиже-

ния интеллектуального управления документами состояли в обеспечении подхода «группы документов» в отношении документов австралийского правительства. Данный подход поддержал американский архивист Т. Р. Шелленберг из Национального архива США, который в 1954 г. был приглашен в Австралию для консультирования по вопросам развития архивных систем [1, с. 4].

В то же время И. Маклин и его коллеги столкнулись с определенными препятствиями при попытках применить подход «группы документов» в своей работе. Основной проблемой стал постоянно меняющийся бюрократический аппарат Австралии, в котором на протяжении длительного времени происходило частое перераспределение функций в правительственных учреждениях и министерствах, что приводило к перераспределению документов. Австралийский архивист А. Каннингэм приводит интересный пример: с 1916 по 1945 г. функция австралийского правительства, касающаяся ограничений иммиграции (и документы, фиксирующие работу этой функции), была перераспределена между различными ведомствами: внешних отношений; внутренних дел; жилищных вопросов и территорий; премьер-министра; торговли и сбыта; транспорта; внутренней политики I; внутренней политики II; иммиграции [1, с. 4].

Понятно, что многочисленные организационные изменения требуют подробного документирования создания документов. В 1963 г. в архив был принят на работу молодой лингвист П. Скотт, который вскоре выдвинул радикальное предложение — отказаться от подхода «группы документов» как «первичной категории систематизации» и начать использовать «серии» документов в качестве первичной отправной точки для систематизации и описания архивных материалов. Лингвист утверждал, что разделение на группы документов является «излишней сложностью», не учитываются частые изменения в составе, обязанностях и функциях учреждений, ответственных за создание документов. Он считал, что, обращая внимание на «серии» документов, архивисты смогут представить динамичную природу документов и определить не только последнего фондообразователя, но и все учреждения, отвечающие за работу с документами на протяжении их жизненного цикла [3, с. 497].

Основные положения австралийской системы «серий». Систему «серий» многие исследователи считают основой для понимания сути электронных документов, а также фундаментом для дальнейшего развития электронного делопроизводства [1, с. 20; 2, с. 2; 4, с. 38, 39].

Австралийская система «серий» состоит из двух частей: 1) управление контекстом, в которое входит идентификация и регистрация создания документов и других объектов, а также документация административных и личных историй этих объектов, их функциональные обязанности и взаимоотношения как друг с другом, так и с системами делопроизводства, которые они используют; 2) управление документами, включающее идентификацию, регистрацию и документацию «серии» документов и/или единиц хранения, составляющих эти «серии».

В австралийской системе контекстуальные объекты, которые необходимо объединить с описаниями документов, включают в себя отдельных лиц, семьи, подразделения, организации, их функции и деятельность. Это сложная сеть динамических связей между различными объектами, которые подтверждают проведение транзакций, в результате которых образуются документы [3, с. 501, 502]. Поэтому важно зафиксировать эти связи для обеспечения контекстуальных знаний, необходимых для понимания содержания документов. В австралийском понятии «континуум документов» рассматривается не как «пассивные объекты, описываемые ретроспективно», а как действующие объекты, функции, действия, «активные участники деловых процессов» [1, с. 6].

Не отрицая принципа происхождения, П. Скотт считал свой подход наиболее эффективным средством документирования истинной и сложной природы происхождения документов и систем делопроизводства, в отличие от подхода «группы документов». Он утверждал, что происхождение не может быть основано на простых связях между фондообразователем и самими документами. Документы могут иметь многогранные связи, одновременно или последовательно, поэтому необходимо создавать системы описания документов, отражающие динамичность и сложность делопроизводства [3; 8].

Система «серий» представляет собой динамический подход к интеллектуальному управлению документами. При ее использовании любой комплекс документов рассматривается, одновременно или последовательно, сквозь призму контекста, отражающую динамическую и вероятностную природу самого процесса создания документов. Структурные элементы системы обеспечивают концептуальные и документальные стандартные элементы, из которых создаются традиционные или нетрадиционные справочные средства, если это необходимо [1, с. 6].

Еще одной важной особенностью австралийского подхода к интеллектуальному управлению документами является его использование для

обеспечения интеллектуального управления всеми документами (как находящимися в текущем делопроизводстве, так и уже утратившими свое практическое значение и переданными на архивное хранение).

Работы австралийского архивиста Криса Херли расширили понятие о концептуальной основе и принципах системы «серий», охватывающих проблемы описания контекста, фондообразователей документов и их сложные, многогранные связи в мире начала XXI в. [5].

Как отмечал К. Херли, в стратегии П. Скотта внимание акцентировалось не на самих «сериях» документов, а на утверждении о том, что необходимо разделять описание документов и административный контекст. Изначально система отталкивалась от последовательного документирования этапов, представлявших идею множественности происхождения. Впоследствии был добавлен еще один вид взаимосвязи: управление (для описания прав правопреемника на документы более не существующего учреждения). Таким образом, стало понятно, что контекстные элементы могут иметь различное происхождение и что взаимосвязи с иными элементами многообразны [5, с. 4].

Крис Херли выделяет два различных вида контекстных элементов: происхождение (для лиц и корпораций, которые создают, сохраняют, используют, управляют или уничтожают документы) и окружение (среда) (для таких элементов, как организации, семьи, которые сочетают элементы происхождения с административными структурами, семьями или юридической ответственностью) [1, с. 5]. Также он сформулировал идею о распространении системы «серий» на область фиксации параллельного происхождения (единая система делопроизводства, имеющая множество фондообразователей одновременно), что непосредственно относится к разделению документов по предметному признаку, который необходимо уважать, фиксировать и демонстрировать [6].

К. Херли отмечает, что с появлением электронных документов было утрачено физическое подтверждение существования документа, появляющееся одновременно с его созданием. Чтобы содержимое документа имело смысл, должен быть сохранен протокол документа (записи) в системе учета, а также его контекст, в то время как физические характеристики документа, изначально его составлявшие, могут не сохраниться. Система «серий» предоставляет методологию ведения документов и ассоциаций документов исходя из их контекста посредством связывания архивной информации с документальным представлением хранимых записей и их контекста, которые на физическом уровне могут уже

и не существовать (либо будут уничтожены) либо в принципе никогда не существовали [1, с. 3]. Дэвид Бирман назвал такой процесс «документированием документации» [7].

Канадский архивист Терри Кук указывал, что существует неправильное представление о том, что австралийская система «серий» — это упрощенное представление архивных групп Х. Дженкинсона или групп документов Т. Р. Шелленберга. Такое недоразумение скрывает революционные изменения, внесенные П. Скоттом в описательную составляющую архивов и в архивную теорию в целом [4, с. 39]. Существенный вклад, сделанный П. Скоттом в архивную теорию, заключается в идее «прорваться» не только сквозь ограничения описательной модели групп документов Т. Р. Шелленберга, но и сквозь весь материалистический «образ мышления» архивистов, на котором построена организация работы большинства архивов с момента появления «Руководства к приведению в порядок и описанию архивов» (1898).

Т. Кук назвал П. Скотта «инициатором революции в представлении о сущности архивов в мировой архивной мысли» [4, с. 39]. Несмотря на то что он работал в «бумажном» мире, его способность понимания сути проблемы особенно сейчас актуальна для тех архивистов, которые сталкиваются с архивными данными, представленными в электронном виде, где, как и в системе П. Скотта, материальность архивного документа имеет меньшую важность в сравнении с мультиреляционным контекстом его создания и современного использования.

Разработанная П. Скоттом система помогает архивистам рассматривать документы с точки зрения их связей. Разделение контекстных объектов и объектов-документов предусматривает основное значение связей с целью объединения этих объектов. Это одна из самых характерных особенностей системы «серий», которая требует более активных совместных усилий и исследований со стороны специалистов в области архивного дела и делопроизводства.

Достижения П. Скотта и его коллег в разработке системы «серий» оказали большое влияние на австралийское делопроизводство и практические методы работы архивистов. Несмотря на то что данная система была предназначена для применения к бумажным документам, некоторые ее идеи можно переработать и использовать для работы с электронными документами. На основе сочетания описания материалов с помощью информации об их содержании можно понять суть документов, фондообразователей и их функций. Понимание идей, лежащих в

основе системы «серий», предложенной Питером Скоттом, может стать одним из основных направлений в сфере электронного делопроизводства в XXI в.

Эпоха электронных документов бросает вызов современным архивистам — для комплексного обеспечения сохранности документов они должны решать проблемы в области делопроизводства, связанные с фондообразователями, документами, пользователями и обществом. Сталкиваясь с изменениями в деятельности организаций, в самих документах, архивисты должны начать применять в своей работе методики, позволяющие отобразить многообразие связей документов, а также динамичность и сложность современного делопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Scott and the Australian «Series» System: main features and historical context [Electronic resource] / A. Cunningham [et al.] // Council on Archives Congress — 20—24 August 2012. URL: <http://ica2012.ica.org/files/pdf/Full%20papers%20upload/ica12Final00414.pdf> (date of access: 15.03.2015).
2. Hurley C. The Australian («Series») System: An Exposition [Electronic resource] // Monash University. URL: <http://infotech.monash.edu/research/groups/rcrg/publications/chtrc1.html> (date of access: 15.03.2015).
3. Scott Peter J. The record group concept: a case for abandonment [Electronic resource] // American Archivist. Vol. 29, № 4. October 1966. P. 493—504. URL: <http://americanarchivist.org/doi/pdf/10.17723/aarc.29.4.y886054240174401> (date of access: 15.03.2015).
4. Cook T. What is past is prologue: a history of archival ideas since 1898, and the future paradigm shift [Electronic resource] // Archivaria 43. 1997. P. 17—63. URL: <http://journals.sfu.ca/archivar/index.php/archivaria/article/view/12175/13184> (date of access: 20.11.2014).
5. Hurley C. What, If Anything, Is A Function? [Electronic resource] // Monash University. URL: <http://www.infotech.monash.edu.au/research/groups/rcrg/publications/whatif.html> (date of access: 15.03.2015).
6. Hurley C. Parallel Provenance (If these are your records, where are you stories?) [Electronic resource] // Monash University. URL: <http://www.infotech.monash.edu.au/research/groups/rcrg/publications/parallel-provenance-combined.pdf> (date of access: 15.03.2015).
7. Bearman D. Documenting Documentation [Electronic resource] // Archivaria 34 — Summer 1992. P. 33—49. URL: <http://journals.sfu.ca/archivar/index.php/archivaria/article/viewFile/11839/12791> (date of access: 15.03.2015).
8. Питер Скотт и Австралийская система «серий»: ее происхождение, особенности, влияние и релевантность [Электронный ресурс] // Федер. Арх. Агентство ВНИИДАД. URL: <http://www.vniidad.ru/Downloads/congress2012/Каннингэм%20Адриан%20и%20др..rtf> (дата обращения: 15.03.2015).

А. А. САВІЧ

ШАРВАРКІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921—1939 ГГ. У КАНТЭКСЦЕ ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАГА АСЭНСАВАННЯ

Даследуюцца гістарыяграфічныя і крыніцазнаўчыя аспекты гісторыі шарваркаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. Робяцца высновы аб недастатковай навуковай распрацоўцы тэмы, наяўнасці значнага масіву архіўных дакументаў, якія дазваляюць прадметна даследаваць адпаведныя пытанні. Удакладняецца паняцце «шарварка», значэнне павіннасці ў сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі.

The article examines the historiography and source study aspects of sharvark history in Western Belarus in 1921—1939, the conclusions are made about the lack of scientific development of the theme, about a large bult of archival documents, allowing to carry out an objective investigation of the relevant substantive issues. The author has clarified the notion «sharvark», identified more objectively the value of obligations in the socio-economic life of the Western Belarus.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; гістарыяграфія; сацыяльна-эканамічнае жыццё; камунікацыі; шарваркі; працоўная павіннасць; гмінная ўправа; павятовае староства.

Keywords: Western Belarus; historiography; social and economic life; communication; sharvarki; labor service; commune office; povet eldership.

У айчыннай гістарыяграфіі на працягу многіх гадоў фарміравалася павярхоўнае і тэндэнцыйна-адмоўнае стаўленне да шарварак у сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі. І гэта пры тым, што шарваркі (ад *ням.* *Scharwerk*, *Schar* — натоўп, атрад, грамада, *Werk* — дзеянне, справа, работа) на беларускіх землях у складзе міжваеннай Польшчы былі істотным сродкам ажыццяўлення значных для грамадства і дзяржавы сацыяльна-эканамічных праектаў. Сёння, ва ўмовах замацавання

Савіч Аляксандр Аляксандравіч — дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт. E-mail: uleks@tut.by

---

ў беларускім грамадстве прадпрымальніцка-рынкавых прыярытэтаў, на фоне зніжэння ўзроўню кансалідацыі насельніцтва вакол грамадска значных каштоўнасцей і праектаў, шарваркавая тэматыка набывае відавочную актуальнасць. Упершыню праведзенае гістарыяграфічнае асэнсаванне тэмы з апорай на нарматыўна-прававыя і архіўныя крыніцы дазволіць выявіць сучасны стан і перспектывы навуковага даследавання шарварак у сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі 1921—1939 гг.

Гістарыяграфічны агляд і крыніцазнаўчая база шарваркавай праблематыкі ў гісторыі Заходняй Беларусі. Негатыўнае ўспрыняцце шарваркавай павіннасці сфарміравалася ў 1920—30-я гг., калі заідэалагізаваная і палітычна абумоўленая айчынная перыёдыка і навуковыя публікацыі на падставе існавання шарварак намагаліся падкрэсліць антынародную прыгонніцкую сутнасць польскай улады ў дачыненні да заходнебеларускага сялянства. Красамоўным прыкладам павярхоўна-адмоўнага стаўлення да шарварак з’яўляецца выказванне Я. Шнейдэра, які на фоне «поспехаў будаўніцтва шчаслівага калгаснага жыцця» і сацыялістычнага ладу ў БССР гаварыў пра імкненне «фашысцкага ўрада» Польшчы прымусіць беларускіх сялян дарма працаваць на будаўніцтве ваенна-стратэгічных дарог, дарма вазіць паліцэйскіх з адной вёскі ў другую [1, с. 14].

Больш увагі шарваркам было нададзена Л. Гакам, які адпаведную інфармацыю змясціў пад красамоўнай назвай раздзела «Шарваркі або новы прыгон». Асабліва, што зразумела, аўтар адмоўным фонам падае «поліцэйскую павіннасць», якая патрабавала «фурманкі пры кожным выпадку», пры кожнай патрэбе. Прычым паліцэйскія, па-першае, мелі права браць фурманку, калі хацелі, па-другое, вызначалі варту, якая павінна пільнаваць масты, тэлеграфна-тэлефонныя лініі, чыгункі, «...маеш каня — замучаюць фурманкай». Пры гэтым аўтар істотна паглыбляе ўяўленні адносна сутнасці і зместу павіннасці, акрамя дарожнай, шарваркі: гэта і гмінная павіннасць, якая ўключала ў сябе мерапрыемствы па гаспадарча-тэхнічным забеспячэнні адпаведных органаў мясцовага самакіравання, і вартавая павіннасць, якой падлягалі грамадзяне, што па розных прычынах не мелі магчымасці выканаць, напрыклад, фурманкавую павіннасць («...няма каня — гібей на варце»). Л. Гак зрабіў прыныццова важнае ўдакладненне ў дачыненні да шарваркавага абавязку, згадваючы аплату за выкананне шарваркі, рытарычна маскіруючы інфармацыю аб гэтым: «За шарваркі, як правіла, ня пла-

цяць. У лепшым выпадку па першай катэгорыі часамі выдаюць, і то праз год, столькі грошай, якіх ня хопіць на 400 г хлеба. І так адрабляе селянін паншчыну дарма, на сваіх харчох і сваім інструментам». Ва ўмовах усталявання марксісцка-ленінскай метадалогіі ў айчыннай гістарычнай навуцы Л. Гак не мог не выкрыць класавую сутнасць шарварак, сцвярджаючы, што «як і ўся палітыка польскага фашызму, так і шарваркі (прыгон) мае выразна клясавы змест. Памешчыкі, асаднікі, і кулакі поўнасьцю вызвалены ад прымусовай шарваркі. Яны плацяць дарожны падатак. Але ж і беднякі і сярэдніякі плацяць дарожны падатак, які перавышае суму, якая аплочваецца памешчыкамі і кулакамі» [2, с. 55, 56].

Як бачна, ужо тады былі зразумелы неадназначнасць вывучаемай з'явы, наяўнасць розных варыянтаў раскладкі і спагнання гэтага своеасаблівага віду падатку. Інфармацыя аб аплаце за выкананне шарварак і іншыя фанты ставілі пад пытанне сцвярджэнне аб адпаведных мерапрыемствах польскіх улад як сродку жорсткай эксплуатацыі і прыгону. Таму, верагодна, тэма шарварак не толькі не атрымала свайго паглыблення, але і наадварот — звязілася да канстатацыі ў спрошчаным і тэндэнцыйным выглядзе сацыяльна-эканамічнага ўціску на заходнебеларускае насельніцтва.

Менавіта так шарваркавая павіннасць узгадвалася і ў перыяд актывізацыі вывучэння гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг., якая пачалася пасля XX з'езда КПСС [3, с. 45]. У прыватнасці, у абагульняльным выданні па гісторыі БССР Ц. Гарбуноў сістэму шарварак кваліфікаваў як прымусовую павіннасць па пракладцы новых дарог, галоўным чынам ваенных, па будаўніцтве і рамонце мастоў. Каб падкрэсліць «грабежніцкую» сутнасць шарварак, неабгрунтавана сцвярджалася, што яны «паглыналі ад 60 да 110 дзён у год на адну сялянскую гаспадарку». Пры гэтым, як адзначаў аўтар, памешчыкі шырока выкарыстоўвалі гэту павіннасць для пракладкі дарог у сваіх маёнтках [4, с. 333]. Яшчэ больш сціплымі і павярхоўнымі былі згадкі пра шарваркі ў іншых выданнях. Так, калектыўная манаграфія па гісторыі КПЗБ згадвае сялянскую працоўна-гужавую (шарваркі) павіннасць як бясплатную адпрацоўку па аднаўленні і будаўніцтве дарог, мастоў, асушэнні балот [5, с. 30], А. Мацко сярод вялікай колькасці розных падаткаў, якія, паводле аўтара, шматразова ўзраслі ў параўнанні з царскім часам, назваў шарварку дарожнай павіннасцю [6, с. 41], У. Палуян у гэта паняцце ўкладаў павіннасці па рамонце дарог і мастоў [7, с. 21]. Не надалі належнай увагі шарваркам

айчынныя гісторыкі, якія, прадметна займаючыся аграрнай праблема-тыкай, паказалі павярхоўнае і спрошчанае ўяўленне аб шарварках. Так, А. Сарокін лічыў шарваркі абавязковай прымусовай працоўнай павіннасцю сялян, якія выконвалі цяжкую работу, часта ў балоце, бясплатна. Павіннасць дасягала 60, а часам нават 40 рабочых дзён на кожны сялянскі двор [8, арк. 39]. Паводле Б. Кухарава, шарваркі — гэта фурманкавая павіннасць, г. зн. праца сяляніна з канём па рамонце і правядзенні новых дарог [9, с. 81].

На думку І. Палуяна, шарваркі — гэта не толькі рамонт і будаўніцтва дарог рознага ўзроўню падпарадкавання, ад гмінных да дзяржаўных. З дапамогай шарварак ажыццяўляліся работы па падтрыманні рэк, лясоў, узвядзенні грамадскіх будынкаў, у прыватнасці школ, валасных упраў. Пры гэтым гісторык выявіў асноўную арганізацыйную асаблівасць шарварак: не было адзінага прынцыпу пры вызначэнні памераў павіннасці, усё знаходзілася ў кампетэнцыі мясцовых улад. Дэманструючы прыхільнасць да класавых прыярытэтаў, аўтар абумоўліваў перакладванне асноўнага цяжару павіннасцей на сялянскую і местачковую беднату без уліку заможнасці і памеру зямельнага надзела жаданнем мясцовых улад абараняць інтарэсы буйных землеўладальнікаў і багатых гандляроў. І. Палуян быў салідарны з адзначаным вышэй меркаваннем адносна велізарнай колькасці рабочага часу на выкананне шарварак: па Навагрудскім і Палескім ваяводствах яны дасягалі 100 рабочых дзён на год. Больш блізім да аб'ектыўнасці аўтар быў у дачыненні да памеру грашовага замяшчэння шарваркі, прыводзячы ў якасці прыкладу 1,5 злотага (далей — зл.) за пешы і 4,5 зл. за адзін дзень з канём на Пастаўшчыне [10, с. 78].

Навейшая айчынная гістарыяграфія не дэманструе асаблівай увагі да шарваркавай тэматыкі. Так, С. Грэсь пазіцыянуе з'яву як перажытак прыгонніцтва без неабходнай для прадметна-сялянскага даследавання дэталізацыі. Паводле аўтара, у першыя гады польскай акупацыі сяляне былі вымушаны бясплатна вылучаць падводы для абслугоўвання паліцыі і чыноўнікаў, выконваць дарожныя павіннасці — шарваркі, выходзіць на рамонт дарог і мастоў без усялякай аплаты [11, с. 160].

Праведзены гістарыяграфічны агляд выявіў недастатковую ўвагу айчынных даследчыкаў да шарваркавай тэматыкі, але паказаў пэўную навукова-тэарэтычную базу для далейшага вывучэння тэмы. Навуковыя ўяўленні адносна сістэмы шарваркавай павіннасці ў асноўным вызначаліся поглядам на яе як на цяжкую абавязкова-прымусовую, бясплат-

ную адпрацовачную павіннасць, якая адлюстроўвала і пацвярджала сутнасць польскай улады.

На фоне недастатковай увагі да шарварак, неаднастайнасці фармулёвак і ацэнак дадзенай з’явы трэба адзначыць наяўнасць крыніц нарматыўнай прававой базы шарварак у выглядзе статутаў, уставаў і інструкцый міністэрстваў і ведамстваў Польшчы, органаў улады розных узроўняў [12—14]. Пры гэтым названыя нарматыўныя прававыя акты не ўтрымліваюць тэрміна «шарварка», у адрозненне ад справаводства на ўзроўні паветаў і гмін.

У архівах Рэспублікі Беларусь па дадзенай праблематыцы адклаўся вялікі масіў дакументаў, у тым ліку і не кранутых даследчыкамі. Адзначаючы неаднолькавую ступень захаванасці шарваркавага справаводства і рэпрэзентатыўнасці крыніц па розных рэгіёнах, трэба заўважыць, што архіўныя дакументы дазваляюць істотна дэталізаваць і ўдакладніць канкрэтыку шарваркавай тэматыкі на ўзроўні асобных адміністратыўна-тэрытарыяльных адзінак — гмін і магістратаў. Такімі, напрыклад, з’яўляюцца матэрыялы Прыбарайскай гміннай управы і гміннай рады Брэсцкага павета, у тым ліку бюджэт гміны і перапіска з павятовымі ўладамі па адміністратыўна-гаспадарчых пытаннях, звесткі Пружанскага павятовага староства, у прыватнасці перапіска з Мікіціцкай гміннай управы аб рамонце шашэйных дарог і мастоў, дакументы Міжлескай гміны Пружанскага павета, у тым ліку зацверджанае гміннай радай палажэнне аб выкарыстанні працоўнай павіннасці на дарожных работах і звесткі аб яе выкананні, перапіска магістрата мястэчка Індура з павятовым аддзелам Гродзенскага сейміка і Гродзенскім павятовым староствам аб рамонце шашэйных і грунтовых дарог і інш. [15—18].

Асаблівую каштоўнасць уяўляюць матэрыялы фонда Верцялішскай гміны Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, якія найбольш поўна з выяўленых рэпрэзентуюць шарваркавую праблематыку. У прыватнасці, фонд гміны змяшчае перапіску з гродзенскім старостам і павятовым аддзелам па шарварках, справаздачы аб пабудове і рамонце дарог на тэрыторыі гміны з указаннем падрабязнай інфармацыі аб канкрэтных камунікацыях, іх працягласці, дарожны бюджэт гміны па гадах, статут аб натуральных дарожных павіннасцях, распараджэнні старосты аб выкананні сялянамі працоўнай павіннасці з указаннем спісаў сялян, памераў аплат і колькасці днёвак, справаздачу павятовага дарожнага наглядчыка аб будаўніцтве дарог пры выкананні працоўнай павіннасці, заявы жыхароў аб вызваленні іх ад працоўнай павіннасці і інш. [19—23]. Дэталіза-

цыя і канкрэтыка шарваркавай павіннасці ў гэтых дакументах сваёй разнапланавай сутнасцю істотна выходзяць за рамкі тэмы, дазваляюць пашырыць і ўдакладніць уяўленні адносна многіх аспектаў сацыяльна-эканамічнай палітыкі польскіх улад, гаспадарча-эканамічнага жыцця, камунікацый.

Дакументы пацвярджаюць кампетэнцыю павятовых і гмінных улад пры вызначэнні зместу работ і памераў шарварак, выяўляюць працягласць працы на шарваркавых аб'ектах, напрыклад даўжыню, вышыню і шырыню выкананай часткі дарогі для праезду, аб'ём прывезенай зямлі і сярэдняю адлегласць яе давозу, колькасць ужытых матэрыялаў і адлегласць іх дастаўкі, выкапаня і паглыбленыя рвы, збудаваныя новыя і адрамантаваныя старыя масты, адпаведныя паказчыкі меліярацыйных і іншых работ, нават нязначныя віды прац, на якія выдаткоўвалі грошы. У прыватнасці, Міжлеская гмінная рада Пружанскага павета 12 студзеня 1932 г. пасля падвядзення вынікаў выканання шарваркавых прац у 1931 г. прыняла Палажэнне аб выкарыстанні дарожнай павіннасці на тэрыторыі гміны на 1931—1932 гг. Гмінная ўправа ў справаздачы праінфармавала раду аб рамонце гмінных дарог і выкананні меліярацыйнай шарваркі ў 1931—1932 гг. з указаннем тэрміну прац на адпаведных дарогах і каналах, іх даўжыні і шырыні, сярэдняй вышыні паднятай часткі дарогі для праезду, аб'ёму прывезенай зямлі, сярэдняй адлегласці давозу зямлі, каменю, фашыны, колькасці ўжытых матэрыялаў і адлегласці іх дастаўкі, выкапаных і паглыбленых рвоў, збудаваных новых і адрамантаваных старых мастоў. Справаздача была дакладная, улічваліся нават асобныя нязначныя віды прац, у прыватнасці, на прыборку прыдарожнай таполі, якая ўпала ў час буры, было выдаткавана каля 10 зл., а з 20 па 26 верасня 1931 г. шарваркавыя і меліярацыйныя працы былі перарваны дажджом. Урад гміны выказаў згоду на замену натуральнай павіннасці на аплату грашыма ці матэрыяламі, вартасць аднаго рабочага пешага дня — 2 зл., аднаконнай фурманкі — 4 зл., двухконнай фурманкі — 6 зл., кубічны метр фашыны ў лесе — 0,5 зл., прывезенай з уласнага лесу з адлегласці 4 км да дарогі і ўкладзенай шчыльна ў стосы — 1,5 зл., з 8 км — 2 зл., з 12 км — 3 зл. Адзін кубічны метр каменю, дастаўленага на месца працы і ўкладзенага ў штабель: давезенага да 4 км — 15 зл., да 8 км — 18 зл., да 13 км — 20 зл., метр апрацаванай сасновай драўніны не меней 20 см на пні — 35 зл. Праграма работ меліярацыйнай шарваркі прадугледжвала расчыстку 21,5 км каналаў, выкопанне новага канала на 20,5 км сіламі 10 650 работнікаў [17, арк. 1, 12—15, 26—29, 30—33, 47, 98, 100].

Патрабуе ўдакладнення інфармацыя аб свавольстве цывільных і вайсковых улад у карыстанні шарваркавымі магчымасцямі, у прыватнасці фурманкамі (мясцовыя ўлады ажыццяўлялі за гэтым адпаведны нагляд). Так, пружанскі павятовы староста 21 сакавіка 1922 г. вымагаў ад гмінных урадаў, магістратаў, начальнікаў раёнаў падрабязную інфармацыю аб выкарыстанні падвод, запатрабаваных рознымі дзяржаўнымі, раённымі і гміннымі ўладамі, солтысамі вёсак [24, арк. 52]. У далейшым староста рэгламентаваў дадзеную сферу распараджэннямі аб рэквізіцыі і выкарыстанні коней для падводнай павіннасці, аб недапушчэнні п'янай і соннай язды для бяспекі руху і ахове дарог ад псавання, аб коштах за карыстанне дарогамі (да 10 км — парнаконная падвода 30 гр., аднаконная — 20 гр.), аб фінансаванні магістратамі і гміннымі ўрадамі работ па будаўніцтве мастоў [16, арк. 1, 4, 37].

Памер шарваркавай павіннасці залежаў ад памеру і якасці зямельнай маёмасці: большы памер і больш высокая катэгорыя зямельнай уласнасці вымагала ад землеўладальніка большага ўдзелу ў выкананні адпаведных работ у натуральным ці грашовым выглядзе. Напрыклад, у 1933 г. у в. Капліца Малая Гродзенскага павета зямельны падатак для асобных гаспадароў у памеры 2,96 зл., 11,48 зл., 18,12 зл. і 24,18 зл. дапаўняўся выкананнем пешых шарваркавых днёвак у памеры 1, 3, 5 і 6 дзён адпаведна, якія маглі быць заменены грашовым эквівалентам з разлікам 2 зл. за адзін дзень. І калі, напрыклад, Антоній Рапейка меў зямельны падатак у 11,48 зл., тры першыя дні працоўнай павіннасці ці 6 зл., то Хелена Эсмант мела больш высокія адпаведныя паказчыкі: 34,48 зл., 8 днёвак ці 16 зл. [25, арк. 1 адв., 15 адв.].

Нарматыўная прававая база дапускала існаванне акордавых работ з указаннем мінімальных норм працы на працягу васьмі гадзін. Красамоўнай ілюстрацыяй гэтага з'яўляецца інструкцыя «Нормы для работ акордавых пры выкананні шарваркі на дарогах у Гродзенскім павеце», якая дзейнічала ў сярэдзіне 1930-х гг. [21, арк. 79].

Удзел у грамадска-дзяржаўных справах мог быць павялічаны пры ўмове атрымання суб'ектам гаспадарання пэўных даброт ад дзяржаўных ці мясцовых органаў улады. Напрыклад, гмінная ўправа Верцялішкі паведамляла аб неабходнасці да 1 ліпеня 1936 г. адпрацаваць шарваркавую павіннасць пешых 5 дзён або 2 дні з фурманкай аднаконнай — у Верцялішках пры забрукаванні вуліцы за атрыманае збожжа для севу вясной бягучага года ў памеры 50 кг, за 100 кг пасяўнога збожжа адпрацоўкі павялічваліся ўдвая [21, арк. 102, 103].

Дакументы мясцовага справаводства ўтрымліваюць інфармацыю і аб фактычным удзеле жыхароў, якія адбывалі шарварку. Напрыклад, звесткі Рэвяціцкай гміннай управы Пружанскага павета за 1932 г. даюць уяўленне аб персанальнай раскладцы павіннасці сярод 1546 жыхароў гміны з указаннем віду прац, колькасці днёвак, сумы грашовага замяшчэння і штрафаў за непрыбыццё на работу з улікам прадстаўленых фінансавых дакументаў. У сярэднім за год працавалі прыблізна па 5—6 дзён, былі асобы, якія працавалі і па 8, 9, 10 дзён. Адзін дзень працы пешшу звыш адведзенага падаткам каштаваў 1,5 зл., аднаконны — 3 зл. [26, арк. 1, 275].

Шарваркавыя абавязкі маглі перакладацца і карэктавацца на карысць грамадзян, якія не мелі магчымасці атрымаць вызваленне ад удзелу ў выкананні шарваркавай павіннасці часткова ці цалкам на падставе ўважлівых прычын, што выкладаліся ў пісьмовых зваротах на імя мясцовай адміністрацыі. У прыватнасці, жыхары Верцялішскай гміны неаднойчы выкарыстоўвалі такую магчымасць падтрымання свайго матэрыяльнага становішча. Так, Стэфан Абуховіч з фальварка Боркі ў 1937 г. прасіў гмінны ўрад аб спісанні яму залеглай за 1935—1937 гг. шарваркі ў суме 87 зл., аргументуючы просьбу тым, што ў апошнія гады панёс выдаткі на «генеральны рамонт» будынкаў і пакупку жывога інвентара, у той час як маёмасны падатак складаў 745,04 зл. Непісьменныя Юзаф і Агата Красоўскія 82 і 75 гадоў прасілі звольніць ад шарваркі на 1938 г., бо не маглі па старасці даглядаць каля 2 га рознага гатунку зямлі і вымушаны былі аддаць яе дзяржаве. Таксама непісьменны Антоні Клавэ з в. Капліца Малая прасіў знізіць колькасць днёвак з 14 па старасці сваёй і жонкі (65 і 60 гадоў); два сыны служылі ў войску, адзін жыў асобна. Як слушная ўспрымалася просьба Стэфана Саўко, які ў сувязі з камасацыяй пераносіў сваю гаспадарку на калонію, знаходзіўся ў цяжкім матэрыяльным стане, не меў вольнага часу, прасіў спісаць шарварку за 1938 г. Сустракаліся просьбы ад створаных у час камасацыі новых паселішчаў, напрыклад, радцы грамады в. Капліца Вялікая прасілі дазволіць адпрацоўваць шарварку на дарогах сваёй, а не чужой вёскі. Мелі месца звароты з просьбай аб скарэктаванні шарваркавай дарогі і інш. [19, арк. 5, 16, 46, 47, 90, 91, 103]. У выпадку перадачы зямлі ў карыстанне іншай асобе без юрыдычнага афармлення падатковы і шарваркавы цяжар неслі юрыдычныя землеўладальнікі, якія звярталіся да гміннай управы з просьбай перамеркаваць працоўную павіннасць паміж ім і землекарыстальнікамі [27, арк. 9]. Паводле Цыркуляра Міністэрства ўнутраных спраў ад 11 лютага 1933 г., ад падводнай павіннасці вызваліліся сяляне, якія аддалі сваіх

коней для падрыхтоўкі кракусаў (krakusów) — кавалерыі з мясцовага насельніцтва [19, арк. 4; 28, арк. 91].

Што тычыцца вартавой павіннасці, то, не выключаючы яе прыму-сова-размеркавальны характар, трэба адзначыць факты выплаты дарожнымі павятовымі службаў значных сум за вартаніцтва пры правядзенні шарваркавых работ. У прыватнасці, Антоній Таланкевіч з Верцялішскай гміны за «dozorowanie» (ахова, варты) за перыяд з 29 мая па 8 чэрвеня 1936 г. атрымаў 43,56 зл., яшчэ раней атрымаў суму за вартаніцтва ў памеры 243,20 зл. [21, арк. 10, 19, 20—36].

Наяўныя дакументы не пацвярджаюць інфармацыю аб этнасацыяльнай абумоўленасці і дыскрымінацыйнай сутнасці шарваркавай павіннасці ў дачыненні да беларускіх сялян. Адпаведныя абавязкі павінны былі выконваць усе грамадзяне незалежна ад сацыяльнай і нацыянальнай прыналежнасці. Так, 9 снежня 1931 г. павятовы адзел гродзенскага сейміка настойліва звяртаўся да Жааны Друцка-Любецкай з паведамленнем аб неабходнасці выканання дарожнай павіннасці ў памеры 100 пешых работнікаў ці 300 зл. [20, арк. 54].

Матэрыялы вуснай гісторыі згадваюць работы па асушэнні балот, за ўдзел у якіх «пань» кармілі абедам і давалі адзін злоты ў дзень. Распаўсюджанай з'явай заходнебеларускай рэчаіснасці была наяўнасць шматлікіх праектаў мясцовага ўзроўню, звязаных з будаўніцтвам дарог, рэалізацыяй меліярацыйных праектаў, якія фінансаваліся ўладамі, давалі заробак многім беспрацоўным палешукам і адчувальна паляпшалі эканамічнае і культурнае «самаадчуванне краю» [3, с. 164].

Такім чынам, гісторыя арганізацыі і выканання натуральна-грашовай павіннасці для ажыццяўлення грамадска значных сацыяльна-эканамічных мерапрыемстваў, якія ўвайшлі ў гісторыю як шарваркавая павіннасць, у айчыннай гістарыяграфіі не атрымала прадметнага даследавання. Пры гэтым крыніцавая база перспектыўнага вывучэння шарварак вызначаецца наяўнасцю ў айчынных архівах вялікага масіву самай разнастайнай інфармацыі як нарматыўна-прававога, так і ўлікова-справаздачнага, апісальнага характару.

Шарваркі — характэрную асаблівасць сацыяльна-эканамічнага жыцця Заходняй Беларусі 1920—30-х гг. — трэба разглядаць як грамадзянскі абавязак насельніцтва па ажыццяўленні значных для дзяржавы і грамадства рамонтна-будаўнічых мерапрыемстваў (будаўніцтва і рамонт дарог, мастоў, грэбляў, каналаў, грамадскіх будынкаў і інш.). Шарварка ажыццяўлялася праз выкананне пэўных работ і фінансаванне, памер якіх

усталёўваўся мясцовымі прадстаўнічымі і выканаўчымі ўладамі, залежаў ад канкрэтных патрэб часу і рэгіянальнай спецыфікі. Удзел у працах мог быць заменены ўнясеннем адпаведных грашовых сум, якія ішлі на аплату правядзення патрэбных работ, што стварала магчымасць заробку для зацікаўленага насельніцтва і мела вялікае сацыяльнае значэнне ва ўмовах беспрацоўя. Шырокавядомыя выпадкі ўдзелу сялян у выкананні работ на карысць буйных землеўладальнікаў трэба выносіць за рамкі шарварак, бо яны, відавочна, ажыццяўляліся па-за адпаведным нарматыўным прававым полем.

Асэнсаванне шарваркавай праблематыкі выяўляе высокую ступень адказнасці і ініцыятывы мясцовай улады і насельніцтва ў цэлым па арганізацыі грамадска значных мерапрыемстваў, накіраваных на ўдасканаленне гаспадарчага і сацыякультурнага жыцця, у тым ліку фінансаванне адпаведных праектаў за кошт мясцовых сродкаў.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Шнейдэр Я.* Становішча сялянства Заходняй Беларусі / адк. рэд. Л. Янкоўская. Мінск : Беларус. акад. навук, 1935.
2. *Гак Л.* Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Ін-т гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі : Партмассэктар, 1933.
3. *Савіч А. А.* Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921—1939 гады) : гістарыяграфія праблемы. Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012.
4. Гісторыя Беларускай ССР : у 2 т. / АН БССР, Ін-т гісторыі ; пад рэд. І. С. Краўчанкі і Н. В. Каменскай. Мінск : Выд-ва АН БССР, 1958. Т. 2.
5. Рэволюцыйны шлях Кампартыі Западнай Беларусі (1921—1939 гг.) / А. Н. Мацко [і др.] ; пад рэд. А. Н. Мацко і В. Е. Самуціна. Мінск : Беларусь, 1966.
6. *Мацко А. Н.* Рэволюцыйная барацьба трыяшыхся Польшы і Западнай Беларусі супраць гнета буржуазіі і помешчыкаў (1918—1939 гг.). Мінск : Беларусь, 1972.
7. *Полуян В. А.* Рэволюцыйна-дэмакратычнае рухавішча ў Западнай Беларусі (1927—1939 гг.). Мінск : Наўка і тэхніка, 1978.
8. *Сорокін А. А.* Аграрны впрас ў Западнай Беларусі (1920—1939 гг.). Мінск : Наўка і тэхніка, 1968.
9. *Кухарев Б. Е.* Сельскае хазяйства Западнай Беларусі (1919—1939 гг.). Мінск : Выш. шк., 1975.
10. *Полуян И. В.* Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929—1933 гг. Мінск : Наўка і тэхніка, 1991.
11. *Грэсь С. М.* Аграрныя пераўтварэнні ў Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. Гродна : ГрДМУ, 2012.
12. Ustawa z dnia 10 grudnia 1920 r. o dostarczeniu środków przewozowych do budowy i utrzymania dróg publicznych i mostów // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1920. № 6. S. 67—69.

13. Ustawa z dnia 10 grudnia 1920 r. o budowie i utrzymaniu dróg publicznych w Rzeczypospolitej Polskiej // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1920. № 6. S. 70—76.
14. Ustawa z dnia 26 marca 1935 r. o świadczeniach w naturze na niektóre cele publiczne // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1935. № 27. S. 471—473.
15. Протоколы заседаний гминного правления и гминной рады, переписка гминного правления с поветовым отделом Брестского сеймика по административно-хозяйственным вопросам. 14 сент. 1924 г. — 28 дек. 1925 г. // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДзАБВ). Ф. 26. Воп. 1. Спр. 37.
16. Распоряжения Пружанского поветового староства, переписка гминного правления с поветовым староством о ремонте шоссейных дорог и мостов, списки дорог и мостов, подлежащих ремонту. 10 янв. 1925 г. — 24 марта 1926 г. // ДзАБВ. Ф. 28. Воп. 1. Спр. 62.
17. Положение об использовании трудовой повинности на дорожных работах, утвержденное гминной радой 12 янв. 1932 г., и сведения об исполнении этой повинности гражданами гмины за 1931—1932 гг. // ДзАБВ. Ф. 28. Воп. 1. Спр. 45.
18. Переписка с поветовым отделом Гродненского сеймика, Гродненским поветовым староством и магистратом местечка Индура о ремонте шоссейных и грунтовых дорог. 20 янв. 1930 г. — 30 окт. 1930 г. // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДзАГВ). Ф. 103. Воп. 1. Спр. 9.
19. Заявления жителей Вертелишской гмины о снятии с них трудовой повинности, переписка с Гродненским старостой и поветовым отделом по этому вопросу; отчет о постройке и ремонту дорог в Вертелишской гмине. 25 фев. 1937 г. — 30 дек. 1938 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 210.
20. Переписка с Гродненским поветовым отделом Гродненского сеймика о строительстве и ремонте дорог Вертелишской гмины. 22 дек. 1930 г. — 15 дек. 1931 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 214.
21. Распоряжения старосты о выполнении крестьянами трудовой повинности, списки крестьян; отчет о ремонте дорог крестьянами, исполнявшими трудовую повинность. 23 янв. 1935 г. — 21 дек. 1936 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 188.
22. Отчет дорожного надзирателя о постройке гминных дорог крестьянами при исполнении трудовых повинностей. 15 мая 1935 г. — 10 дек. 1935 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 199.
23. Бюджет на дорожное строительство в гмине за 1931—1932 гг. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 194.
24. Статистические сведения о количестве земель по деревням и списки жителей гмины с указанием размеров земельных владений, скота и рабочих рук. 1922 г. // ДзАБВ. Ф. 28. Воп. 1. Спр. 186.
25. Журнал учета крестьян, исполнявших трудовую повинность по ремонту дорог за 1922—1923 гг. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 217.
26. Именной список жителей гмины, отбывавших трудовую повинность по ремонту дорог за 1932 г. // ДзАБВ. Ф. 28. Воп. 1. Спр. 93.
27. Заявления жителей о снижении и снятии с них земельного и дорожного налогов, переписка с Гродненским финансовым управлением по этому же вопросу. 5 дек. 1933 г. — 29 дек. 1934 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 139.
28. Циркуляр Министерства внутренних дел об освобождении крестьян, отдавших лошадей для военных нужд, от трудовой повинности. 20 мая 1933 г. — 20 окт. 1935 г. // ДзАГВ. Ф. 57. Воп. 1. Спр. 30.

А. М. ЧИЖ

ПРОБЛЕМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются основные направления современных исследований места и роли энергетической безопасности во внутренней политике и во взаимоотношениях между государствами, анализируются их ключевые различия.

The article discusses main contemporary research trends in the area of energy security and its role in domestic policy and relations between states, and provides the analysis of their key differences.

Ключевые слова: энергетическая безопасность; энергоносители; политизация; национальная безопасность; направления исследования.

Keywords: energy security; energy; politicization; national security; areas of research.

Доступ к топливно-энергетическим ресурсам, бесперебойное энергообеспечение играют ключевую роль в жизни государства, поскольку обеспечивают функционирование всех его систем. Регулярные колебания цен на энергоносители, когда спад сменяется резким скачком вверх, оказывают влияние и на потребителей, и на производителей энергии.

К данной проблеме возрастает интерес ученых, стремящихся определить факторы влияния энергетической безопасности на внутреннюю и внешнюю политику стран. Получают распространение исследования по энергетической безопасности и ее последствиям для межгосударственных отношений. В силу того что проблема проявилась в последней трети XX в., а в политику большинства стран мира прочно вошла в

начале XXI в., она рассматривается в контексте различных вопросов национальной, региональной, международной безопасности или в рамках анализа энергетической политики. Однако в последнем случае внимание акцентируется на угрозах и мерах укрепления энергетической безопасности, а не на ее сущности и месте среди других видов безопасности.

Вместе с тем существующие работы обладают определенными общими чертами, которые позволяют их систематизировать. Цель статьи — проанализировав исследования проблемы энергетической безопасности, выделить основные направления ее изучения в современной историографии.

Вопрос влияния энергетических ресурсов на межгосударственные отношения не является новым для ученых-международников. Так, в 1948 г. американский исследователь Г. Моргентау подчеркивал значимость энергетических ресурсов для укрепления мощи страны и расширения ее позиций на мировой арене [27]. Дж. Най-мл. [10], проанализировав, как различные государства воздействуют на мировую политику, дал развернутую характеристику роли нефти и природного газа (энергоносителей) в распространении влияния тех стран, которые обладают значительными запасами этих полезных горючих ископаемых.

З. Бжезинский в работе «Великая шахматная доска» [2] неоднократно обращается к роли энергоносителей и путей их доставки в контексте геополитической динамики на Евразийском континенте. Он подчеркивает, что важнейшим фактором укрепления независимости государств Центральной Азии и Кавказа является развитие топливно-энергетического комплекса и строительство нефте- и газопроводов из названных регионов в страны Западной Европы, минуя территорию Российской Федерации.

В упомянутых работах рассматривается не столько энергетическая безопасность, сколько роль и место топливно-энергетических ресурсов в геополитической динамике. Такого же направления придерживаются сотрудники Центра стратегических и международных исследований под руководством С. Ладислоу и Ф. Веррастро [24—26], а также российский ученый Ю. В. Боровский, который изучает роль энергетики в современных международных отношениях и проблему политизации вопросов обеспечения доступа к топливно-энергетическим ресурсам [3; 4]. Несмотря на то что в работах этих исследователей не затрагиваются теоретические аспекты энергетической безопасности, они открывают доро-

гу к пониманию энергетической безопасности как неотъемлемой части системы национальной и международной безопасности.

Названные исследователи подробно анализируют взаимосвязь между энергетическими ресурсами и политикой государств на международной арене, но не дают ответа на вопрос о месте энергетической безопасности в системе национальной, региональной и международной безопасности, не раскрывают сути понятия энергетической безопасности, а лишь делают акцент на угрозах безопасности и их последствиях.

Широкое распространение получили работы, посвященные теоретическим аспектам энергетической безопасности. Сегодня можно выделить четыре основных направления изучения энергетической безопасности как отдельными учеными, так и экспертами международных организаций, в той или иной степени связанных с энергетической сферой:

1) исследования проблем обеспечения (ограничения) доступа к топливно-энергетическим ресурсам. Во внимание принимаются два фактора: отсутствие перебоев в поставках энергоносителей и приемлемость цен на них. В рамках этого направления энергетическая безопасность понимается как способность местных и импортируемых ресурсов удовлетворять растущий спрос на энергию в течение определенного периода времени по доступным ценам [22]. В процессе анализа может быть затронута экологическая составляющая энергоснабжения [21];

2) исследования места и роли энергетической безопасности в системе национальной безопасности. В указанном формате энергетическая безопасность рассматривается в широком контексте угроз и мер укрепления национальной безопасности и выступает самостоятельным компонентом национальной безопасности. В. И. Анненков, С. З. Жизнин [7], А. А. Прохожев [13] под энергетической безопасностью понимают «состояние защищенности жизненно важных “энергетических интересов” личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [1, с. 37];

3) исследования места и роли энергетической безопасности в подсистеме экономической безопасности. В рамках этого направления, наиболее распространенного, основное внимание уделяется взаимосвязи вопроса доступности энергоресурсов и степени экономического развития государства. В данном случае энергетическая безопасность – это наличие достаточных объемов энергии для удовлетворения базовых потребностей населения и создания возможностей для достижения опре-

деленного уровня развития [28]. Следует упомянуть исследования экспертов Всемирного банка [21], белорусских ученых А. А. Михалевича [9], С. С. Полоника [14], В. Н. Шимова [18], российских ученых Д. В. Гордиенко [5], В. И. Салыгина [15]. К этому направлению необходимо отнести коллективные труды белорусских авторов «Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы» [11] и «Национальная безопасность Республики Беларусь» [12], в которых представлена подробная характеристика проблем, угроз и путей обеспечения энергетической безопасности в контексте экономического развития белорусского государства;

4) исследования системы энергетической безопасности. Американский исследователь Д. Ергин [29; 30] подчеркивает, что энергетическая безопасность — «это... система, состоящая из национальной политики и международных институтов, задача которых — скоординированно реагировать на перебои, нарушения и чрезвычайные ситуации, а также оказывать помощь в поддержании стабильного притока ресурсов» [30, с. 267]. В свою очередь, А. Хоффман считает, что энергетическая безопасность носит всеобъемлющий характер и затрагивает все сферы жизнедеятельности общества и соответственно все уровни национальной (региональной, международной) безопасности [23]. Аналогичных взглядов придерживается Ф. Корнелл [19].

В рамках этого направления исследований следует отметить болгарского ученого К. Денчева, который, опираясь на выводы Д. Ергина, анализирует особенности современной мировой системы энергетической безопасности. Он определяет фундаментальное различие в интересах экспортеров и импортеров энергоресурсов: первые стремятся получить максимальную выгоду от торговли ресурсами и сохранить контроль над своими запасами и ТЭК, в то время как импортеры нацелены на либерализацию этой сферы международной торговли и расширение доступа к энергоносителям [6, с. 5]. Энергетическую безопасность как систему регионального и мирового характера рассматривает российская исследовательница Е. А. Телегина [16; 17], однако она уделяет внимание преимущественно экономическим факторам, таким как баланс спроса и предложения, цены на нефть и природный газ, себестоимость добычи и т. д.

Таким образом, существует целый ряд исследований, посвященных влиянию топливно-энергетических ресурсов на международные отношения. Особую актуальность приобретают работы, в которых рассмат-

риваются теоретические основы энергетической безопасности. В совокупности их можно классифицировать по четырем направлениям, отличающимся различным пониманием природы энергетической безопасности. В их числе наиболее перспективно четвертое направление, в рамках которого энергетическая безопасность рассматривается как самостоятельная система. Именно эти работы дают комплексную оценку энергетической безопасности на национальном, региональном и международном уровнях, а также позволяют проанализировать ее влияние на различные сферы деятельности государства.

Следует отметить, что белорусские ученые недостаточно многопланово исследуют проблемы энергетической безопасности республики. В частности, в научных кругах преобладает методика изучения данного вида безопасности через призму экономики, в то время как в органах государственного управления энергетическая безопасность все чаще рассматривается как компонент национальной безопасности [8]. Позиция органов государственного управления представляется более приемлемой, поскольку расширяет понимание энергетической безопасности в направлении ее взаимосвязи с международными отношениями, а также с внешней и внутренней политикой государства в целом. Данное обстоятельство позволяет рассматривать энергетическую безопасность как систему на национальном и региональном уровне, что дает возможность изучать ее в рамках четвертого направления и в перспективе может обеспечить более активное внедрение актуальных для Республики Беларусь наработок белорусских ученых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анненков В. И., Лахтовский Н. М. Энергетическая безопасность в условиях глобализации // Обозреватель. 2010. № 1. С. 36–47.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
3. Боровский Ю. В. Политизация мировой энергетики // Современная мировая политика. Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 317–330.
4. Боровский Ю. В. Энергетическое измерение международных отношений // Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 606–627.
5. Гордиенко Д. В. Основы экономической безопасности государства: курс лекций: учеб.-метод. пособие. М.: Финансы и статистика: ИНФА-М, 2009.
6. Денчев К. Мировая система энергетической безопасности: история и перспективы // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 39–58.

7. *Жизнин С. З.* Энергетическая дипломатия. Международная энергетическая безопасность : учеб. слов. М. : МГИМО-Университет, 2013.
8. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1084. URL: <http://www.government.by/upload/docs/file5a034ca617dc35eb.PDF> (дата обращения: 24.12.2015).
9. *Михалевич А. А.* Пора всерьез заняться энергобезопасностью [Электронный ресурс] // Экон. газ. 2003. 20 мая. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/aleksandr-mihalevich-pora-vserez-zanyatsya-energobezopasnostyu-2291> (дата обращения: 02.12.2015).
10. *Най Дж. С. мл.* Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Вечерко. М. : АСТ, 2014.
11. Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович [и др.] ; Ин-т нац. безопасности Беларуси, Гос. науч. учреждение «Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси». Минск : Право и экономика, 2003.
12. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясниковича и Л. С. Мальцева. Минск : Беларус. навука, 2011.
13. Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А. А. Прохужева. Изд. 2. М. : Изд-во РАГС, 2005.
14. *Полоник С. С.* Экономическая безопасность Республики Беларусь в условиях финансового кризиса: внешнеэкономические и финансовые аспекты. Минск : НИЭИ М-во экономики Респ. Беларусь, 2009.
15. *Салыгин В. И., Сафарян А. В.* Энергетические проблемы в мировой политике // Современные международные отношения и мировая политика : учебник / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение : МГИМО, 2004. С. 381—407.
16. *Телегина Е. А.* Кризис доверия: новое измерение энергетической безопасности и энергетическое будущее Евразии // Энергет. политика. 2014. № 5. С. 32—36.
17. *Телегина Е. А.* Новое измерение глобальной энергетической безопасности // Мировая экономика и междунар. отношения. 2015. № 11. С. 5—16.
18. *Шимов В. Н., Крюков Л. М., Бондарь А. В.* Некоторые аспекты актуализации критериев и показателей экономической безопасности Республики Беларусь // Белорус. экон. журн. 2015. № 1. С. 4—14.
19. *Cornell P. E.* Energy Security as National Security: Defining Problems Ahead of Solutions [Electronic resource] // J. of Energy Security. 19 Febr. 2009. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=183:energy-security-as-national-security-defining-problems-ahead-of-solutions1&catid=92:issuecontent&Itemid=341 (date of access: 30.03.2014).
20. Energy Security [Electronic resource] // The Official Website of the Intern. Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/topics/energysecurity/> (date of access: 03.04.2014).
21. Energy Security Issues. The Briefing Paper [Electronic resource] // The Official Website of the World Bank Group. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/Energy_Security_eng.pdf (date of access: 01.04.2015).
22. Europe's Vulnerability to Energy Crises [Electronic resource] // The Official Website of the World Energy Council. URL: http://www.worldenergy.org/documents/ser_2010_report_1.pdf (date of access: 20.03.2015).
23. *Hoffman A. R.* Energy Poverty and Security [Electronic resource] // J. of Energy Security. 23 Apr. 2009. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=185:energy-poverty-and-security&catid=94:0409content&Itemid=342 (date of access: 30.03.2015).

24. *Ladislaw S.* Energy and Development Trends: The Role of Rapidly Emerging Countries [Electronic resource] // The Official Website of the Centre for Strategic and Intern. Studies. URL: http://csis.org/files/publication/111219_Ladislaw_EnergyDevelopment_Web.pdf (date of access: 01.04.2015).

25. *Ladislaw S., Verrastro F.* The Geopolitics of Energy. Emerging trends, changing landscapes, uncertain times [Electronic resource] // The Official Website of the Centre for Strategic and Intern. Studies. URL: http://csis.org/files/publication/101026_Verrastro_Geopolitics_web.pdf (date of access: 01.04.2015).

26. *Ladislaw S., Leed M.* New Energy, New Geopolitics. Balancing stability and leverage [Electronic resource] // The Official Website of the Centre for Strategic and Intern. Studies. URL: http://csis.org/files/publication/140409_Ladislaw_NewEnergyNewGeopolitics_WEB.pdf (date of access: 01.04.2015).

27. *Morgenthau H. J.* Politics among nations: the struggle for power and peace. 7th ed. / rev. by K. W. Thompson and W. David Clinton. N. Y. : McGraw-Hill/Irwin, 2006.

28. *Rogner H. H.* The Costs of Energy Supply Security [Electronic resource] // The Official Website of the Intern. Agency of Atomic Energy. URL: https://www.iaea.org/OurWork/ST/NE/Pess/assets/Energy_Security_WEC_paper070123.pdf (date of access: 03.04.2015).

29. *Yergin D.* The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. N. Y. : Simon & Schuster, 1991.

30. *Yergin D.* The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. N. Y. : Penguin Press HC, 2011.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 снежня 2015 г.

СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ

Д. В. МОРОЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921—1939 гг.

Рассматриваются подходы в изучении вопроса охраны памятников на территории Западной Беларуси в 1921—1939 гг. в польской и белорусской историографии, основные направления историографии по данной проблематике.

The approaches of heritage protection study in Western Belarus in 1921—1939 in Polish and Belarusian historiography as well as main historiography trends related to this matter are reviewed.

Ключевые слова: Западная Беларусь в 1921—1939 гг.; историография; охрана памятников.

Keywords: Western Belarus in 1921—1939; historiography; heritage protection.

В межвоенный период, когда земли Западной Беларуси входили в состав Второй Речи Посполитой, на их территории развернулся процесс по инвентаризации, консервации и реставрации памятников историко-культурного наследия. Он составил часть общегосударственной политики Польши того времени, направленной на укрепление культурных фундаментов восстановленного государства.

Интенсивные практические работы по охране памятников подвели научную общественность к необходимости методического осмысления этого процесса, инвентаризации недвижимых памятников. Результатом стало появление в 1930—1931 гг. журнала «Ochrona Zabytków Sztuki» [33],

---

Марозаў Дзмітрый Віктаравіч — аспірант кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: dzmitry_marozau@yahoo.com

---

который издавался Министерством вероисповеданий и народного просвещения, а также Управлением главного консерватора памятников (Urząd Generalnego Konserwatora Zabytków) — высшего органа охраны памятников страны. Большая часть статей, размещенных на страницах этого специализированного журнала, посвящена общим достижениям польской реставрации и консервации 1920-х гг.

Я. М. Войцеховский в статье «Co zrobiono w Polsce w zakresie odbudowy, restauracji i konserwacji zabytków sztuki w latach 1919—1929» [49] представил список мест и объектов, где были проведены реставрационные и консервационные работы. Схожий характер имела и консерваторская хроника за 1919—1930 гг., опубликованная в этом же журнале [27]. Отдельные статьи более подробно рассматривают работы на тех или иных памятниках. К теме исследования относятся статьи автора, посвященные старому королевскому замку в Гродно [50]. Войцеховский подчеркивал, что все они носят информационно-отчетный характер без анализа проведенных мероприятий в контексте консервационной теории.

Тематика консервационных работ в замках на территории Западной Беларуси раскрывается в публикациях С. Лоренца, часть которых переведена на белорусский язык. Однако большинство работ данного автора пока не переводились, как, например, статья, посвященная консервации замка в Крево [30].

По такому же описательному принципу построены и статьи, размещенные на страницах других периодических изданий 1920—30-х гг. Среди них стоит выделить краеведческий журнал «Zemia» [32] и специализированное издание «Wiadomości konserwatorskie» [51], которые выступают важными источниками информации по теме исследования. Особенно интересны материалы, опубликованные в 1920—30-х гг. людьми, непосредственно связанными с процессами реставрации и консервации памятников.

Первую попытку провести ретроспективный анализ проведенной в межвоенное десятилетие работы в области консервации и реставрации предпринял в 1948 г. на страницах журнала «Ochrona Zabytków Sztuki» бывший главный консерватор (1930—1937) Второй Речи Посполитой — Е. Рёмер. В статье «Trzydziestolecie konserwatorstwa polskiego» [42] автор подводит итоги достижений межвоенного периода в данной области. Впоследствии Е. Рёмер написал еще несколько обобщающих статей на схожую тему в специализированных изданиях. Среди наиболее примечательных: «Z dziejów, teorii i ideologii konserwatorstwa polskiego» [44],

«Drogi i ideologia konserwatorstwa polskiego» [41], а также «W poszukiwaniu syntezy konserwatorstwa polskiego» [43].

В 1940—70-х гг. скупые сведения по охране памятников во Второй Речи Посполитой публиковались в контексте масштабных реставрационных работ наследия, пострадавшего в результате Второй мировой войны. Это объясняется двумя причинами — как недостаточным количеством исследований по объектам, расположенным на землях Польши, так и определенным идеологическим табу на рассмотрение вопросов, касающихся территории Западной Беларуси в польской историографии времен ПНР. Об этом факте пишет в своем диссертационном исследовании И. Мельников [11].

Немногочисленные работы, изданные в послевоенные годы, затрагивают важные факты и достижения. В частности, нужно упомянуть статью Е. Шабловского об общих вопросах учета и описания памятников «Dzieje inwentaryzacji zabytków sztuki w Polsce» [46], сборник статей, посвященных деятельности Общества опеки над памятниками прошлого [53], а также научно-популярную работу Я. Захватовича о подходах к вопросу охраны памятников в Польше [52].

Повышение интереса к вопросам реставрации и консервации в межвоенный период отмечается с конца 1970-х гг. Тогда к этой теме обратился доктор Е. Фритц, который начал с более раннего периода в истории польской реставрации — 1795—1918 гг. В последующих работах автор обобщает представления о сути и принципах консервации [26], пробует обозначить ее место в научной системе [25]. К сожалению, ранний уход из жизни не позволил реализовать намеченный им план работ в данной области. Стоит отметить, что в Торунском университете у Е. Фритца сформировался круг учеников и последователей, подготовивших ряд неопубликованных монографий по теме консервации и реставрации в межвоенный период [24, с. 19].

В это же время впервые появляются исследования на тему правовых основ охраны памятников. Первая работа издана в 1977 г. П. Прушинским [40]. Один из разделов его монографии целиком посвящен межвоенному периоду. В дальнейшем автор развил тему в монографии «Ochrona zabytków w Polsce: geneza, organizacja, prawo» [39] и отдельной статье «Ochrona zabytków w II Rzeczpospolitej — zagadnienia prawne» [38].

Внимания заслуживают магистерская работа и статья Я. Поскробко [36], посвященные охране памятников в Белостокском воеводстве в межвоенный период [37]. Автор рассматривает примеры реставрацион-

ных и консервационных работ, проводимых и на территории Западной Беларуси. Вопросу охраны памятников в Виленско-Новогрудском консерваторском округе посвящена книга Ю. Поклевского «Polskie życie artystyczne w międzywojennym Wilnie» [34] и его статья «Wileńsko-nowogródzki okręg konserwatorski w okresie międzywojennym “Acta Universitatis Nicolai Copernici”» [35].

В 1980—90-е гг. количество публикаций на тему охраны памятников возросло, однако большая их часть была по-прежнему посвящена вопросам послевоенного восстановления разрушенных войной объектов и современным проблемам реставрации и консервации [24, с. 19]. Среди публикаций этого периода наиболее заметна монография Б. Рымашевского, в которой автор пишет об особенностях реставрации и консервации в исторических центрах городов [45]. Впоследствии исследователь издал целую серию публикаций на данную тему. Однако тематику межвоенного периода он рассматривает поверхностно, в рамках общего исторического обзора развития польской консервации и реставрации.

Важно отметить труды, посвященные биографиям архитекторов, работавших в межвоенный период и занимавшихся реставрационными работами. В частности, жизнь и деятельность О. Сосновского, работавшего в Гродно, описана в книге М. Брыковской «Katalog projektów i dzieł Oskara Sosnowskiego» [23] и работе Р. Кункеля «Oskar Sosnowski jako konserwator zabytków» [28].

В 1967 г. С. Лоренц опубликовал статью в память о Я. Боровском — талантливом архитекторе и консерваторе, который в межвоенный период работал на территории Западной Беларуси [29].

К сожалению, вне фокуса внимания польских ученых осталась биография одного из самых активных реставраторов исследуемого периода, работавшего над проектом восстановления старого замка в Гродно, — Я. М. Войцеховского. Краткое упоминание о его деятельности можно найти в послевоенных биографических словарях [31].

Среди работ, обобщающих теоретические вопросы консервации и реставрации в межвоенной Польше, стоит отметить статью М. Аршиньского «Wybrane aspekty procesu tworzenia się środowiska konserwatorskiego w Polsce» [22]. Этой же тематике посвящена и монография Б. Шмыгина «Kształtowanie koncepcji zabytku i doktryny konserwatorskiej w Polsce w XX wieku» [47]. Оба автора больше сконцентрированы на общих теоретических вопросах и рассматривают в своих работах лишь отдельные примеры конкретных мероприятий по консервации.

Наиболее полной работой, структурирующей проблемы охраны памятников во Второй Речи Посполитой, является монография Павла Детлова «Odbudowa i restauracja zabytków architektury w Polsce 1918—1939. Teoria i praktyka» [24]. В работе автор проводит анализ большого количества историографических материалов и архивных источников, рассматривает организационные и правовые стороны системы охраны памятников, приводит примеры практических мероприятий по консервации и реставрации объектов разных типов, а также раскрывает основные теоретические аспекты. В монографии рассматриваются вопросы, относящиеся к охране памятников во Второй Речи Посполитой, проблематика консервации и реставрации объектов на территории Западной Беларуси раскрывается в незначительной мере.

Анализируя белорусские публикации, необходимо выделить работу Л. М. Нестерчука «Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы» [12]. В ней теме охраны памятников в Западной Беларуси посвящен параграф, в рамках которого дана краткая характеристика этапов становления системы охраны памятников в 1921—1939 гг., перечислены профильные государственные и общественные организации, законодательные акты по данной проблеме. В работе приводятся примеры конкретных консервационных и реставрационных мероприятий. Автор дает оценку государственной политике Второй Речи Посполитой в области охраны памятников, отмечает роль чиновников и общественных деятелей в этой сфере. Отдельного внимания заслуживает приведенный в издании библиографический список по данной теме

Тему, поднятую Л. М. Нестерчуком, развил А. М. Загидулин в статье «Рэстаўрацыя і кансервацыя помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.)» [8]. В ней автор дает краткую, но емкую характеристику процессов консервации и реставрации памятников на территории Западной Беларуси в межвоенный период, рассматривает структуру профильных организаций, проводит анализ реализованных в это время проектов, отмечает роль вовлеченных в данный процесс персоналий. Исследователь рассматривает примеры консервации и реставрации, как удачные, так и менее успешные.

А. М. Загидулин делает важный историографический обзор работ, посвященных тематике Западной Беларуси, в статье «Вывучэнне этнакультурнага і канфесійнага развіцця Заходняй Беларусі ў айчынной гісторыяграфіі» [7]. Обзор охватывает период от 1930-х гг. до 2010 г. В своих

работах автор отмечает тот факт, что не только тематика охраны памятников, но и в целом проблема архитектуры Западной Беларуси в межвоенный период долгое время оставалась малоизученной и только сейчас начинается процесс ее разработки.

Комплексно проблему культовой архитектуры Западной Беларуси рассматривает в своих статьях и монографии «Культывае дойлідства Заходняй Беларусі 1915—1940 гг.» историк искусства Сергей Харевский [17]. В работах автор также освещает вопросы реконструкции поврежденных и разрушенных памятников архитектуры, называет архитекторов, которые работали на территории Беларуси в данный период. С. Харевский отмечает деятельность Л. И. Витан-Дубейковского, разработчика «белорусского стиля» в строительстве [18]. Биографию этого видного архитектора и общественного деятеля издала в Нью-Йорке в 1954 г. его супруга Юлиана Витан-Дубейковская под псевдонимом Витан-Кветка [54].

Впервые подробно описал историю архитектуры Западной Беларуси в 1921—1939 гг. О. Трусов. В своей работе «Кароткая гісторыя архітэктурны Беларусі» автор затрагивает тему реставрации и консервации памятников в контексте рассмотрения общих архитектурных тенденций в этот период [16].

Западной Беларуси в межвоенный период посвящены многочисленные труды брестского ученого А. М. Вабищевича [3]. Автор освещает различные вопросы культуры и социальной жизни. Непосредственно к теме исследования относится его статья, где показано состояние, благоустройство и охрана воинских захоронений Первой мировой войны.

Историографии проблемы посвящен выпуск журнала *ARCHE* за апрель 2014 г. «Архітэктурная спадчына : гісторыя разбурэнняў і рэканструкцый» [20]. Непосредственно к теме исследования относятся статьи архитекторов, которые занимались консервацией и реставрацией памятников на территории Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств во времена Второй Речи Посполитой. В частности, в журнале приводится текст исследования польского архитектора, члена Варшавского научного общества Я. М. Войцеховского «Стары замак у Гародні», переведенный с польского языка [4]. Автор подробно описывает состояние объекта в 1930-е гг., приводит анализ этапов строительства замка, дает оценку исторической и культурной значимости гродненского Старого замка. Значительным является и тот факт, что именно Я. М. Войцеховский является автором первого проекта восстановления объекта.

В статье музеолога, искусствоведа и общественного деятеля С. Лоранца «Кансервацыя руінаў замкаў на Віленшчыне і Наваградчыне» [10] приводится подробная информация о состоянии западнобелорусских замков в 1920—30-е гг., описываются мероприятия по их консервации и реставрации, дается оценка проведенных работ. В 1929—1935 гг. автор являлся главным консерватором наследия на Виленщине и Новогрудчине и был знаком со всеми деталями охраны памятников в регионе.

Статья Ромуальда Гюртлера «Кансервацыйныя работы на Замкавай гары ў Наваградку» посвящена исключительно работам по консервации объекта [6]. Этот инженер и архитектор руководил консервацией руин Новогрудского замка, поэтому подробно описывает состояние объекта и ход работ по его исследованию и консервации, дает характеристику археологических находок, полученных в ходе проведения раскопок на Замковой горе.

Стоит отметить и статьи 7-го и 8-го выпусков журнала *ARCHE* за июль — август 2014 г. «Заходняя Беларусь. Міжваенны перыяд» [21]. В частности, статья историка и литературоведа А. Трофимчика «Заходняя Беларусь у часе і прасторы. Заўвагі да праблемы генезісу і лакалізацыі паняцця» дает представление о подходах к территориальной локализации понятия «Западная Беларусь» [15].

В статье А. Белого «Развіццё турызму ў паўночна-ўсходніх ваяводствах міжваеннай Польшчы: пачатак складання мазаікі» приводятся факты использования памятников культуры в туристической сфере в рассматриваемый период (на примере региона Налибокской пуши), дается описание общественных организаций и печатных изданий, которые занимались популяризацией культурного наследия и туризма [1].

Вопросам культурного наследия и охраны памятников Гродно с 1921 по 1939 г. посвящено эссе Степана Стурейко в сборнике «Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь» [13]. Автор не только описывает государственную структуру системы охраны памятников и приводит примеры действий польских реставраторов исследуемого периода, но и дает оценку политических и идеологических факторов, влиявших на отношение государства и общественности к культурному наследию во Второй Речи Посполитой.

К проблеме реставрации Старого Замка в Гродно в контексте описания деятельности Юзефа Ёдковского обращается и А. А. Гужаловский в издании «Музеі Беларусі (1918—1941 гг.)» [5]. Автор обращает внимание на профильные государственные органы, законодательную базу в

области охраны памятников и деятельность общественных организаций, например Гродненской комиссии по охране памятников искусства и культуры; дает характеристику государственной политики в данной сфере, а также феномена «регионализма» в контексте общеевропейских тенденций исследуемого отрезка времени.

Частично проблему охраны памятников в Гродно затрагивает А. Черныкевич в рамках учебного пособия «Гродноведение», в статье «Гродна ў складзе міжваеннай польскай дзяржавы (1919—1939 гг.)» [19]. Автор дает примеры реставрационных работ, проводившихся в городе, описывает политический и культурный фон, на котором происходили данные мероприятия в целом.

Сведения о процессах в градостроительстве и состоянии архитектурных объектов Волковыска собраны в книге краеведа Н. Быховцева. Автор не фокусирует внимание на этих вопросах, однако затрагивает их в контексте освещения различных сторон жизни города в межвоенный период [2].

Реставрации замка в Мире посвящена статья А. Корецкого «Гісторыя аднаўлення Мірскага замка ў другой палове XVII — пачатку XX ст.», в которой автор дает оценку проведенных работ в период с 1922 по 1939 г., перечисляет восстановленные элементы, выделяет нововведения и отмечает сложности, с которыми столкнулись реставраторы и хозяева замка [9].

Факты проведения консервационных работ в 1920-е гг. в Новогрудском и Лидском замках отмечает М. А. Ткачѐв в книге «Замки Беларусі» [14]. Но автор не уточняет, какие именно работы велись на объектах и кто ими руководил. При описании истории остальных архитектурных памятников, территориально расположенных в Западной Беларуси, М. А. Ткачѐв не отмечает факты работы польских консерваторов.

Таким образом, в настоящее время в белорусской историографии отсутствуют комплексные исследования, посвященные охране памятников в Западной Беларуси в 1921—1939 гг. Стоит отметить, что в перечисленных работах уже обозначены основные проблемные зоны темы. Среди них: организация охраны памятников во Второй Речи Посполитой (правовые основы, источники финансирования, организационные структуры, инвентаризация памятников); практика консервации и реставрации архитектурных памятников (сакральных памятников, памятников оборонного зодчества, исторической и гражданской застройки), а также идеологическая направленность процессов реставрации.

Польские историографические материалы по теме исследования преимущественно освещают либо общие вопросы, относящиеся к проблеме охраны памятников во Второй Речи Посполитой, либо отдельные примеры консервационных и реставрационных работ. При этом остаются неисследованными многие архивные материалы, касающиеся земель Западной Беларуси. Комплексных исследований на польском языке, посвященных охране памятников на территории Западной Беларуси, не существует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Белы А.* Развіццё турызму ў паўночна-ўсходніх ваяводствах міжваеннай Польшчы: пачатак складання мазаікі // ARCHE. 2014. № 7—8 (128—129). С. 259—294.
2. *Быховцев Н.* Волковыск межвоенный (1919—1939). Минск : Смэлток, 2015.
3. *Вабішчэвіч А. М.* Стан і захаванне воінскіх пахаванняў Першай сусветнай вайны ў Заходняй Беларусі ў 1921—1939 гг. // Беларус. гіст. часоп. 2014. № 9. С. 15—22.
4. *Вайцяхоўскі Я. М.* Стары замак у Гародні / пер. з пол. А. Моніч // ARCHE. 2014. № 4 (125). С. 425—491.
5. *Гужалоўскі А. А.* Музеі Беларусі (1918—1941 гг.). Мінск : НАРБ, 2002.
6. *Гортлер Р.* Консервационная работы на Замкавай гары ў Наваградку. Агульная справаздача / пер. з пол. І. Лясная // ARCHE. 2014. № 4 (125). С. 520—531.
7. *Загідулін А. М.* Вывучэнне этнакультурнага і канфесійнага развіцця Заходняй Беларусі ў айчынным гістарыяграфіі // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XVII Міжнар. навук. канф., Гродна, 18—19 ліст. 2010 г. / рэдкал.: Г. Хацкевіч [і інш.]. Гродна : ГрДУ, 2011. С. 176—184.
8. *Загідулін А. М.* Рэстаўрацыя і кансервацыя помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: І. В. Соркіна (гал. рэд.) [і інш.]. Гродна : ГрДУ, 2011. С. 359—363.
9. *Карэцкі А.* Гісторыя аднаўлення Мірскага замка ў другой палове XVII — пачатку XX ст. [Электронны рэсурс]. URL: http://mirzamak.by/admin-panel/vendor/kcfinder/upload/files/Publications/karetski_gistoryja.pdf (дата звароту: 26.04.2015).
10. *Лоранц С.* Кансервацыя руінаў замкаў на Віленшчыне і Наваградчыне / пер. з пол. І. Гавіна // ARCHE. 2014. № 4 (125). С. 492—519.
11. *Мельнік І. В.* Польская гістарыяграфія этнасацыяльных працэсаў на тэрыторыі Беларусі ў 1861—1914 гг. : аўтарэф. ... канд. гіст. навук : 07.00.09 ; Беларус. дзярж. ун-т. Мінск, 2011.
12. *Несцярчук Л. М.* Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы. Мінск : БЕЛТА, 2003.
13. *Стурейко С. А.* Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь : сб. эссе. Минск : Юнипак, 2010.
14. *Ткачэв М. А.* Замкі Беларусі. Мінск : Беларусь, 2005. С. 25—38.
15. *Трафімчык А.* Заходняя Беларусь у часе і прасторы. Заўвагі да праблемы генезісу і лакалізацыі паняцця // ARCHE. 2014. № 7—8 (128—129). С. 15—53.

16. *Трусаў А.* Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі. Мінск : Харвест, 2015.
17. *Харэўскі С. В.* Культывае дойлідства Заходняй Беларусі 1915—1940 гг. Вільня : ЕГУ : Прапілеі, 2008.
18. *Харэўскі С.* Беларускі стыль у будаўніцтве 1921—1939 гг. (Лявон Вітан Дубейкаўскі) // *Więtoruskie Zeszyty Historyczne*. Вiаўстok, 2002. № 18. С. 206—213.
19. *Чарнякевіч А.* Гродна ў складзе міжваеннай польскай дзяржавы (1919—1939 гг.) // Гродназнаўства : дапам. для студэнтаў выш. і сярэд. спец. устаноў / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: В. В. Швед [і інш.]. Гродна : ГрДУ, 2009. С. 155—174.
20. ARCHE. Архітэктурная спадчына: гісторыя разбурэнняў і рэканструкцый. 2014. № 4 (125).
21. ARCHE. Заходняя Беларусь. Міжваенны перыяд. 2014. № 7—8 (128—129).
22. *Arszyński M.* Wybrane aspekty procesu tworzenia się środowiska konserwatorskiego w Polsce w XX wieku : materiały konf. nauk. zorganizowanej staraniem Wydziału Politechniki Warszawskiej, Generalnego Konserwatora Zabytków i Towarzystwa Opieki nad Zabytkami w stulecie urodzin Profesora Jana Zachwatowicza w dniu 4 marca 2000 r. Warszawa : PWN, 2000. S. 97—128.
23. *Brykowska M.* Katalog projektów i dzieł Oskara Sosnowskiego // *Architekt Oskar Sosnowski. Twórczość i dzieła*. Warszawa : PWN, 2000. S. 79—104.
24. *Detloff P.* Odbudowa i restauracja zabytków architektury w Polsce 1918—1939. Teoria i praktyka. Warszawa : PWN, 2006.
25. *Frycz J.* Konserwatorstwo jako dyscyplina nauki // *Konserwator i zabytek*. In memoriam Jerzego Romera. Warszawa : PWN, 1991. S. 29—39.
26. *Frycz J.* Rekonstrukcja zabytków architektury, jej sens i granice // *Dzieło sztuki i zabytek : materiały z XXV Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków*. Ser. B. Warszawa : PWN, 1976. T. XLIII. S. 94—102.
27. *Kronika Konserwatorska 1930—1931 // Ochrona Zabytków Sztuki. 1930—1931*. № 1—4. Cz. 2. S. 323—355.
28. *Kunkiel R.* Oskar Sosnowski jako konserwator zabytków // *Oskara Sosnowskiego świat architektury: Twórczość i dzieła / red. M. Brykowska*. Warszawa : Oficyna Wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 2004. S. 25—32.
29. *Lorentz St.* Jan Borowski (1890—1966), wspomnienie posmiertne // *BHS, XXIX*. 1967. № 4. S. 562.
30. *Lorentz St.* Konserwacja ruin zamku w Krewie // *Zrodła Mocy*. R. IV : 1930. № 6. S. 104—105.
31. *Łoza S.* Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa : Budownictwo i Architektura, 1954.
32. *Łoza S.* Zestawienie artykułów, wzmianek i iluscji zamartych w rocznikach z lat 1910—1929 czasopisma «Zemia». Warszawa, 1930—1933.
33. *Ochrona Zabytków Sztuki*. № 1—4. Cz. 1—2. Warszawa, 1930—1931.
34. *Poklewski J.* Polskie życie artystyczne w międzywojennym Wilnie. Toruń : Wyd-wo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1994.
35. *Poklewski J.* Wileńsko-nowogródzki okręg konserwatorski w okresie międzywojennym, «Acta Universitatis Nicolai Copernici» // *Zabytkoznawstwo i konserwatorstwo XVII, Nauki Humanistyczno-Społeczne*. Z. 226. 1991. S. 215—230.
36. *Poskrobko A.* Ochrona zabytków architektury w województwie białostockim w okresie międzywojennym. Praca magisterska. Toruń, 1986 (maszynopis w archiwum Instytutu Zabytkoznawstwa i Konserwatorstwa UMK).

37. *Poskrobko A.* Ochrona zabytków architektury w województwie białostockim w okresie międzywojennym // *Ochrona Zabytków*. XLII. 1989. № 1, 3, 4. S. 13—17, 238—250.
38. *Pruszyński J. P.* Ochrona zabytków w II Rzeczypospolitej — zagadnienia prawne // *Konserwator i zabytek*. In memoriam Jerzego Romera. Warszawa, 1991. S. 111—128.
39. *Pruszyński J. P.* Ochrona zabytków w Polsce. Geneza, organizacja, prawo. Warszawa : Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1989.
40. *Pruszyński J. P.* Prawna ochrona zabytków w Polsce. Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 1977.
41. *Remer J.* Drogi i ideologia konserwatorstwa polskiego // *Studia z Muzealnictwa i Konserwatostwa*. Cz. 2: Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Ser. B. Warszawa, 1976. T. XLI. S. 208—212.
42. *Remer J.* Trzydziestolecie konserwatorstwa polskiego // *Ochrona Zabytków Sztuki*. R. I. 1948. Z. 1. S. 37—40.
43. *Remer J.* W poszukiwaniu syntezy konserwatorstwa polskiego // *Studia z Muzealnictwa i Konserwatostwa*. Cz. 2: Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Ser. B. Warszawa, 1976. T. XLI. S. 254—277.
44. *Remer J.* Z dziejów, teorii i ideologii konserwatorstwa polskiego // *Studia z Muzealnictwa i Konserwatostwa*. Cz. 2: Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Ser. B. Warszawa, 1976. T. XLI. S. 67—93.
45. *Rymaszewski B.* O przetrwanie dawnych miast. Warszawa : Wyd. Arkady, 1984.
46. *Szablowski J.* Dzieje inwentaryzacji zabytków sztuki w Polsce // *Ochrona Zabytków*. R. II. 1949. S. 73—83.
47. *Szmygin B.* Kształtowanie koncepcji zabytku i doktryny konserwatorskiej w Polsce w XX wieku. Lublin, 2000.
48. *Wojciechowski J.* Co zrobiono w Polsce w zakresie odbudowy, restauracji i konserwacji zabytków sztuki w latach 1919—1929 // *Ochrona Zabytków Sztuki*. 1930 / 31. Z. 1—4. S. 243—322.
49. *Wojciechowski J.* Co zrobiono w Polsce w zakresie odbudowy, restauracji i konserwacji zabytków sztuki w latach 1919—1929 // *Ochrona Zabytków Sztuki*. 1930—1931. Z. 1—4. S. 274.
50. *Wojciechowski J.* Zamek Batorego w Grodnie // *BHSiK*, R. VI. 1938. S. 229—269.
51. *Wiadomości konserwatorskie*. Lwów, 1924—1926.
52. *Zachwatowicz J.* Ochrona zabytków w Polsce, Warszawa 1965 // *J. Zachwatowicz*. Wybór prac. Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Ser. B. Warszawa, 1981. T. LXVIII. S. 11—17.
53. *Zbiór prac zebranych // Ocalić przeszłość dla przyszłości*. Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości 1906—1944 / red. R. Brykowski. Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Ser. B. Warszawa, 1985. T. LXXV.
54. *Vitan K.* Lavon Vitan-Dubiejkauski: Da 85 uhodkaŭ naradžeńnia. Niu Jork, 1954.

В. М. СІДАРОВІЧ

ГІСТОРЫЯ ВЫВУЧЭННЯ АНТЫЧНЫХ МАНЕТ У БЕЛАРУСІ

Разглядаецца гісторыя вывучэння антычных, у першую чаргу рымскіх, манет, знойдзеных на тэрыторыі Беларусі. Назапашванне звестак пра падобныя знаходкі пачалося яшчэ ў XIX ст. Першыя навуковыя публікацыі па гэтай тэме з'явіліся ў 1930-я гг., а ўжо ў 1960-я гг. да вывучэння знаходак антычных манет далучыўся шэраг савецкіх даследчыкаў. Аднак сапраўднае мэтанакіраванае вывучэнне антычных нумізматычных помнікаў з тэрыторыі Беларусі распачата толькі ў сярэдзіне 1990-х гг. Л. Д. Побалем і з 2007 г. працягнута аўтарам артыкула.

The article describes a history of study of antique and first of all Roman coins found on the territory of Belarus. Accumulation of information about such findings started first in XIX century. Earliest academic papers appeared in 1930s, and in 1960s a number of soviet scientists, including belarussian ones, joined the study of the findings of ancient coins. But a real in-depth analysis of ancient numismatic monuments found in Belarus was started only in the middle of 1990s by L. D. Pobol and since 2007 was continued by the author of the article.

Ключавыя словы: гісторыя нумізматыкі; антычныя манеты; знаходкі рымскіх манет; жалезны век Беларусі.

Keywords: history of numismatics; antique coins; Roman coin finds; Iron Age of Belarus.

Упершыню дакладныя звесткі пра знаходкі антычных манет на беларускіх землях з'явіліся яшчэ ў XIX ст. Так, у 1814 г. магілёўскім грамадзянскім губернатарам у Эрмітаж быў перададзены скарб з 1815 «дробных срэбраных» манет, які быў знойдзены каля м. Клімавічы [1], а ў ваколіцах Ваўкавыска і каля маёнтка Чахец Пружанскага павета да 1838 г. былі выяўлены рымскія манеты, якія трапілі ў калекцыю М. Булгарына

Сідаровіч Віталь Міхайлавіч — загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы, старшы выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: wital.sidarowicz@gmail.com

---

[2]. На працягу апошняй трэці XIX — пачатку XX ст. колькасць зафіксаваных знаходак значна павялічвалася. У вялікай ступені гэта адбывалася дзякуючы актыўнай дзейнасці Імператарскай археалагічнай камісіі (ІАК). Так, у 1873 г. з Мінскага губернскага статыстычнага камітэта ў ІАК быў перададзены манетна-рэчавы скарб з-пад в. Каменка [3], а ў 1900 г. ад гродзенскага губернатара паступіў манетны скарб са Слонімскага павета [4].

Антычныя манеты ўзгадваюцца ў шэрагу археалагічных апісанняў беларускіх губерняў Расійскай імперыі. Так, Г. Х. Татур у характарыстыцы археалагічных помнікаў Мінскай губерні сярод іншых знаходак узгадвае «золотые монеты некоторых римских императоров», «римские (серебряные монеты. — В. С.), начиная со времен республики (редко) и дальше многих императоров...», а таксама «греческие, македонские и византийские», у тым ліку «монеты греческих колоний на берегах Черного моря» [5, с. 92, 106, 140, 144]. Аднак ніякіх канкрэтных дадзеных пра гэтыя знаходкі аўтар не прыводзіць. Ф. В. Пакроўскі ўзгадваў пра знаходкі «рымскіх, візантыйскіх і татарскіх манет» у наваколлі Брэст-Літоўска [6, с. 93, п. 107].

Адзначаючы павелічэнне тэмпаў накаплення інфармацыі па антычных манетах з Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст., трэба канстатаваць, што сапраўднага вывучэння гэтай катэгорыі нумізматычных знаходак яшчэ не было. Нават у навуковых выданнях звесткі пра манеты вельмі сціслыя і маюць у асноўным даведачны характар.

Першая сусветная вайна і рэвалюцыя 1917 г. прывялі да падзення Расійскай імперыі і стварэння на яе нацыянальных ускрайках новых дзяржаў. Беларускія землі былі падзелены паміж СССР і адроджанай польскай дзяржавай. У абедзвюх частках Беларусі паўнаўтаснага вывучэння знаходак антычных манет не вялося, але звесткі аб іх час ад часу з'яўляліся ў навуковых і публічных выданнях. Так, у Савецкай Беларусі паведамлялася пра некалькі знаходак. У артыкуле дырэктара Беларускага дзяржаўнага музея П. В. Харламповіча, прысвечаным нумізматычнаму збору музея, узгадваюцца дзве антычныя манеты, знойдзеныя ў Беларусі, — манета Антаніна Пія і баспорскі статар [7, с. 321, 325]. Археалаг С. А. Дубінскі ўзгадваў пра «рымскія і візантыйскія манеты», што былі знойдзены непдалёк ад Маладзечна яшчэ падчас вайны і каля 1928 г. паступілі ў Беларускі дзяржаўны музей [8, с. 45, 46].

Некалькі знаходак антычных манет было зафіксавана ў міжваенны перыяд і ў «польскай» частцы Беларусі. Менавіта з польскімі археала-

гамі варта звязваць пачатак навуковага вывучэння антычных манет на нашых землях. У іх публікацыях упершыню даецца падрабязнае апісанне знаходак. Найбольш цікавым падаецца артыкул В. Антаневіча, у якім даследчык паведаміў пра надзвычай цікавую для Беларусі знаходку залатых манет-медальёнаў — аўрэуса Карына і соліда Валента, якія паходзілі «*z pod Brastawia*» [9, с. 90—93]. Ю. Ядкоўскі паведаміў пра мноства манет, знойдзеных падчас паглыблення рэчышча Нёмана каля Каложскай царквы, сярод якіх былі і рымскія [10, с. 127].

Дзякуючы дзейнасці слонімскага краязнаўца Ю. Стаброўскага сталі вядомымі месцазнаходжанні з Заходняй Беларусі. У 1927 г. ён перадаў у збор Польскага цэнтральнага археалагічнага музея (цяпер Дзяржаўны археалагічны музей) два рымскія дынарыі 3-пад в. Кошалева Навагрудскага павета [11, с. 214].

Сапраўднае і паўнаватраснае вывучэнне знаходак антычных манет на тэрыторыі Беларусі распачалося ўжо ў другой палове ХХ ст. Выбітным савецкім даследчыкам У. У. Крапоткіным упершыню была ажыццёўлена сістэматызацыя знаходак рымскіх манет на тэрыторыі СССР. У шэрагу сваіх публікацый ён узгадвае і беларускія месцазнаходжанні, у тым ліку два скарбы [12, с. 255, 257, 259, 260, 272, 275; 13, с. 102—105; 14, с. 96, 97; 15, с. 95].

Археалаг Ю. У. Кухарэнка сярод знаходак эпохі жалезнага веку з тэрыторыі Палесся ўзгадваў і рымскія манеты з Брэстчыны [16, с. 20, 21]. Амаль праз 20 гадоў у сваёй манаграфіі, прысвечанай першаму даследаванаму ў СССР могільніку вельбарскай культуры Брэст-Трышын, ён апублікаваў дзве манеты з пахаванняў № 11 і № 36 [17, с. 8, 14, 50].

Першымі з беларускіх навукоўцаў увагу на антычныя манеты з тэрыторыі БССР звярнулі Л. Д. Побаль і В. Н. Рабцэвіч. Даследчык жалезнага веку Л. Д. Побаль у 1964 г. упершыню падсумаваў звесткі аб рымскіх манетах з Беларусі [18]. Праз чатыры гады В. Н. Рабцэвіч падрыхтаваў больш грунтоўную зводку па антычных нумізматычных знаходках [19]. Па яго звестках, на 1966 г. з тэрыторыі БССР паходзіла 1968 антычных манет, з якіх абсалютная большасць — 1962 — рымскія. На жаль, у публікацыі В. Н. Рабцэвіча маецца шэраг недакладнасцей або неправэрных (нават фантастычных) фактаў. Напрыклад, імператар Феадосій (чыя манета была знойдзена ў Гродне [10, с. 127]) быў «перайменаваны» ім у Тэадорыха I і манета, адпаведна, «стала» остгоцкай [19, с. 189, п. 3].

У 1974 г. крыніцазнаўчая база па знаходках рымскіх манет была папоўнена ўкраінскім даследчыкам У. А. Анохіным, які апублікаваў рэшткі

скарбу (8 дынарыяў), што быў знойдзены ў 1968 г. каля в. Вялікія Жукевічы¹ Бераставіцкага раёна Гродзенскай вобласці [20].

Няма сумневу, што найвялікшы ўнёсак у справу вывучэння антычнай спадчыны Беларусі быў зроблены выдатным айчынным археолагам Л. Д. Побалем. Узгадкі антычных манет з'яўляюцца ў шэрагу яго публікацый яшчэ ў савецкія часы [21; 22], але мэтанакіраванае іх даследаванне Побалем пачынаецца з сярэдзіны 1990-х гг. Большасць публікацый вучонага была прысвечана знаходкам антычных манет у розных рэгіёнах Беларусі [23—28]. Заўважым, што абраны Л. Д. Побалем метады апісання знаходак згодна з адміністрацыйным падзелам (па абласцях) падаецца не надта ўдалым. Больш прыдатным з'яўляецца іх вывучэнне па фізіка-геаграфічных рэгіёнах або басейнах буйнейшых рэк.

Варта таксама адзначыць, што некаторыя са згаданых Л. Д. Побалем месцазнаходжанняў сумнеўныя, бо не падмацаваны адпаведнымі спасылкамі або інтэрпрэтацыя звестак пра іх з'яўляецца занадта вольнай. Да прыкладу, згадваючы пра скарб з в. Шаўры Лідскага павета (цяпер Воранаўскі раён Гродзенскай вобласці), аўтар не падае ніякіх спасылак. Толькі ў тэксце артыкула 2001 г. прысутнічаюць словы «по сведениям Т. Нарбута...» [29, с. 77], але, на жаль, без пазначэння крыніцы. Таксама не бяспрэчнай з'яўляецца лакалізацыя скарбу з-пад в. Каменка Мінскай губерні. Л. Д. Побаль меркаваў, што маецца на ўвазе в. Каменка Кошалеўскага сельсавета Навагрудскага раёна Гродзенскай вобласці. Пры гэтым ён узгадаў даныя з архіва мінскага губернатара [29, с. 76], але зноў без спасылкі на архіўныя справы. Узгадваючы скарб антычных манет, які быццам бы быў знойдзены да 1900 г. каля в. Стражавічы сучаснага Чашніцкага раёна Віцебскай вобласці, Л. Д. Побаль спасылаецца на сведчанне Е. Р. Раманава аб гэтым у «Могилевской старине». Але ў дадзеным творы няма згадак пра знаходку. Магчыма, Л. Д. Побаль вельмі своеасабліва інтэрпрэтаваў наступныя словы выбітнага навукоўца: «...встречалась изгладившаяся от употребления римская или греческая монета или вытравившийся восточный диргем, потерявшие ценность ходячей монеты — мастер (древний ювелир. — В. С.) пользовался и ими...» [30, с. 5].

Вельмі важнай справай у нумізматычнай дзейнасці Л. Д. Побалю з'яўляецца пачатак больш дэталёвага вывучэння скарбаў рымскіх манет [29;

---

¹ Некалькі гадоў таму было высветлена, што насамрэч месца выяўлення скарбу знаходзіцца бліжэй да в. Алекшыцы таго ж раёна. Таму скарб атрымаў назву Алекшыцкага.

31; 32]. На жаль, найбольш грунтоўнае яго даследаванне, якое было прысвечана Лышчыцкаму скарбу, не было апублікавана².

Да пытання аб знаходках антычных манет у Беларусі звярталіся таксама археолагі С. Я. Рассадзін і М. Ф. Гурын. Першы з іх у межах невялікага артыкула, прысвечанага рымскім імпартам [33], фактычна пералічвае ўжо вядомыя знаходкі, нават не звяртаючы ўвагі на пазнейшыя публікацыі Л. Д. Побала і паўтараючы памылкі папярэднікаў, напрыклад наконт «браслаўскага» і «стражавіцкага» месцазнаходжанняў. Не пазбаўлены недакладнасцей і памылак і артыкул М. Ф. Гурына [34]. Напрыклад, пазнейшай рымскай манетай на Беларусі ён называў солід Валента (364—378 гг.) [34, с. 69], хоць манета Феадосія (379—395) з Гродна была добра апісана Л. Д. Побалем [28, с. 50]. Абсалютна беспадстаўна М. Ф. Гурын лічыў, што ў знакамітым Клімавіцкім скарбе знаходзіліся манеты 17 імператараў: ад Нервы або Траяна да Аляксандра Севера [34, с. 69], што адназначна з’яўляецца фантазіяй аўтара.

На жаль, падчас правядзення навуковых археалагічных даследаванняў антычныя манеты трапляюцца вельмі рэдка. Тым не менш такія выпадкі ў Беларусі вядомы. Некаторыя з гэтых знаходак апісаны зусім сціпла [35, с. 27, 30; 36, с. 87], іншыя — больш дэтальна [18; 37; 38].

Сярод публікацый, прысвечаных антычным манетам на Беларусі, трэба таксама адзначыць артыкул А. А. Мельнікавай [39], які, на жаль, з’яўляецца не вельмі ўдалай кампіляцыяй ужо вядомай інфармацыі.

З 2007 г. тэма распаўсюджвання антычных манет на тэрыторыі Беларусі з’яўляецца прадметам даследаванняў аўтара дадзенага артыкула. Асобная ўвага надаецца дэтальнаму вывучэнню скарбаў [40—45]. Працягваецца даследаванне рэгіянальных асаблівасцей размеркавання знаходак манет, але, у адрозненне ад Л. Д. Побала, які абапіраўся на сучасны адміністрацыйны падзел, намі абрана выкарыстанне басейнаў найбуйнейшых рэк Беларусі як натуральных геаграфічных рэгіёнаў [46; 47]. Улічваючы той факт, што ў эпоху рымскіх уплываў рэкі ў лясной паласе Усходняй Еўропы з’яўляліся асноўнымі гандлёва-транспартнымі артэрыямі, гэта больш адпавядае галоўнай мэце даследавання — суаднясенню знаходак з тымі ці іншымі этнакультурнымі з’явамі. Частка публікацый прысвечана асобным месцазнаходжаням манет — адзінкавым і групавым [48; 49], а таксама такой цікавай групе манет, як грэчаскія і правінцыйна-рымскія [50—52].

² Папярэдні варыянт публікацыі захоўваецца ў Інстытуце гісторыі НАН Беларусі.

Пэўны ўнёсак у пашырэнне крыніцазнаўчай базы антычнай нумізматыкі робяць беларускія краязнаўцы. У першую чаргу хочацца адзначыць браслаўчаніна К. Шыдлоўскага, які здолеў знайсці цікавыя дадатковыя звесткі пра незвычайную для Беларусі знаходку залатых манет-медальёнаў [53]. Ён удакладніў лакалізацыю месца знаходкі: не «*z pod Brastawia*», але каля в. Вята Браслаўскага павета (цяпер Міёрскі раён Віцебскай вобласці). Краязнаўцамі з Палесся Ю. Барысюком і С. Янюком была выдадзена брашура, у якой яны сабралі звесткі пра знаходкі рымскіх манет з Брэстчыны [54]. Але відавочна аматарскі характар публікацыі, шматлікія памылкі і сумнеўная даставернасць шэрагу знаходак не дазваляюць выкарыстоўваць гэта выданне як паўнаwartасную гістарыграфічную крыніцу. Пра вельмі цікавую і незвычайную знаходку паведаміў мінскі нумізMAT-краязнавец П. І. Горбань. Свой артыкул ён прысвяціў манеце кельтаў-леукаў, якая была знойдзена на Ашмяншчыне [55]. Кельцкія манеты, вядомыя на тэрыторыі Беларусі ўсяго ў некалькіх экзэмплярах, з'яўляюцца аднымі з найстаражытнейшых нумізматычных помнікаў на нашай зямлі.

Зразумела, што вывучэнне распаўсюджання рымскіх манет не можа быць абмежавана тэрыторыяй нейкай краіны. Таму варта прааналізаваць дасягненні даследчыкаў сумежных з Беларуссю краін, тым больш што нярэдка ў іх публікацыях узгадваюцца і беларускія знаходкі.

Сярод нашых суседзяў найбольшае развіццё антычная нумізматыка атрымала ў Польшчы. Да тэмы знаходак антычных (у першую чаргу рымскіх) манет спрычыніліся дзясяткі даследчыкаў. Беларускім знаходкам старажытнагрэчаскіх манет, разам з падобнымі з Польшчы і суседніх рэгіёнаў, прысвяціў увагу ў шэрагу сваіх публікацый знакаміты польскі нумізMAT М. Мельчарэк. Ён крытычна разгледзеў даныя аб падобных знаходках, слухна заўважыўшы сумнеўнасць некаторых з іх, напрыклад пталемееўскай манеты «з-пад в. Крыўчыцы Пінскага раёна» [56, с. 31, 32; 57, с. 102], якая насамрэч з'яўляецца антыкварнай падробкай [52, с. 72, 73].

Адным з аўтарытэтных даследчыкаў рымскіх манет на тэрыторыі еўрапейскага Барбарыкума з'яўляецца А. Буршэ. Асабліваю ўвагу ён надае рымска-варварскім кантактам у святле нумізматычных даных [58]. Варта адзначыць, што беларускія знаходкі засталіся па-за ўвагай аўтара. Так, напрыклад, у сваім грунтоўным даследаванні па распаўсюджанні сярод варвараў залатых медальёнаў, у тым ліку манет-падвесак [59], А. Буршэ не згадвае знаходку двух медальёнаў «з-пад Браслава» [9].

Яшчэ адным напрамкам даследаванняў з'яўляецца вывучэнне этнакультурнага аспекту распаўсюджання рымскіх манет. А. Раманоўскі, вывучаючы прысутнасць рымскіх манет у арэале вельбарскай культуры, угадвае некаторыя беларускія месцазнаходжанні [60, с. 34, 36, 38, 45].

Некалькі рымскіх манет з тэрыторыі Заходняй Беларусі трапілі ў зборы польскіх музеяў і былі апісаны ў каталожных публікацыях. Так, у фондах Археалагічна-этнаграфічнага музея ў Лодзі захоўваюцца дынарыі з-пад Брэста і з Друі [61, с. 40, 41], а ў збор Дзяржаўнага археалагічнага музея (Варшава) яшчэ ў міжваенны перыяд трапілі манеты з-пад вёсак Вераскова і Кашалёва Навагрудскага раёна, а таксама з Пруднікаў Міёрскага раёна [62, с. 281, 284; 63, с. 17, 30, 31].

Тэрыторыя Украіны вельмі моцна, у параўнанні з Беларуссю, насычана знаходкамі антычных манет. Гэтай тэме прысвечаны шэраг публікацый, з якіх варта адзначыць у першую чаргу работы М. Ю. Брайчэўскага [64; 65]. У апошнія гады асноўным даследчыкам распаўсюджання рымскіх манет у арэале чарняхоўскай археалагічнай культуры і прылеглых да яго тэрыторый з'яўляецца К. Мызгін, які распрацоўвае, сярод іншага, шэраг слабадаследаваных тэм, такіх як імітаванне варварамі рымскіх манет [66], распаўсюджанне ва ўсходнеёўрапейскім Барбарыкуме эмісіяй Рымскай Рэспублікі [67] і манет Баспорскага Царства і грэчаскіх правінцый Рымскай імперыі [68; 69], а таксама выкарыстанне манет у якасці ўпрыгажэнняў [70].

Знаходкам рымскіх манет на тэрыторыі Літвы прысвечаны шэраг публікацый выбітнага літоўскага археолага М. Міхельбертаса [71; 72]. Даследуючы жалезны век, ён неаднаразова звяртаўся да тэмы рымскіх імпартаў, у т. л. і манет. Створаны М. Міхельбертасам звод знаходак рымскага імпарта ў Літве [73] дазваляе меркаваць аб заканамернасцях распаўсюджання эмісіяй Рымскай імперыі не толькі на сучаснай тэрыторыі Літоўскай Рэспублікі, але і ў прылеглых да яе беларускіх рэгіёнах, у першую чаргу ў Панямонні.

Такім чынам, першыя зафіксаваныя звесткі пра знаходкі антычных манет на тэрыторыі Беларусі з'яўляюцца ў XIX ст., але сапраўднае навуковае вывучэнне гэтай катэгорыі нумізматычных артэфактаў пачынаецца ў 1930-х гг. дзякуючы польскім археолагам. На жаль, новыя праявы зацікаўленасці падобнымі знаходкамі мы бачым толькі ў 1960-я гг., але сапраўднае мэтанакіраванае вывучэнне антычных нумізматычных помнікаў з тэрыторыі Беларусі распачата ў сярэдзіне 1990-х гг. Л. Д. Побалем і працягнута ў апошнія дзесяцігоддзе аўтарам гэтага артыкула.

Перад антычнай нумізматыкай у Беларусі стаяць вялікія задачы. Па-першае, гэта поўная каталагізацыя і дэталёвае апісанне ўсіх даступных знаходак (адзінкавых, групавых і скарбаў). Па-другое, гэта вызначэнне тэрытарыяльных асаблівасцей размеркавання знаходак антычных манет, а таксама храналогіі і спосабаў іх паступлення на тэрыторыю Беларусі. Нарэшце, яшчэ адной задачай з'яўляецца высвятленне ролі антычных (у першую чаргу рымскіх) манет у развіцці гандлёвых адносін і зараджэнні грашовага абарачэння на нашых землях. Усе гэтыя задачы могуць быць вырашаны толькі пры ўдзеле шырокага кола даследчыкаў (як беларускіх, так і замежных), нумізматаў, археолагаў і гісторыкаў.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2 — Кн. поступлений за 1804—1835 гг. Л. 1.
2. РГИА. Ф. 1281. Совет Министров внутренних дел. Оп. 3. Д. 65. Л. 64—65.
3. Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее — ИИМК РАН). Ф. 1. Императорская археологическая комиссия (1859—1917), Российская археологическая комиссия (1918—1919), 1873 г. Д. 11. Л. 13—15.
4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Императорская археологическая комиссия (1859—1917), Российская археологическая комиссия (1918—1919), 1900 г. Д. 164. Л. 1—6.
5. *Татур Г. Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. Минск : Губерн. тип., 1892.
6. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1895.
7. *Харламовіч П.* Монэтыя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага Музею // Гіст.-археал. зборнік. 1927. № 1. С. 303—343.
8. *Дубінскі С. А.* Бібліяграфія па археалёгіі Беларусі і сумежных краін = Bibliographie der archäologie Weissrusslands und der Angrenzenden Länder / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі, сэкцыя археалёгіі. Менск : Друк. Беларус. акад. навук, 1933.
9. *Antoniewicz W.* Notatki archeologiczne // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, 1931. T. XIII. Rocznik, 1930. S. 86—93.
10. *Jodkowski J.* Skarby monet znalezione na terenie województw półn.-wschodnich w latach 1928—1930 (Комунікат Музеум Паістwowego w Grodnie) // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, 1933. T. XIV. Rocznik, 1931 i 1932. S. 126—130.
11. *Jakimowicz R.* Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum Archeologicznego za 1927 rok // Wiadomości Archeologiczne. V. XIII. 1935. S. 213—232.
12. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет в Восточной Европе // Вестн. древ. истории. 1951. № 4. С. 243—281.
13. *Кропоткин В. В.* О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики) // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М. ; Л., 1956. Вып. 66. С. 100—106.
14. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
15. *Кропоткин В. В.* Новые находки римских монет в СССР // Нумизматика и эпиграфика. 1966. № 6. С. 74—102.

16. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья // Археология СССР. Свод археологических источников. М. : Наука, 1961. Вып. Д1-29.
17. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест — Тришин / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. М. : Наука, 1980.
18. *Побаль Л. Д.* Рымскія манеты на тэрыторыі БССР // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1964. № 2. С. 127—128.
19. *Рябцевич В. Н.* Находки античных монет на территории Белоруссии // Вопросы истории : сб. ст. молодых ученых и аспирантов / под ред.: Т. Е. Дударевой, Д. Б. Мельцера. Минск : Высш. шк., 1968. С. 187—192.
20. *Анохін У. А.* Скарб рымскіх манет з вёскі В. Жукевічы // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 3. С. 23—25.
21. *Побаль Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск : Наука и техника, 1979.
22. *Побаль Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск : Наука и техника, 1983.
23. *Побаль Л. Д.* Антычныя знаходкі ў Мінскай вобласці // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 4. С. 28—32.
24. *Побаль Л.* Прывітанне з далёкай мінуўшчыны // Беларус. думка. 1995. № 6. С. 24—26.
25. *Побаль Л. Д.* Магілёўшчына і антычны свет: аналіз нумізматычна-археалагічных крыніц // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя : матэрыялы рэгіян. навук. канф. : у 2 ч. / рэд. савет: С. І. Бяспанскі (адк. рэд.) [і інш.]. Магілёў : Облтипография, 1995. Ч. 1 : Археалогія. С. 181—188.
26. *Побаль Л.* Антычныя нумізматычныя багаці Міншчыны і Віцебшчыны // Беларус. гіст. часоп. 1996. № 1. С. 115—125.
27. *Побаль Л.* Антычныя багаці Брэста і яго наваколля // Беларус. гіст. часоп. 1998. № 3. С. 60—65.
28. *Побаль Л.* Антычныя грошы ў Гродзенскім Панямонні // Беларус. гіст. часоп. 1999. № 2. С. 49—52.
29. *Побаль Л. Д.* Находки римских монет на землях Беларуси // Lietuvos Archeologija. 2001. T. 21. С. 73—80.
30. *Романов Е.* Археологические находки // Могилевская старина : сб. ст. / под ред. Е. Р. Романова. Могилев : Тип. губерн. правления, 1900. Вып. 1 : 1898 и 1899 гг. С. 5—6.
31. *Побаль Л.* Новы скарб рымскіх сярэбраных манет з Беларусі // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў : тэз. дакл. міжнар. канф., Мінск, 27—30 кастр. 1993 г. Мінск : Выд-ва Ін-та гісторыі, АН Беларусі, 1993. С. 180.
32. *Побаль Л. Д.* Скарб рымскіх манет з Жалудка // Шчучыншчына: мінулае і сучаснасць : матэрыялы навук.-практ. краязн. канф., прысвеч. знакамітым людзям, помнікам гісторыі і культуры, гістарычным падзеям і мясцінам Шчучыншчыны. Ліда : Лід. друк., 1997. С. 42—45.
33. *Rassadin S.* Zur Frage der römischen Importe in Weißrußland // Germania. 2000. Jahrgang 78. H. 2. S. 392—416.
34. *Гурын М. Ф.* Антычны імпорт на тэрыторыі Беларусі // Гіст.-археал. зб. 2002. № 17. С. 65—72.
35. *Ильютик А. В.* Селище Дедново на Березине // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск, 1998. С. 26—42.
36. *Лошенко М. И.* Михалевское городище // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск, 1998. С. 83—104.

37. *Белявец В., Сідаровіч В.* Дэнарый Рымскай рэспублікі з паселішча Несвіло Брэсцкага раёна // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* 2009. Вып. 17. С. 160.
38. *Зайкоўскі Э., Сідаровіч В.* Рымскія манеты з селішча Некасецк // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* 2011. Вып. 20. С. 418—419.
39. *Мельнікова А. А.* Находкі монет античного мира в Беларуси // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны.* Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 67—76.
40. *Сідаровіч В.* Дэнарыі імператрыцы Сабіны са скарбу з-пад вёскі Малеч // *Acta Archaeologica Albaruthenica.* Мінск, 2007. Vol. 1. С. 104—109.
41. *Сідаровіч В. М.* Редкие римские денарии Малечского клада // XIV Всерос. нумизмат. конф. : тез. докл. и сообщ., Санкт-Петербург, Гатчина (Россия), 16—21 апр. 2007. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 36—38.
42. *Сідаровіч В.* Лыщицкий клад римских монет // XV Всерос. нумизмат. конф. : тез. докл. и сообщ., Ростов-на-Дону, 20—25 апр. 2009. М. : Нумизмат. лит., 2009. С. 44—45.
43. *Сідаровіч В.* Скарб рымскіх манет з-пад вёскі Ставішча Брэсцкага раёна // *Studia Numismatica Albaruthenica.* Мінск, 2011. Vol. I. С. 41—48.
44. *Сідаровіч В.* Малечский клад римских денариев (основные итоги исследования) // *Pieniądz i systemy monetarne — wspólne dziedzictwo Europy : studia i materiały: Białoruś — Bułgaria — Litwa — Łotwa — Mołdawia — Polska — Rosja — Rumunia — Słowacja — Ukraina / red.: K. Filipow, B. Kuklik.* Augustów — Warszawa, 2012. S. 29—35.
45. *Sidarovich V.* A hoard of Alexandrian Tetradrachms from the Last Quarter of the 3rd Century AD Found in the Upper Neman Region // *Notae Numismaticae — Zapiski Numizmatyczne.* 2013. Vol. VIII. P. 173—184.
46. *Сідаровіч В.* Новые находки античных монет в Белорусском Понеманье // *Pieniądz — Symbol — Władza — Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy : studia i materiały: Białoruś — Estonia — Litwa — Łotwa — Polska — Rosja — Rumunia — Słowacja — Ukraina / red.: K. Filipow, B. Kuklik.* Augustów — Warszawa, 2010. S. 42—52.
47. *Сідаровіч В.* Белорусское Побужье в период римских влияний в свете нумизматических находок // *Деньги и их место в истории общества: междунар. нумизмат. симпоз. : тез. докл., Кремница, Словакия, 20—23 мая 2010 г.* Кремница. 2010. С. 16—17.
48. *Сідаровіч В.* Находки римских монет середины 3—4 вв. на территории Беларуси // *Numizmatika.* 2008. № 22. С. 8—13.
49. *Сідаровіч В.* Случайные находки античных монет на территории Беларуси в 1970-е — 2007 г. // *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 16—19 дек. 2008 г.* СПб., 2008. С. 172—176.
50. *Сідаровіч В.* Находки монет античной Греции на территории Беларуси // XVI всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ., Санкт-Петербург, 18—23 апр. 2011 г. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 25—26.
51. *Sidarovich V.* Roman provincial coins in Belarus: on the issue of mode and time of penetration of autonomous coinages into East European Barbaricum // *Money, Economy and Society. Intern. numismat. sympos., Košice, May 16—19, 2013.* Košice, 2013. P. 34—35.
52. *Sidarovich V.* The Finds of Greek and Roman Provincial coins in Belarus // *Notae Numismaticae — Zapiski Numizmatyczne.* 2014. Vol. IX. S. 71—94.
53. *Шыдлоўскі К.* Удакладненне наконт адной нумізматычнай знаходкі // *Браслаўскія сшыткі : гіст. зб.* 1996. № 1. С. 29—30.
54. *Борисюк Ю. А., Янюк С. М.* Римские монеты на территории Брестской области. Клады и единичные находки. Минск, 2013.
55. *Горбань П.* О находке монеты кельтской Галлии на территории Беларуси // *Банк. вестн.* 2014. № 3. С. 11—12.

56. *Mielczarek M.* Antyczne monety greckie odkryte na ziemiach Polski, Litwy, Białorusi i Zachodniej Ukrainy // Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina — wspólne dzieje pieniądza : Materiały z I Międzynar. konf. Numizmat., Suprasl, 20—22.X.1994. Warszawa, 1996. S. 31—37.
57. *Mielczarek M.* Ancient Greek coins found in Central, Eastern, and Northern Europe. Wrocław : Wyd. Polsk. Akad. Nauk, 1989.
58. *Bursche A.* Later Roman-Barbarian Contacts in Central Europe: Numismatic Evidence. Berlin : Gebr. Mann, 1996.
59. *Bursche A.* Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności / Światowit. Supplement Series A: Antiquity. Warszawa, 1998. Vol. II.
60. *Romanowski A.* Znaleźiska monet rzymskich z terenów kultury wielbarskiej na Podlasiu, prawobrzeżnym Mazowszu i zachodniej Białorusi // Wiadomości Numizmatyczne. Rok LI (2007). Z. 1 (183). S. 29—51.
61. *Gupieniec A.* Przewodnik po dziale numizmatycznym muzeum archeologicznego w Łodzi. Łódź : Wyd. Muzeum Archeologicznego w Łodzi, 1954.
62. *Kietlińska A.* Monety starożytne w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie // Materiały Starożytne. Warszawa, 1957. T. II. S. 269—291.
63. Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / J. Andrzejowski [ta in.] ; pod red. A. Piotrowskiego. Warszawa : PMA, 2005.
64. *Брайчевский М. Ю.* О распространении римских монет у древних восточных славян // Вестн. древ. ист. 1954. № 1. С. 119—134.
65. *Брайчевський М. Ю.* Римська монета на території України. Київ : Вид-во АН УРСР, 1959.
66. *Мызгин К. В.* «Варварские» подражания римским монетам на территории черняховской культуры // Древности. Харьков : НТМТ, 2009. С. 90—106.
67. *Мызгин К. В.* Находки римских республиканских монет на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2012. № 4. С. 17—30.
68. *Мызгин К. В.* Находки римских монет провинциальной малоазийской чеканки II—III вв. на территории черняховской культуры // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 321—328.
69. *Myzgin K., Beidin G.* Findings of Bosporan coins on the territory of Chernyakhov Culture // Notae Numismatae — Zapiski Numizmatyczne. 2012. Vol. VII. P. 45—79.
70. *Мызгин К. В.* Подвески из римских монет в ареале черняховской культуры восточнее р. Прут // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : материалы конф., Тула, нояб. 2008 г. : в 2 ч. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. Ч. 2. С. 95—114.
71. *Michelbertas M.* Romos monetė radiniai Lietuvos TSR teritorijoje // Lietuvos TSR Mokslė Akademijos darbai. A serija. 1961. T. 1. P. 19—36.
72. *Михельбертас М. М.* Тезаврирование римских монет на территории Литвы // Пieniądz i banki: tezauryzacja, obieg pieniężny, bankowość: wspólnota dziejów: Białoruś — Litwa-Łotwa — Polska — Słowacja — Ukraina. 5th Międzynar. konf. numizmat., Supraśl, 5—7.IX.2002. Warszawa, 2002. S. 77—82.
73. *Michelbertas M.* Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Litauen. Vilnius : Habelt, 2001.

В. А. ЮРГЕНСОН

**ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО:
ПРОЦЕССЫ УНИФИКАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ
СИСТЕМ КНЯЖЕСТВА И КОРОНЫ**

Описывается денежное обращение и денежные реформы на территории Речи Посполитой с 1574 по 1632 г. и процесс унификации денежных систем ВКЛ и Польши. В ходе денежной реформы Стефана Батория была создана единая правовая основа для денежной системы Речи Посполитой, а также стандартизировано количество номиналов и метрологические характеристики новых монет. Во время правления Сигизмунда Вазы унификация денежной системы и инфляция способствовали постепенному исчезновению из обращения дореформенных монет.

Describes the monetary circulation and monetary reforms in the territory of the Commonwealth from 1574 on 1632 years, and the process of unification of the coin of the Grand Duchy of Lithuania and Poland. In the course of the monetary reform Stefan Batory was formed a unified legal framework for the monetary system of the Commonwealth, as well as standardized nominal number and metrological characteristics of the new coins Crown and Principality. During the reign of Sigismund Vasa coins continued unification of processes and inflation contributed to the pre-reform coins were gradually disappearing from circulation.

Ключевые слова: монета; денежная реформа; экономика; Речь Посполитая.

Keywords: coin; monetary reform; economy; Polish-Lithuanian Commonwealth.

В ходе денежной реформы Стефана Батория была сформирована единая правовая база для финансовой системы Речи Посполитой (РП), а также унифицирован номинальный ряд и метрологические характеристики новых монет Короны и Княжества. Однако параллельно ей

Юргенсан Усевалад Аляксандравіч — малодшы навуковы супрацоўнік аддзела генеалогіі, геральдыкі і нумізматыкі Інстытута гісторыі НАН Беларусі. E-mail: rurik3@tut.by

---

сохранялась старая денежная система ВКЛ. Это фиксируется как кладовыми комплексами, в которых дореформенные монеты сохраняли активное присутствие до последнего десятилетия правления Сигизмунда Вазы, так и письменными источниками, в частности Литовской метрикой. Так, в дарственной Стефана Батория дисненскому плебану от 10 ноября 1583 г. фигурирует сумма «*in perpetuum florenos centum, in quemlibet florenum viginti quattuor grossos lithvanicos*» (навечно флоринов 100, считая в флорине по 24 гроша литовского), а в подтверждающем письме эта же сумма упомянута как «*centum florenos polonicales*» (сто флоринов польских) [3, с. 90]. В латиноязычной документации XVI—XVIII вв. под термином «флорин польский» или просто «флорин» понимался счетный польский злотый. В этой же дарственной указывается деление польского злогого не на 30 польских грошей, а на 24 гроша литовских. 1 польский грош был эквивалентен 8/10 гроша литовского. Бытование литовского гроша, «личбы литовской» и такой счетной денежной единицы, как копа, неоднократно фиксируется записями метрики — «...в каждый год каждому из них давал по десять коп грошей литовских а на сукно по две копы литовских» (письмо Стефана Батория подскарбию земскому от 14 ноября 1583 г.) [3, с. 94]. Литовские гроши и «личба литовская» регулярно фиксируются в документах за 1583—1584 гг.: «...на целый рок зуполный за три тысячи и пятьсот золотых польских, то есть за тысячу и четыреста коп грошей личбы литовское» [3, с. 110]. Таким образом, сумма в 3500 злотых эквивалентна 84 000 литовских грошей (1400 x 60), что подтверждает котировку польского злогого в 24 литовских гроша.

Подобную тенденцию подтверждают и кладовые комплексы. Состав кладов показывает, что дореформенные монеты участвовали в обращении и спустя два десятилетия после завершения монетных реформ Стефана Батория, а также спорадически появлялись в составе кладовых комплексов (и в денежном обращении) и через 60—80 лет после завершения реформы. Так, например, Речицкий клад 1951 г. (дата сокрытия между 1610 и 1620 гг., младшие монеты — рижские шеляги 1610 г. чеканки) содержит в своем составе дореформенных 41,44 % литовских и 9,20 % коронных монет [6, с. 170—174]. Дореформенная чеканка в составе клада представлена литовскими полугрошами Александра, Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа, коронными полугрошами Казимира IV, Яна Альбрехта, Александра и Сигизмунда Старого.

Уникальным является клад из урочища «Островки» близ деревни Стасевка Речицкого района, обнаруженный в 1948 г. Из 982 монет кла-

да 976 являются дореформенными литовскими эмиссиями: это недатированные полугроши Александра, Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа, которые составляют 99,39 % клада, что нетипично для кладов данного периода, в которых дореформенные монеты обычно составляют от 20 до 50 % [1; 6, с. 163, 164; 8, с. 310—330].

Дореформенные монеты фиксируются и в более поздних кладовых комплексах. Так, в составе клада 1959 г. из деревни Лазаревичи Быховского района (дата сокрытия — после 1648 г.) присутствует 10 дореформенных литовских монет — полугрош 1511 г. и тройки 1562—1564 гг. чеканки [6, с. 170, 171]. В Мозырском кладе 1960 г. (дата сокрытия — после 1647 г.) присутствуют литовские полугроши Александра, Сигизмунда I, Сигизмунда Августа, а также пражский грош Вацлава IV и обломок пражского гроша [6, с. 172]. В кладе 1871 г. из урочища Бобровица близ Наровли (дата сокрытия — 1665 г.) имеются следующие дореформенные монеты: литовские полугроши Александра, Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, литовский двугрош 1565 г., коронные полугроши Владислава II и Сигизмунда I, торуньский и гданьский гроши Сигизмунда I и примыкающий к этой группе монет прусский грош 1532 г. [6, с. 184].

В денежном обращении также участвовали и монеты иностранной чеканки. Кладовые комплексы и единичные находки показывают, что если в 60-е гг. XVI в. иностранная монета составляла лишь относительно незначительную долю от общей массы находящихся в обращении монет и была представлена эмиссиями Пруссии, Силезии, Венгрии, а также пражскими грошами, то к концу столетия ее доля в составе кладов увеличилась до 30 %. При этом существенно расширилась география эмиссий Московского государства, германских княжеств, Священной Римской империи, Испании и других стран.

Важным письменным источником является королевский привилей ротмистру Яну Курницкому от 30 мая 1584 г., в котором говорится о выкупе имения «*в певной сумме пенязей в тысячи и в четырехсот копах грошей личбы литовское личечи в кождый грош по десяти пенязей белых*» [3, с. 195, 196]. Таким образом, не только фиксируется сохранение в обращении литовского гроша, но и подчеркивается его деление на 10 литовских денариев, в то время как польский грош делился на 18 польских денариев (а литовский грош был, соответственно, равен 22,5 польским денариям) [2, с. 246; 4, с. 247]. Употребление в тексте документа термина «пенязей белых» подчеркивает противопоставление их польскому денарию, чеканившемуся из крайне низкопробного биллона при I 1/2 ло-

товой пробе и содержащему лишь 9,375 % серебра и 90,625 % лигатуры. Термин же «белый» в XVI в. использовался, чтобы показать, что монета является серебряной. Литовский денарий с 1546 г. имел III 1/2 лотовую пробу и содержал 21,875 % серебра в своем сплаве [2, с. 246], поэтому, хотя был изготовлен из биллона, по сравнению с польским денарием, более чем на 90 % состоявшим из меди, вполне мог рассматриваться именно как «белая», т. е. «серебряная», монета.

Важная роль дореформенной монеты в денежном обращении приводит к тому, что уже в самом начале правления преемника Стефана Батория Сигизмунда III Вазы (1587—1632) Сейм де-юре признает статус дореформенной литовской монеты как законного платежного средства. Одновременно с этим была предпринята попытка изъять из обращения иноземную монету. Артикул 40 сеймовой конституции 1588 г. «О монете дробной» постановлял, что поскольку от иностранных неполноценных монет есть «великая шкода Речи Посполитой», то в течение полугода должна быть изъята из обращения монета *«дробна незвана, яко Сляска, Бранденбургска, Сакска и иниша»*. Исключение делалось лишь для венгерских денариев («шелягов Вегерских») и пражских грошей *«кторе до тегу часу бёра»*. Оговаривалось, что действие данного пункта распространяется как на Корону, так и на территорию ВКЛ. Этот же артикул утверждал, что дореформенная *«монета Литевска, яко добра и важна»* сохраняется в обращении. Подчеркивалось, что дореформенная монета ВКЛ *«яко в Вельким Кс. Л., так и в Короне, всезде ма быть брана»* (как в ВКЛ, так и в Короне, везде обязательна к приему) [9, с. 259].

Увеличение эмиссии разменной монеты в 1590-е гг. приводит к вымыванию полновесной монеты, а также к порче монеты. Вследствие этого возникает необходимость принятия соответствующих правовых мер. Артикул 6 сеймовой конституции 1598 «О минци, так домовей, яко и посторонней» («об отечественных и иностранных монетных дворах») регламентировал меры, призванные не допустить утечки полноценной монеты, а также деятельность на борьбу с порчей монеты в частности с обрезанием драгоценного металла. Как правило, обрезке подвергались голландские серебряные дукатоны, которые имели большую массу, нежели сходные с ними по оформлению левандердаалеры и риксдаалеры. Порче были подвержены тройки и шеляги РП. В особенности это касалось шелягов, диаметр которых существенно варьировался, что давало возможность фальшивомонетчикам обрезать металл с больших из них.

В частности, этот артикул устанавливал следующие курсы полноценной монеты: *«червонный золотый, который бы был важны и неподрезаны, мял добрый узваг або плациц, едно по пятидесяти и осми грошей: а талер также важный и неподрезаны, не дороже едно по тридцати шести грошей»*. Таким образом, курс дуката устанавливался в 58 грошей, а курс талера — в 36 грошей. Также этот артикул предписывал изъятие иностранной разменной монеты и монеты, подвергнувшейся обрезанию драгметалла: *«А червонные золотые, также и талеры подрезаны, и минцы дробнейшие чужеземские... не мят еж быть бране»*. Запрет на прием в платежи иностранной разменной монеты должен был сохраняться до принятия и опубликования (*«о чём дадим публикацию до всех городов под титулом нашим»*) вальвационных таблиц, которые бы установили курс каждой иностранной монеты. Также артикул указывал, что монеты, отчеканенные в правление Стефана Батория, сохраняют свою законную платежную силу [10, с. 367].

Война со Швецией 1600—1629 гг. стала катализатором инфляционных процессов в РП. Еще в 1604 г. согласно решению Скарбовой комиссии содержание серебра в шестаке было уменьшено на 8,5 %, в тройке на 8,4 %, в гроше на 16,5 %, в шеляге на 55,4 % [5, с. 615; 7, с. 182, 183]. РП встала на путь инфляционного финансирования экономики.

Финансирование значительной части государственных расходов, вызванных военными конфликтами первой четверти XVII в., производилось путем эмиссии монеты с пониженной пробой и массой, что привело к активным инфляционным процессам в экономике. По сравнению с 1598 г. к 1611 г. номинальный курс дуката вырос на 20,7 % (с 58 до 70 грошей), а номинальный курс талера — на 11,1 % (с 36 до 40 грошей). В 1620 г. курс дуката устанавливался в 4 золотых, курс талера варьировался в зависимости от его серебряного содержания: *«талеры старые по золотых полтора, талеры золотые по грошей тридцати семи, орты Гданьские по грошей шестнадцати»* [11, с. 149—153, 180]. Таким образом, курс дуката по сравнению с 1611 г. возрос на 71,4 % (с 70 до 120 грошей), курс полноценного, «старого» талера — на 12,5 % (с 40 до 45 грошей). Также вырос курс «золотого» талера (на 23,3 %, с 30 до 37 грошей) и орта. Более мелкие номиналы оказались подвержены инфляции еще сильнее. Если в конце XVI в. в тройке содержалось 2,12 г чистого серебра, то к 1623 г. доля последнего упала до 0,90 г. [5, с. 615].

На протяжении первых двух десятилетий XVII в. предпринимались попытки снижения инфляционных процессов. В частности, в 1614 г. в

Польше начинается эмиссия полторака, содержание серебра в котором было занижено по отношению к грошу на 13,7 %, а по отношению к трояку — на 21,6 %. Однако в ВКЛ чеканка данного номинала так и не началась вплоть до 1619 г. На рубеже 1610—20-х гг. происходит резкий виток инфляции, затронувший и ВКЛ. Так, в 1619 г. начинается чеканка полторака, который, будучи еще на момент введения в 1614 г. неполноценным номиналом, в 1619 г. потерял еще 32,3 % серебряного содержания. Уже в 1622—1623 гг. происходит очередное падение массы и пробы разменной монеты. Наложённый Сеймом в 1627 г. запрет на чеканку разменной монеты смог на время остановить инфляционные процессы.

Война 1600—1629 гг. стала причиной инфляции и денежных реформ, каждая из которых была призвана помочь стране выйти из затяжного экономического кризиса, но при этом вызвала его новый виток и углубление. В период правления Сигизмунда Вазы были проведены следующие *денежные реформы*:

1604 г. — девальвированы все номиналы выше тернария и ниже полталера. Соотношение номиналов оставалось неизменным. Примечательно то, что, хотя среди номиналов, подвергавшихся согласно решению Скарбовой комиссии девальвации, был и шестигрошовик (содержание серебра в нем снижалось на 8,5 %), в реальности решение о девальвации шестигрошовика не было исполнено в связи с прекращением чеканки монет данного номинала;

1608 г. — в денежную систему вводился новый номинал — орт, первоначально равный 10 грошам и соответствующий ортсталеру (1/4 талера) германских государств;

1614 г. — вводился новый, инфляционный номинал — полторагрошовик (полторака), эквивалентный драйпелькерам и апфельгрошонам германских государств, содержание серебра в котором было занижено по отношению к грошу и к трехгрошовику;

1616 г. — шестаки и тройки девальвировались на 17,2 %, а также изменился курс орта (его стоимость повысилась с 10 до 16 грошей) с целью предотвращения инфляции данного номинала. Одновременно была прекращена чеканка гроша (хотя он остался в обращении). Решение о снижении серебряного содержания трех- и шестигрошовиков было на практике реализовано не сразу. Новые трехгрошовики начали чеканиться в 1619 г., а шестигрошовики — лишь в 1623 г.;

1620 г. — вводился в обращение новый номинал — «талер золотой», равный польскому золотому. Новая монета имела лотовую пробу X, ли-

гатурную массу 19,77 г и содержание чистого серебра 12,356 г. Таким образом, впервые после непродолжительной чеканки полукопок 1564—1565 гг. и кредитных «филипков» 1564 г. золотый нашел воплощение не только как счетная единица, но и как монета с содержанием драгоценного металла в 12,356 г чистого серебра. Также в 1620 г. была возобновлена эмиссия коронного полугроша.

В связи с дальнейшим обесцениванием полторака, становившегося к тому времени, наряду с шелягом, основной отечественной монетой в денежном обращении, была проведена денежная реформа **1621 г.**, согласно которой стоимость орта была повышена с 16 до 18 грошей. Это было призвано, как и в случае реформы 1616 г., обезопасить орт от инфляции. Прекращалась чеканка коронного полугроша. Соотношение основных номиналов монет РП (от «талера золотого» и ниже) в результате денежной реформы 1621 г. приобрело следующий вид:

1 золотый = 1 $\frac{2}{3}$ орта = 5 шестакам = 10 троякам = 15 полторакам = 30 грошам = 60 полугрошам = 90 шелягам = 180 тернарам = 270 двуденарам = 540 польским денариям;

1 орт = 3 шестакам = 6 троякам = 12 полторакам = 18 польским грошам = 54 шелягам = 108 тернарам = 162 двуденарам = 324 польским денариям;

1 шестак = 2 троякам = 4 полторакам = 6 польским грошам = 18 шелягам = 36 тернарам = 54 двуденарам = 108 польским денариям;

1 трояк = 2 полторакам = 3 грошам = 9 шелягам = 18 тернарам = 27 двуденарам = 54 польским денариям;

1 полторака = 1 $\frac{1}{2}$ польским грошам = 4 $\frac{1}{2}$ шелягам = 9 тернарам = 13 $\frac{1}{2}$ двуденарам = 27 польским денариям;

1 грош = 3 шелягам = 6 тернарам = 9 двуденарам = 18 польским денариям;

1 шеляг = 2 тернарам = 3 двуденарам = 6 польским денариям.

Состояние государственных финансов вынудило Сейм и Скарбовую комиссию провести в **1623 г.** очередную денежную реформу, которая заключалась в масштабной девальвации монет достоинством от солида до шестигрошовика. Возобновлялась эмиссия гроша. Шеляг и полторака, ранее сильно обесценившиеся, были девальвированы относительно незначительно (на 7,7 и 10 % соответственно), девальвация остальных номиналов составила от 41,4 до 57,6 %. Чеканка «талеров золотых» была прекращена в 1622 г.

Кладовые комплексы, сокрытые в период правления Сигизмунда Вазы, демонстрируют следующие тенденции в денежном обращении. На начальном этапе активно фигурировали дореформенные литовские монеты, а также монеты иностранной чеканки. По мере насыщения

рынков массой новой пореформенной монеты доля дореформенной и иностранной монеты в кладах снижалась.

В период активного обесценивания монет РП (1610—20-е гг.) происходит тезаврация «старой доброй» монеты, представленной как монетами дореформенной чеканки, так и ранними пореформенными трехгрошовиками (чеканки 1580—1600-х гг.). Со временем (к 1630-м гг.) обесценившаяся монета РП занимает практически монопольную позицию в денежном обращении (в кластере монет достоинством ниже полуталера), вытесняя из обращения как дореформенную и иностранную монету, так и ранние «добрые» пореформенные монеты РП.

После прекращения чеканки разменной монеты (согласно сеймовому постановлению 1627 г.) доля иностранной монеты в обращении снова увеличилась — в основном за счет эмиссий шведской Прибалтики, а также Пруссии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акт описи кладов, находящихся в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея (от 10 окт. 2002 г.).
2. *Масько І. Ф.* Дэнарыі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. С. 246—247.
3. Метрыка Вялікага княства Літоўскага / склад. А. А. Мяцельскі ; рэдкал.: Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2008. Кн. 70 (1582—1585).
4. *Рабцэвіч В. Н.* Дэнарыі польскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. С. 247.
5. *Рабцэвіч В. Н.* Тры грошы // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. С. 615.
6. *Рябцэвіч В. Н.* Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика : в 4 т. Киев : Наукова думка, 1963. Т. 1. С. 152—202.
7. *Рябцэвіч В. Н.* Нумизматыка Беларусі. Мінск : Полымя, 1995.
8. *Харламповіч П. В.* Монэтныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага Музею // Гіст.-археал. зб. Менск, 1927. № 1. С. 305—341.
9. *Konstytucya Seymu Walnego, koronacyi krolewskiej, roku Bozego 1588* // *Volumina Legum*. Petersburg : Druk. Jozafata Ohryzki, 1859. S. 251—270.
10. *Volumina Legum*. Petersburg : Druk. Jozafata Ohryzki, 1859. Т. II.
11. *Volumina Legum*. Petersburg : Druk. Jozafata Ohryzki, 1859. Т. III.

І. Н. КОЛАБАВА

АРХІЎНЫЯ ДАКУМЕНТЫ XIX ст. АБ ПЕРАПЛАЎЦЫ РАСІЙСКОЙ МЕДНАЙ МАНЕТЫ

Разглядаецца адзін з аспектаў гісторыі грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі XIX ст. — незаконная пераплаўка расійскай меднай манеты. На падставе неапублікаваных архіўных матэрыялаў фонду вывучаецца праблема, якая не знайшла асвятлення на беларускім матэрыяле канцэлярыі віцебскага губернатара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Аналізуюцца прычыны гэтай з’явы, супрацьстаянне ёй з боку дзяржавы, пры-
водзіцца апісанне некалькіх выпадкаў магчымага злачынства.

The article deals with one aspect of the history of money circulation in the territory of Belarus in the XIX century — illegal remelting Russian copper coins. Studying of the problem, which has not found a review on Belarusian material, was based on unpublished archival materials Fund of office of a Viciebsk governor of the National Historical Archives of Belarus. Analyzes the causes of this phenomenon, opposition to him by the state, is a description of a few cases of possible crimes.

Ключавыя словы: грашовае абарачэнне; расійская медная манета; пераплаўка меднай манеты.

Keywords: monetary circulation; Russian copper coin; remelting of a copper coins.

Пэўная колькасць неапублікаваных архіўных спраў XIX ст., што захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (Мінск), утрымлівае матэрыялы аб правядзенні следчых мерапрыемстваў, звязаных з праблемай незаконнай пераплаўкі расійскай меднай манеты [1—4].

Чаканка першых рускіх медных разменных манет — пулаў — адносіцца да XV ст. [8, с. 95]. Далейшае выкарыстанне медзі адзначана ў ходзе грашовай рэформы Аляксея Міхайлавіча (1654—1663), калі былі адчаканены медныя драцяныя дзенга, капейка, грош (дзве капейкі) і алтын.

Колабава Ірына Навумаўна — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музейзнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт. E-mail: irynakolabava@tut.by

---

Найвышэйшым жа наміналам у медзі, эмітаваным у ходзе гэтай рэформы, стаў круглы палціннік, які з-за метралагічнай адпаведнасці талеру даволі часта называўся «медным яфімкам». Наступным этапам пуску ў абарачэнне меднай манеты стала грашовая рэформа Пятра I (1700—1718), калі з'явіліся медныя паўпалушка, палушка, дзенга і капейка, а пазней — грош (дзе капейкі) і пяць капеек [6, с. 192, 255].

У далейшыя часы эмітаваліся медная палушка (1/4 капейкі), дзенга (1/2 капейкі), 1, 2, 3, 4, 5, 10 капеек [10]. Акрамя таго, у перыяд 1725—1727 гг. на кацярынбургскіх казённых горных заводах былі адчаканены платы наміналам у рубель, палціну, паўпалціну, грыўню, пяць капеек, капейку [10, с. 69; 9, с. 294—305]. Вядомы таксама адзінкавыя экзэмпляры медных «сестрарэцкіх» рублёў 1770 і 1771 гг. — спроба рэалізацыі праекта выпуску на Сестрарэцкім манетным двары ў 1768—1778 гг. адпаведных медных наміналаў для забеспячэння асігнацый [10, с. 84].

У перыяд знаходжання ў складзе Расійскай імперыі Варшаўскі манетны двор акрамя агульнарасійскіх медных наміналаў чаканіў медныя адзін і тры грошы [10, с. 107]. Гельсінгфорскі манетны двор у час уключэння Фінляндыі ў склад Расійскай імперыі выпускаў медныя 1,5 і 10 пены [10, с. 117].

У практыцы грашовага абарачэння пры неабходнасці праводзілася перачаканка меднай манеты.

У канцы XVIII — пачатку XX ст. у адрозненне ад папярэдніх часоў рэальная вартасць расійскіх медных манет значна перавышала іх намінал, што прыводзіла да страт для дзяржаўнай казны, недахопу разменнай і выціскання меднай манеты з абарачэння шляхам пераўтварэння яе насельніцтвам у каштоўны металічны лом.

Нягледзячы на крымінальную адказнасць за пераплаўку меднай манеты, працэс выкарыстання яе не па прамым прызначэнні не спыняўся. Медную манету плавілі і выкарыстоўвалі для выраблення посуду і іншых прадметаў, а таксама вывозілі медны лом за мяжу ці проста збіралі і прытрымлівалі ў сваіх руках.

Прывядзенне ў парадак суадносін паміж рыначнай і намінальнай вартасцямі меднай манеты прапаноўвалася ў шэрагу праектаў па рэфармаванні манетнай сістэмы. Іх агульная сутнасць вызначалася ў значным павышэнні намінальнай вартасці медных манет у адносінах да кошту меднай сыравіны шляхам павышэння манетнай стапы, што адпаведна прыводзіла да зніжэння іх масы. Але гэтыя праекты мелі шмат недахопаў і былі рэалізаваны толькі ў канцы першага дзесяцігоддзя XIX ст.

З 1763 г. медныя расійскія манеты чаканіліся па 16-рублёвай манетнай стапе (па 16 рублёў з пуда медзі), а з 1810 г. — па 24 рублі з пуда медзі.

У выніку ў першай чвэрці XIX ст. з’явіўся шэраг урадавых дакументаў, што датычаць пытанняў выкарыстання меднай разменнай манеты ў грашовым абарачэнні [7, с. 158]. Напрыклад, указ ад 12.01.1826 пастанаўляе «принимать медную монету старого штемпеля и в продолжении наступившего 1826 г. в счёт податей, при покупке гербовой бумаги, соли и вина» [5, № 44, с. 56].

Палажэнне Камітэта міністраў ад 09.12.1824 «Об обмене медной монеты старого чекана на новую или ассигнации» адзначала, што «по всем границам нашим происходят тайные провозы медных старого чекана денег... к пресечению сего злоупотребления, постановить, чтобы все таковые деньги, в обращении еще находящиеся, непременно в течение 3-х месяцев были обменены в уездных казначействах на медную монету нового чекана, или на государственные банковые ассигнации; в противном же случае буде по окончании сего назначаемого срока окажутся у кого либо медные деньги старого чекана, то оныя подвергать конфискации...» [5, т. 39, № 30 144, с. 645].

У справах канцэлярыі віцебскага грамадзянскага губернатара і канцэлярыі генерал-губернатара віцебскага, магілёўскага і смаленскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск) утрымліваюцца факты барацьбы мясцовых улад са спробамі незаконнага выкарыстання меднай манеты «старога чакана».

У «Деле о возвращении мешанину Шалыте найденной у него медной монеты» (8.04.—11.08.1815) утрымліваецца рапарт Віцебскай гарадской паліцыі віцебскаму грамадзянскаму губернатару, у якім паведамляецца, што ў месціца Шалыты знайшлі «один мешок медных денег прошлых лет монетой», сабраных, магчыма, для злоўжыванняў. Сведка — шляхцянка Магдалена Паўлоўская — паведаміла, што «будто перед тем же из дома медника Белизеки 4 мешка медных денег». Пры вобыску ў Белізеці былі знойдзены «перетопленной» з лому «меди два куса» [3, арк. 1].

У далейшым было высветлена, што ўзятыя ў Шалыгі (Шалыты?) «медные деньги 47 р. 80 коп., а у Белизеки переплавленная медь не подают никакого поводу к обнаружению какого-либо зла». Але для папярэджання магчымага злачынства, паколькі грошы былі «в старой монете», вырашана было адправіць іх «в Казённую палату... и просить, чтобы променяли оные на медные деньги нынешней монеты и прислали в по-

лицию, которые и возвратят хозяину» [3, арк. 1]. Акрамя таго, медніку Белізеку была вернута ўзгаданая кускавая медзь, а ў адносінах да сведкі Паўлоўскай, паказанні якой не былі даказаны, пастанавілі праверыць, ці не звязана яна з нейкім злачыствам і ці з'яўляецца яна на самай справе шляхцянкай [3, арк. 1 адв.].

У справе канцылярыі віцебскага грамадзянскага губернатара «О найденных в доме крестьянина помещика Быковского 25-мешках медных денег» (12.06.—17.09.1815) паведамляецца, што агульная сума знойдзеных грошай складала «более 1000 рублей, все пятаками и грошами покойного государя императора Павла I» [2, арк. 1].

У рапарце Віцебскай гарадской паліцыі ад 02.08.1815 паведамляецца пра «поимку в ночное время везенной медной монеты, пятаками и старинными грошами в восьми мешках, дровами прикрытых, сыном малолетним витебского мещанина медного дела мастера Савелия Студзинского под видом в Бешенковичи на ярмарку», які «был наперед сего под судом по сомнительству за переплавку медной монеты» [2, арк. 3]. Акрамя гэтага, у паліцыю былі дастаўлены знойдзеныя ў доме селяніна Прохара Мартынава «запечатанных двадцать пять мешков медной монеты, с надписью, что в них по 50-ти рублей» [2, арк. 3].

У справе прыводзяцца паказанні розных сведкаў. Адны з іх, для прыкладу, паказваюць, што «из имени г-на Быковского Курина, прежде в двух больших мешках при экономе того имени были привезены деньги медные и положены для сохранения, а потом с... арендатором того же имени ещё один большой мешок, кои деньги 5-го сего июля... еврей из имени Быковского Келки в два дни и две ночи считал, приказал шить мелкие мешки и, нажав их 25-ть, завязал и запечатал своею печатью... положил в избе около печи, накрыл их сермягою и простынею и пошел пешком в Корин 8-го июля за подводами, на коих и хотел везти те деньги в имение Кельню Минской губернии. А другие показывают, что сперва один большой мешок доставлен экономом с медными деньгами, а потом другой тоже большой евреем арендатором, кои и хранились... в клетки, а через день тот же еврей ещё привез тоже большой мешок денег» [2, арк. 3—3 адв.].

Адзін са сведкаў, арандатар памешчыка Быкоўскага Шахна, паказаў, што эканом Быкоўскага падчас знаходжання ў Віцебску гаварыў яму, што «Быковский из Минска писал к нему эконому намять медных денег, сколько возможно быть пятаками и грошами прежних лет для надобности ему случившейся в той губернии, почему и дал он эконому 900 р.

ассигнациями и просил выменивать, а... выменные деньги в Витебске хранить...». У выніку эканом з дапамогай арандатара абмяняў на медную манету «800 р., все старыми грошами и пятаками...» [2, арк. 4]. Медныя манеты былі перасыпаны з двух мяшкоў у адзін, запячатаны гербавай пячаткай і аддадзены на захаванне. У паліцэйскім рапарце ставіцца пытанне аб неабходнасці выкрыцця «истинных намерений, для чего деньги эти вымениваемы, и такую монетою, коей фунт значит сорок копеек, когда дельная медь продается за полтора рубля за фунт» [2, арк. 5 адв.].

У адказ у сваім звароце да віцебскага грамадзянскага губернатара памешчык, калезскі асэсар Іван Быкоўскі тлумачыць, што мяняў грошы толькі на ўласныя патрэбы, і просіць «медные мои деньги, взятые полицией... всего тысячу двести девяносто пять рублей пятьдесят одну копейку... выдать для моих расходов» [2, арк. 9, 10].

15.03.1828 генерал-губернатару віцебскаму, магілёўскаму, смаленскаму і калужскаму ад віцебскага грамадзянскага губернатара паступіла паведамленне аб магчымым злоўжыванні, «происходящем якобы в имении генерал-майора Гурко, состоящем в Бабиновицком повете... чрез переплавление медной монеты». Менавіта ва ўладанні Гурко ў Магілёўскай губерні накіроўваўся затрыманы 3 сакавіка «в городе Витебске мещанин еврей Исар Боград, ехавший на одной лошади и везший в санях медные слитки, коих было числом до сорока каждый, по 10-ти и 12-ти фунтов, якобы в Гамерню упомянутого г. генерал-майора Гурко, но от них еврей Боград бежал...» [1, арк. 1—1 адв.]. Адрозна ў Бабінавіцкі павет для правядзення следчых мерапрыемстваў быў накіраваны чыноўнік па асобых даручэннях, тытулярны саветнік Калодны [1, арк. 6].

У рапарце Калодны падрабязна апісваў сваю паездку ў маёнтак генерал-маёра Гурко. «Сего марта 17 числа в 9 часов вечера получил я по дорожную, погонные деньги и секретное предписание Вашего Высокоблагородия за № 10 с поручением на очень внезапного освидетельствования состоящего Могилёвской губернии Бабиновецкого повета в имени помещика генерал-майора Гурко медно-плавильного завода... по случаю поимки здесь в Витебске еврея Иссара Баграда, везшаго в тот завод слитки меди, переплавленной якобы из медной монеты». «По крайней распутице», як адзначаецца ў рапарце, Калодны адправіўся ў падарожжа. Дабраўшыся ўначы да Бабінавічаў, ён да ранку прасядзеў на паштовай станцыі. Ад павятовага страпчага Карчэўскага чыноўнік даведаўся, што ўсе сябры ніжняга земскага суда па справах службы з'ехалі з горада, а вобыск на медзеплавільным заводзе праводзіў судовы

засядацель Дабравольскі, які не знайшоў аніякіх правапарушэнняў [4, арк. 10]. Тым не менш чыноўнік Калодны прыняў рашэнне яшчэ раз наведць прадпрыемства разам з засядацелем Дабравольскім і страпчым Карчэўскім. Быў праведзены ўважлівы агляд заводскіх памяшканняў, але «никаких признаков переплавленной медной монеты... злоупотреблений в переплавке денежной монеты» знойдзена не было [4, арк. 10 адв.]. Перад чыноўнікам па асобых даручэннях была пастаўлена яшчэ адна задача: даведацца, адкуль на завод паступае медная сыравіна і куды адпраўляецца гатовая прадукцыя.

У прыватнай размове з арандатарам Келерам Калодны даведаўся, што той арэндуе гэта прадпрыемства ўжо на працягу 20 гадоў і «не чувствует себя виноватым», але «случай этот возник из сплетней Витебских евреев медников, питающих к нему неудовольствие за то, что он не подряжает их работать для своего завода», а пастаўляе на завод медны лом «некий витебский еврей по имени Иссара... но в настоящем марте месяце сей еврей ни сам не появлялся, ни меди не присылал в его завод», што пацвердзілі і рабочыя [4, арк. 11].

У завяршэнні рапарта Калодны адзначае, што «с соображений всех в совокупности изъяснений... мне не представлялось повода ни к подозрению, ни к даже сомнению в существовании на сем заводе злоупотреблений». Ён таксама ставіць пытанне — чым дакажуць перад судом «как доносители, так и поймавшие в Витебске еврея Богграда... что везенные Боградом отсюда на завод... слитки были сплавлены из медной монеты? И почему они в ту же минуту не донесли... начальству о сем государственном преступлении?» [4, арк. 11 адв.].

Губернскія ўлады прынялі рашэнне, што на заводзе «генерал-майора Гурко никакого злоупотребления не происходит», а «неправильные доносители» — мясцовыя яўрэі — у адпаведнасці з заканадаўствам былі адпраўлены «к осуждению» ў Віцебскі гарадскі магістрат [1, арк. 7—8 адв.].

Прыведзеныя справы сведчаць аб тым, што мясцовыя ўлады пільна адсочвалі сітуацыі, звязаныя з магчымым крымінальным выкарыстаннем меднай манеты.

У выніку можна адзначыць, што пры адсутнасці канчатковага вердыкту з абвінавачваннем канкрэтных асоб прыведзеныя архіўныя справы ствараюць магчымасць адсачыць шэраг аспектаў разглядаемай праблемы.

Тое, што рэальная вартасць расійскіх медных манет значна перавышала іх намінальнае вызначэнне, прыводзіла да шэрагу негатыўных на-

ступстваў. Незаконная пераплаўка насельніцтвам меднай манеты ў каштоўны металічны лом наносіла страты дзяржаўнай казне і грашоваму абарачэнню, прыводзячы да недахопу разменнай манеты.

Справы фонду канцылярыі віцебскага грамадзянскага губернатара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск) сведчаць аб распаўсюджанасці падобнай з’явы і на тэрыторыі Беларусі. Разгледжаныя дакументы паказваюць, што мясцовыя ўлады пільна адсочвалі сітуацыі, звязаныя з магчымым крымінальным выкарыстаннем меднай манеты. Архіўныя матэрыялы не толькі зафіксавалі працэс разгортвання следчых мерапрыемстваў, але і адлюстравалі некаторыя дэталі штодзённага жыцця, сацыяльны стан і веравызнанне ўдзельнікаў тагачасных падзей, звязаных з пераплаўкай манетнай медзі.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. НГАБ. Ф. 1297 — Канцелярыя генерал-губернатара витебского, смоленского и моголевского. Воп. 1. Т. 2. Спр. 3080 — Дело о переплавке медной монеты на заводе помещика Гурко (15.03.—19.03.1828).
2. НГАБ. Ф. 1430 — Канцелярыя витебского гражданского губернатора. Воп. 1. Спр. 177 — О найденных в доме крестьянина помещика Быковского 25 мешках медных денег (12.06.—17.09.1815).
3. НГАБ. Ф. 1430 — Канцелярыя витебского гражданского губернатора. Воп. 1. Спр. 206 — Дело о возвращении мешанину Шалыте найденной у него медной монеты (8.04.—11.08.1815).
4. НГАБ. Ф. 1430 — Канцелярыя витебского гражданского губернатора. Воп. 1. Спр. 1294 — Дело о производстве расследования по поводу донесения витебской городской полиции о переплавлении медной монеты в имении помещика Гурко Бабиновецко-го повета (19.03.1828).
5. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.07.2014).
6. *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск : Полымя, 1995.
7. *Синчук И. И.* 1826 // Тез. докл. и сообщ. 17-й Всерос. нумизмат. конф., Москва, 22—26 апр. 2013 г. / Гос. ист. музей. М. : Триумф принт, 2013. С. 158—159.
8. *Спасский И. Г.* Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л. : Аврора, 1970.
9. *Уздеников В. В.* Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. М. : Мир Отечества, 1994.
10. *Уздеников В. В.* Объем чеканки российских монет 1700—1917. М. : Межнумизматика, 1995.

С. Н. ХОДИН, Д. Н. БУЗУН

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1926 г.

На основе материалов Всесоюзной переписи 1926 г. показана демографическая структура сельского населения в 1920-е гг. Дается краткая характеристика и рассматривается возможность привлечения иных статистических источников 1920—30-х гг.

The article shows demographic structure of rural population in 1920s based on 1926 All-Union census materials. Overview of perspective involvement of other statistical sources 1920—30th is also provided.

Ключевые слова: демографическая структура; сельское население; Всесоюзная перепись населения; статистические источники.

Keywords: demographic structure; rural population; All-Union census; statistical sources.

Важнейшим источником для изучения демографической структуры белорусского общества в межвоенный период остаются данные статистики. При этом следует отметить, что статистические источники по истории белорусской деревни межвоенного времени остаются вне рассмотрения белорусских историков. Статистические источники характеризуются созданием на основе научно обоснованной программы, количественной информации, массовым характером изучаемых объектов, определением критериев и принципов сбора и группировки материала, комплексным характером сообщений, чертами, присущими массовым источникам. Именно наличие вышеназванной программы ста-

---

Ходзін Сяргей Мікалаевіч — прарэктар па вучэбнай рабоце, загадчык кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт. E-mail: skhodzin@mail.ru ; **Бузун Дзмітрый Мікалаевіч** — загадчык вучэбнай лабараторыі беларускай нацыянальнай культуры гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: dmitry@buzun.com

---

тистического обследования не всегда позволяет безусловно применять к нему методы математической статистики. На уровне программы под влиянием ряда факторов могут быть заложены такие искажения, которые не будут являться погрешностями расчетов. Историк, имея дело преимущественно с опубликованными материалами, обязан получить представление об обеих стадиях, даже в тех случаях, когда первичные материалы подлежали уничтожению.

Статистические источники содержат массовые, преимущественно количественные данные. Правильное их использование позволяет выделить в совокупности явлений, которые кажутся случайными, характерные закономерности развития. Выявление определенных закономерностей происходит путем сравнения количественных данных, для чего необходима сопоставимость (однородность) статистических данных. Статистические сведения имеют не только количественные, но и качественные характеристики. Изменения территории или других параметров изучаемого объекта или его неточное определение не дают возможности сопоставлять статистические данные в полном объеме (к примеру, территориально-административные изменения БССР на протяжении 1920-х гг. не позволяют сравнить многие сведения).

Статистические данные, которые размещаются в источниках, должны полно охватывать важнейшие элементы изучаемого явления или процесса. Чтобы рассуждать о степени достоверности статистических источников, необходимо определить их происхождение: заимствованы ли они из анкеты, которая заполнялась лицом, заинтересованным в результатах, или получены от статистика, который обязан точно записывать изучаемые сведения; данные собирались подготовленными специалистами или случайными лицами, среди которых могли быть и те, кто не имел элементарных знаний о правилах статистического учета; и, наконец, сведения должны быть однородными.

В отношении статистических источников 1920—30-х гг. задача сопоставления данных является одной из самых сложных. На протяжении 1920-х гг. трижды менялись границы и административно-территориальное деление БССР. Натуральный налог был заменен денежным, хозяйственный год в 1920-е гг. начинался и завершался 1 сентября. В предисловии к изданию «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927 гг.» редакторы объясняли свой отказ формировать сравнительные динамические ряды тем, что за все 10 лет, особенно в сельском хозяйстве, не раз менялись методы сбора информации, что обусловило ее не-

точность [6]. Не в меньшей степени это обстоятельство является важным для статистики народонаселения.

Основные динамические процессы можно проследить при сопоставлении нескольких переписей. Но для того чтобы анализ был конкретным, необходимо определить степень соответствия результатов переписей, сравнительность их вопросов. Часто даже одинаково сформулированные вопросы являются несопоставимыми из-за несоответствия инструкционных указаний, руководствуясь которыми авторы собирали материал. Поэтому сравнение сведений переписи без сопоставления программы и инструкций не может рассматриваться с научной точки зрения безупречным и может привести к противоречивым выводам.

Необходимо иметь в виду условия проведения переписи. Например, в 1920 г. Беларусь была освобождена от польских войск, но к моменту переписи переговоры с Польшей не завершились и пограничная линия не была определена. Среди населения ходили слухи о возможности передачи Беларуси под протекторат Польши, и большое количество белорусов посчитало за лучшее назваться русскими. Многие районы не были охвачены переписью. Это вынуждает критически относиться к материалам переписи с точки зрения полноты и достоверности.

Исключительное значение для изучения демографической ситуации в 1920—30-е гг. имеет Всесоюзная перепись 1926 г. Подготовка и проведение переписи осуществлялись в условиях широкой гласности, и ее результаты были опубликованы в таком объеме, который не превзойден до нашего времени [2—4; 7—9]. Вместе с тем нет общепризнанного критического анализа результатов переписи 1926 г. и чаще всего ее данными пользовались и пользуются без всяческих поправок.

Перепись была организована по принципу подсчета реального населения, личные листки составлялись на лиц, проводивших ночь с 16 на 17 декабря 1926 г. в данном населенном пункте. Перепись 1926 г. отличалась не только продуманной методикой получения сведений, но и богатством собранных данных. При подготовке переписи выдающиеся статистики В. Г. Михайловский и О. А. Квиткин выработали научные принципы, которые охватили как академические, так и производственные достижения мирового учета населения и легли в основу данной и следующих переписей населения [1, с. 17].

Опубликованные результаты являются исключительным по полноте охвата и степени репрезентативности срезом жизни СССР первой половины 1920-х гг. Но возможности этого источника в полной мере не ис-

пользуются из-за трудоемкости работы с большими объемами статистического материала. Благодаря наличию изданных томов сводных результатов данные переписи привлекались для изучения развития отдельных регионов, но сравнительный анализ на уровне показателей представляется трудоемким. Мировая практика показала высокую эффективность создания баз и банков данных результатов национальных переписей.

Важным этапом является реализуемое в настоящее время формирование базы данных, которая позволит: а) решить конкретные исследовательские задачи и использовать ее для информационного обеспечения их решения; б) сохранить и сделать информацию из исторического источника более доступной для исследователей.

Учитывая особенности и достоинства баз данных (БД), исследователь получает доступ к большому массиву структурированных данных в машиночитаемом виде и возможность создавать в этой структуре в любой форме произвольное число своих структур, ориентированных на решение конкретных исследовательских задач, например получать и уточнять числовые показатели для построения графических и иных моделей, отражающих демографические процессы в Беларуси в начале XX в. Таким образом, можно говорить о высоком информационном и исследовательском потенциале БД, который дает возможность всестороннего и системного изучения народонаселения в вышеозначенный период.

Работа по созданию БД разделена на несколько направлений:

- 1) формирование электронного архива оцифрованных томов (разработка основных принципов и методов формализации данных),
- 2) создание информационной модели и разработка интерфейса БД.

Детальный анализ структуры таблиц переписи позволил частично осуществлять контроль ввода в автоматическом режиме, когда на программном уровне по завершении ввода группы значений определяется соответствие введенной суммы итога группы и расчетное значение суммы этой группы, что позволило выявить ошибки, допущенные при подготовке к печати материалов переписи.

Структура таблиц переписи в полной мере отвечает традициям статистики того времени. Чаще всего это многоуровневые группировки с итогами по каждой группе. Несомненно удобный для человека, такой способ представления данных требует так называемой декомпозиции перед описанием его в реляционной системе управления базами данных. Каждая таблица представляется в виде двухмерного массива данных, при этом заголовки столбцов заменяются их порядковыми номе-

рами, а к заголовкам строк добавляются специальные маркеры групп и итогов. Это дает возможность заменить многоуровневые группировки их метаописаниями, конкретные значения которых определяются номером колонки, номером таблицы и номером тома.

Этот этап работы на конкретном примере формулирует проблему оцифровки статистических источников первой половины XX в. Созданная БД позволит провести анализ не только демографической, но и социально-профессиональной структуры населения территории Беларуси в начале XX в., проследить изменение численности, социального состава, абсолютных и относительных показателей рождаемости, смертности, естественного прироста, миграции населения, что является необходимым условием для понимания взаимовлияния демографических факторов и социально-экономического развития общества.

Предварительный анализ результатов переписи позволяет прийти к следующим заключениям. Почти 84 % (4 075 856 человек) жителей БССР, родившихся в границах СССР, проживали в сельских местностях. Среди них немногим более 1 % (41 499 человек) родились в городских поселениях, а 22 % (1 714 353 человек) жителей городских поселений прибыли из сельских местностей. Около 1 % (19 059 и 22 440 человек) лиц мужского и женского пола среди сельского населения — выходцы из городских поселений, а почти 27 % (105 310 человек) мужского и 17 % (66 125 человек) женского населения городов родились в сельских поселениях.

Если рассматривать данную проблему в разрезе народностей, то доля белорусов, русских и поляков, родившихся в городах и переехавших в село, — от 0,5 до 2 %, а евреев — 10,5 %. В то же время наибольший отток сельских жителей наблюдается среди русского населения (38 %), а наименьший — среди евреев (11,7 %). Доля белорусов и поляков, переехавших в города, находится на уровне 22—25 %. Не более 3 % белорусского, русского, польского и около 11 % еврейского населения мужского и женского пола среди жителей сельских местностей родились в городах.

Среди населения городов наблюдается иная картина. Наибольший отток из села среди мужчин прослеживается у половины рассматриваемых народностей: русские — почти 49 %, или 36 355 человек, белорусы — 29 %, или 44 776 человек. Среди белорусских и русских женщин 20—22 % населения сменили место жительства с городских поселений на сельские. Среди евреев и поляков перемена места жительства и среди мужского, и среди женского населения принимает одни и те же значения — 11,5—12 % и 22,6 % соответственно.

Среди населения, прибывшего в города из сельских населенных пунктов, наибольший удельный вес составляют рабочие в сельском хозяйстве (38 %, или 480 человек), служащие (35 %, или 22 168 человек) и рабочие железнодорожного транспорта (34 %, или 2718 человек). В то же время среди населения, прибывшего в села из городских населенных пунктов, наибольший удельный вес составляют служащие (15 %, или 16 461 человек), рабочие транспорта, за исключением железнодорожного (14 %, или 230 человек), хозяева-одиночки и члены семьи, помогающие в торговле (11 %, или 8450 человек).

Степень привлечения сельчан к труду и характер социальных взаимоотношений в середине 1920-х гг. показывают выделение самодеятельного и несамодеятельного населения. Понятие «самодеятельное население» применялось в переписях 1920—30-х гг. и в международной статистике труда до 1947 г. От количества всего сельского населения БССР самодеятельное составляло 2 759 635 человек (66,7 %), а несамодеятельное — 1 375 775 человек. Таким образом, если считать городское население, то на двух сельчан приходилось менее одного человека, которого они кормили. Важно, что БССР, согласно региональной специализации, становится хлебопотребляющей страной. Главную роль приобретают мясо-молочное производство и технические культуры. При проведении переписи 1926 г. к самодеятельной относили и ту часть населения, которая имела свой заработок, но частично потребляла средства своих близких.

Изучение социальной структуры в деревне 1920-х гг. усложняется тем, что перепись 1926 г. фактически не учитывала занятий по хозяйству и участия в воспитании детей. Большинство сельчан работали в сельском хозяйстве (99 %). Среди остальных групп можно отметить строителей, транспортников. Существенную часть их составляли кустари, служащие, торговцы. Учитывая удельный вес группы населения до 19 лет, уровень самодеятельного населения был высоким. Это было обусловлено тем, что в деревне сохранялась давняя традиция привлечения к участию в сельскохозяйственных работах с малолетства.

Размеры сельских населенных пунктов в разных регионах Беларуси отличались. Характерно, что в лесных массивах это преимущественно небольшие поселки или хутора. Достаточно густонаселенной являлась центральная часть Беларуси. Тут было значительно меньше хуторов, более распространенными являлись поселки (в основном небольшие и размещенные недалеко друг от друга). На юго-востоке (Гомельский округ) преобладали крупные поселки (села), количество хозяйств в кото-

рых доходило до 400—500. Реальное количество сельских населенных пунктов определялось по мере разработки материалов переписи, что отражалось в публикациях их данных. Поэтому более полезно использование определенных разработок, а не коротких сводок, которые имели предварительный характер.

Важнейшей характеристикой демографического развития, своего рода его «летописью» является половозрастная структура общества. Она отражает все конкретно-исторические события демографического процесса, которые выпали на долю живущих в данный момент поколений, — влияние войн и эпидемий, урожайных и неурожайных годов, миграционных и социальных изменений. От этой характеристики во многом зависят перспективы производительности населения и будущее страны.

На протяжении 1924—1926 гг. рождаемость постепенно возрастала, а смертность существенно снижалась. БССР в середине 1920-х гг. имела самый высокий показатель натурального прироста населения по европейской части СССР. Эти демографические данные свидетельствуют о стабилизации социально-экономической ситуации в БССР. Возможно, сказалось в том числе и достаточно продолжительное размещение на территории центральной части Беларуси большого количества войск (мужского населения). В результате наибольшей возрастной группой были дети от 0 до 4 лет. Самая высокая рождаемость по БССР была в 1926 г. у белорусов (42,88), потом следовали поляки (35,14), затем евреи (28,26). И в городе, и в деревне больше рождалось мальчиков (106 или 107 на 100 девочек) [5, с. 16].

Рождаемость в сельской местности Беларуси почти в 1,5 раза превышала рождаемость в крупных городах, однако смертность в деревне была чуть выше (15,0 против 13,9). Натуральный прирост населения деревни почти в два раза превышал этот показатель в городах с населением выше 50 000. Смертность мужчин превышала женскую не только по БССР, но и по СССР в целом. По БССР женская смертность составляла 80 % мужской, но по сельскому населению эти показатели были более сопоставимыми. Примечательно, что детская смертность (до одного года) в городе была выше, чем в деревне, при этом мальчики умирали здесь значительно чаще по сравнению с девочками (124 на 100 девочек — самый высокий показатель по европейской части СССР). Детская смертность в сравнении с периодом нахождения Беларуси в составе Российской империи существенно снизилась (102 в 1926 г. против 174 в 1909 г.) [5, с. 21, 22].

Для понимания социальной психологии изучаемого периода существенное значение имеет определение того факта, что согласно переписи 1926 г. 52,2 % населения БССР составляли лица в возрасте до 19 лет (2 125 692 человек). Таким образом, более половины жителей Беларуси формировалось как личности именно в советское время. Молодой возраст объясняет и особенности социального поведения населения БССР, в том числе в переломные 1930-е гг. Известно, что молодежь в большей степени подвержена восприятию нового, способна на коренную ломку уклада, который считает «старым». Можно было бы еще отметить фактор грамотности, но перепись 1926 г. не дает сведений об уровне и качестве образования населения Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Воробьев Н. Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Госстатиздат, 1957.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : крат. сводки / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1928. Вып. 5 : Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года = Recensement de la population de L'U. R. S. S. : в 54 т. / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1928—1929. Т. 10 : Белорусская Советская Социалистическая республика: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. 1928.
4. Гомель и городские поселения Гомельщины: Предварительные итоги переписи 1925 г. и некоторые данные текущих учетов и обследований : [крат. справ. сведения] / БССР, Гомел. окр. стат. бюро. Речица : Тип. Комтреста, 1927.
5. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. / Центр. стат. упр. СССР, Сектор соц. статистики, Секция статистики соц. состава и движения населения. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1929. Т. 1, вып. 2.
6. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М. : Центр. стат. упр. СССР, 1927.
7. Стэнаграма даклада кіраўніка ЦСУ БССР тав. Праферансава на пасяджэнні СНК БССР 21 лістап. 1928 г. па пытанні аб выніках дэмаграфічнага перапісу 1926 г. Мінск : Выд-ва кіраўн. спраў СНК : Выд-ва экан. нарады БССР, 1928.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года = Recensement de la population de L'U. R. S. S. : в 54 т. / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1928—1929. Т. 27 : Белорусская Советская Социалистическая республика: Занятия. Алфавитный указатель. 1928.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 года = Recensement de la population de L'U. R. S. S. : в 54 т. / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1928—1929. Т. 44 : Белорусская Советская Социалистическая республика: Семейный состав. Место рождения и продолжительность проживания. Увечные и психические больные. 1929.

И. Л. КАЛЕЧИЦ

ГРАФФИТИ КЕЛЬИ ЕВДОКИИ В СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ПОЛОЦКА

Более 600 граффити были обнаружены в келье Евдокии в Спасо-Преображенской церкви Полоцка. Среди них молитвенные прошения XIV—XV вв. Есть много автографов, оставленных школьниками иезуитского коллегіума в XVII—XVIII вв.

More than 600 graffiti was found in Evdokiya cell in Spaso-Preobrazhenskaya church of Polotsk. Among them prayer petitions have been dated by XIV—XV centuries. There are many autographs have been posted by schoolboys of Jesuit college in XVII—XVIII centuries.

Ключевые слова: граффити; школьники иезуитского коллегіума.

Keywords: graffiti; schoolboys of Jesuit college.

Спасо-Преображенская церковь была построена в XII в. зодчим Иоанном по заказу преподобной Евфросинии Полоцкой. Храм должен был совмещать несколько функций: быть местом богослужения, усыпальницей, о чем свидетельствуют семь аркосолий, и в то же время местом, где жила и молилась преподобная. Молилась она в южной крестообразной келье, расположенной на втором этаже. Такая же крестообразная келья размещалась слева, на северной стороне. Считается, что она принадлежала сестре преподобной, Евдокии, которая после отъезда Евфросинии в Иерусалим осталась игуменьей [1, с. 37]. Келья крестообразная, в ней четыре рукава — западный, северный, восточный и южный. Вход в келью находится в северном рукаве в западной стене, окно — в северной, ниши — в северной стене восточного рукава и восточной стене южного рукава, внутренние окна — в восточной стене вос-

---

Калечыц Іна Леанідаўна — дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і метадыкі выкладання гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. E-mail: issnaudas@mail.ru

---

точного рукава (обращены к жертвеннику) и южной стене южного рукава (выходит на хоры и келью преподобной).

В отличие от кельи Евфросинии, которая была расписана после смерти преподобной сюжетами на тему жизни Евфросинии Александрийской и имеет деисусный чин и ктиторскую фреску, келья Евдокии не расписывалась. Среди изображений в келье можно выделить два: позднюю масляную живопись (изображение Богородицы) и «набросок» фрески (изображение ангела, пишущего книгу). Время нанесения этой фрески пока не установлено, но художественные особенности указывают на то, что выполнена она позднее, чем фрески в келье преподобной.

Таким образом, стены кельи Евдокии не имеют фресковых росписей, но, как и стены кельи преподобной, покрыты многочисленными граффити, оставленными в основном школярами иезуитского колледжума. Исследование этих надписей закончено, что позволяет опубликовать результаты и сделать определенные выводы относительно самих надписей, времени их возникновения, распределения по временным периодам и сопоставления их с надписями из других частей храма.

Время нанесения граффити на стены Спасо-Преображенского храма делится на несколько периодов. Первый из них начинается от времени постройки церкви в XII в. и заканчивается к 1579 г. Надписи этого периода выполнены на кириллице, их оставляли священнослужители, монахини и прихожане храма. Надписи второго короткого периода (с 1579 по 1584 г.) в подавляющем большинстве представлены латиницей. Это граффити, оставленные воинами со времени вступления в Полоцк войск Стефана Батория. Целый список своих автографов оставили наемники, предположительно в 1584 г. покинувшие территорию монастыря. Концом XVI в. датируются надписи третьего, «школярского», или «иезуитского», периода. В это время территория монастыря принадлежала иезуитам и они привозили сюда учащихся на отдых. Продолжался период до начала XIX в. Надписи выполнены преимущественно на латинице, но с 1654 по 1667 г. в церкви появляются надписи на кириллице. Нижняя дата связана с восстановлением в Полоцке православной кафедры, а также с визитом царя Алексея Михайловича и последующим освящением церкви в честь Преображения Господня, а верхняя — с заключением Андрусовского мира, согласно которому Полоцк возвращался Речи Посполитой. Последний период, с 1820-х по 1832 г., связан с передачей церкви пиарам и последующей реставрацией.

Самые ранние надписи кириллические. Одна из них имела четыре строки, но начало испорчено, а две последние строки фрагментарны: [гѣ] помози ра//[бу] своему Жа//[...рѣ // ...пом — «Господи, помоги рабу своему Жа... ре... пом». Возможно, в последней строке неоконченное слово «помози». Граффито относится к XIV в. Этим же веком датируется надпись на восточной стене северного рукава гѣ помози раву (сво) (Господи, помоги рабу (сво)ему) и граффито гѣ на западной стене южного рукава. Концом XIV — началом XV в. датируется молитвенное прошение гѣ помози + раву своему про (Господи, помоги рабу своему). Так как фрагмент штукатурки утерян, невозможно определить, записано ли имя Протасий либо духовное звание (протоиерей).

Началом XV в. датируется фрагмент надписи (р)авоу на восточной стене северного рукава и гѣ помоз на западной стене северного рукава. Концом XV в. — автографы Онисей Ометка, Стась, а л — Сила, оставленные на южной стене западного рукава.

К XVI в. можно отнести число вѣ, оконтуренное квадратом из точек. Обычно в круге из точек отмечался легион — сто тысяч. Возможно, это число — 12 легионов (1 200 000). Обычно в богослужебных текстах легионы ассоциируются с отрицательными силами, может быть, таким образом автор надписи хотел сказать о вражеском нашествии. К этому же времени относятся автограф Юанъ Мар... на северной стене восточного рукава, фрагменты надписей иком и итѣп, не поддающиеся интерпретации вследствие утраты окончания, имя Игнат, записанное лигатурой. Началом XVI в. датируются граффито на южной стене восточного рукава, которое читается как тѣтѣ — «тут», и надпись тѣтѣ казна (тут казна).

Возможно, в келье есть надписи, оставленные с 1579 по 1584 г., но точно датированных не имеется.

Самые многочисленные граффити относятся к третьему периоду. Сведения, полученные в результате реставрационных работ, в совокупности с исследованными граффити дают следующую картину. Безусловно, после военных действий в храме были разрушения. Иезуитами был проведен первый ремонт, результатом которого стало, например, выдвижение хор к центру храма [2, с. 92]. С помощью граффито, найденного на цементном шве и прочитанного как Malahowsky 1625, можно предположительно указать дату окончания ремонта¹.

¹ Более точную дату окончания ремонта дают граффити северной и южной стен хор, которые были доступны с «балкона», выдвинутого в глубь храма, — 1604 г.

В келье Евдокии самое раннее граффито «иезуитского» периода датируется 28 октября 1588 г. и читается как *Ian Pata Ao (15)88 octobra 28*. Далее датированные граффити распределяются следующим образом:

- 1600—1610: *Samuel Garlinski 1607, Alexander Pczycki 1607*;
- 1610—1620: *Ioanes R 1612, Iacobus Piorowicz 1614, Nicolaus Siergieiewicz, Ioannes Siergieiewicz 1616, Losso... 1616, Nicolaus Siergieiewicz 1617, J Holewsky 16017* (в надписи допущена ошибка — поставлен лишний 0), имя неразборчиво — дата 1619;
- 1620—1630: *Ozierko 1621, Michael Newelsky AD 1623, Stephanus Alexandrowicz Ao 1623, Ioannes Czarnawski 1624 May 17, Samuel Narkiewicz 1624 May 19, Malahowsky 1625, Iakob Iwanowski R 1625, Stanislaus Casimirus Iwaszkiewicz Ano 1628, Alexander Kuninski 1629*;
- 1630—1640: *Mic[h]ael Cy[h]anowicz A 1630, Petrus Miniewicz 1638, Ioannes Vasner 1638, A 1639 (I)kowsky, Tobias Starostienski Ano 1639*;
- 1640—1654: *Matheus Rabiey 1641, Matheus Rabiey Ao 1641, Roku 1642 Zabarz...nski, Выс...sorowski 1643, Andzeiewicz Anno 1645, Thomas Nowonzewicz 1646; Alexander Buiniak AD 1651, Nicola Zernicki 165. AD*;
- 1654—1667: *Basilius Ioannes Harbuz Ano Dm 1662*;
- После 1667: *Daniel Korsak (1)673, Ioannes Woiciechowicz Ano 1679*;
- XVIII в.: *Mich...zewski 1702, Ulski 1740, Kublicki 1747, монограмма :I: Su 176., Borowski 1765, Iozf Tomaszewski 1765, Stani Arciszewski 1765, ...sowski 1765, Ro 1772 Ian Pszczołko Michał Cz(i)arniawski, Karol Pohoski 1774, Karol Pohoski Ro 1774*.

В граффити церкви большинство дат, в которых указаны месяцы, приходится на весенне-летний период. Очевидно, школяров вывозили в фольварк Спас на отдых, это подтверждается воспоминаниями учащихся. Например, граффити, сделанные в один год, но с разницей в два дня: *Ioannes Czarnawski 1624 May 17* и *Samuel Narkiewicz 1624 May*.

Таким образом, видно, что большинство надписей приходится на XVII в. Это подтверждается большим количеством граффити, время написания которых определяется по палеографическим данным. Среди них автографы, где указано только имя на латинский манер с окончанием *-us* и *-s*: *Iacobus, Iozefus, Matheus, Albertus, Paulus* и др. Ряд имен записан без «латинского влияния»: *Bartosz, Alexander, Bazylij, Maciei, Ian* и др. Некоторые автографы представлены только фамилией: *Kochowsky, Serafimowicz, Osipowski* и др. Часто автограф содержит имя и фамилию: *Basilius Serafimowicz, Maximus Woiciechowicz, Iakob Ugorski, Marcelinus Trzaska, Iacobus Kalinowski, Ioannes Kamienski, Romaniuk Ioannes*.

Некоторые школяры оставляли граффити в келье несколько раз. К таким надписям относятся граффити: Petrus Miniewicz (два автографа на восточной стене южного рукава), Nicolaus Siergieiewicz (восточная стена южного рукава и откос северной стены северного рукава), Alexander Hrebnicki (дважды на западной стене северного рукава), Nicolaus Bobrowsky (на западной стене южного рукава и дважды на северной стене западного рукава), Nicolaus Siergieiewicz (дважды на северной стене восточного рукава), Iacobus Handzelewicz (на северной стене западного рукава и южной стене восточного рукава). Несколько надписей оставили также Ioannes Woiciechowicz, Matias Ianowicz, Iezewski и др. Есть разница в написании имен: Ioannes Olenski — Ian Olenski. Возможно, это родственники и надпись выполнена не одним человеком.

Родственниками оставлены следующие граффити: Stanislaus и Samuel Garlinski, Pavlus и Ioannes Czarnawski, Ioannes и Nicolaus Siergieiewicz, Michael и Tobiasz Woroty nec, Mic[h]ael и Stanislaus Cyhanowisz.

Некоторые авторы оставляли свои надписи в разных местах церкви. Так, например, граффито Demetrius Bohomolec присутствует еще в келье преподобной, Theodorus Łazarowicz — на северо-западном столбе, Jacubus Smolskys — в алтаре. Пока не зафиксированы в других местах автографы Alexander Penaz, Alexander Kostko, Ian Lukoski, Adamowicz.

Некоторые имена и фамилии известны по другим источникам. Так, например, в келье оставили свои автографы три представителя известного рода Корсаков: Vladislaus, Ioannes, Samuel Korsak. Также известен Станислав Цыганович, упоминаемый в 1672—1678 гг. как бурмистр [3, с. 185]. В келье он оставил граффито: Stanislaus Cyhanowisz 1646. Кристоф Сторимович, полоцкий бурмистр в 1645—1682 гг. [3, с. 169], оставил два автографа: Kristof Storimowski — на восточной стене южного рукава и Kristof Storimowicz — на откосе северной стены северного рукава. Там же оставил свой автограф Миколай Рожновски, шафар первого полугодия 1650 г.: Micolay Rożnowsky. На северной стене западного рукава расписался Базыль Янович Гарбуз, шафар первого полугодия 1682 г. [3, с. 140].

Не все граффити представлены полными именами или фамилиями. Таких частично записанных имен в келье, как и в остальном пространстве храма, много: Alex (Al, Alexand, Ale) — Александр, Sta (Stan, Stanisl) — Станислаус и др.

Не всегда фрагмент надписи можно прочесть однозначно. Такие граффити, как *ma, rom, pus, tar, dze*, можно считать началом недо-

писанной фамилии. Иногда встречаются отдельные буквы, которые можно интерпретировать как начало имени или фамилии. Не поддаются расшифровке монограммы: TG, GA, R+V, SBW — вероятно, первые буквы имени и фамилии. Вместо точной датировки надписи присутствует слово Anno либо ano, an, AD, Anno Dni, Ao и т. д. Такие надписи встречаются как в келье, так и в остальных частях храма.

Автографы оформлялись по-разному. Они могли быть процарапаны аккуратно или неразборчиво, отдельно от других надписей или поверх предыдущих граффити. Буквы могли быть от крошечных (0,5 см) до огромных (9 см). Иногда автографы заключались в рамку, простую либо украшенную волнистыми линиями. Так, например, автографы Basilius Ioannes Harbuz Anno Dni 1662 и Samuel Durkowicz на западной стене северного рукава включены в прямоугольную рамку, а рамки Николауса и Иоаннеса Сергеевичей на западной стене восточного рукава украшены волнистыми линиями и стилизованными листиками.

Надписи выполнены иглой (тонкие или поверхностные линии), ножом (широкие с «рваными» краями), возможно, гвоздем, шилом или другим заостренным предметом (глубокие линии с гладкими краями).

Кроме граффити в келье присутствуют автографы-дипинти, нанесенные каким-то красным материалом, напоминающим восковой мелок (состав этого вещества пока не определен). Они не стираются со стен, иногда граффити процарапаны позже, поверх них (например, автограф Ioannes Blazen Lubotinski, записанный на западной стене северного рукава). В этом граффити присутствует школьный юмор. «Блазень» — «шут», это, вероятно, кличка Люботинского. Школьные навыки нашли отражение в граффито на откосе западной стены северного рукава. Сначала были прорисованы три группы параллельных линий — линейки, затем в первую из них было вписано имя Vladislaus, во вторую — несколько букв, а третья линейка осталась пустой.

Освещенность стены влияла на количество надписей. Больше всего их оставлено на южных стенах, противоположных окну, меньше всего — на восточной стене восточного рукава и справа от окна на северной стене северного рукава, где освещенность минимальна.

В келье присутствуют рисунки. По сравнению с остальным храмом, например с диаконником, их немного, хотя логично было бы предположить, что для нанесения рисунков в келье условия лучше, чем в диаконнике или проходах из алтаря в жертвенник и диаконник. Наиболее ранний рисунок находится на западной стене северного рукава — это

переплетение в виде восьмерки, образованное пятью линиями. Рисунок сделан аккуратно и напоминает украшения в рукописных книгах. В келье нанесены от руки два неровных круга, которые отличаются от окружностей, выполненных с помощью циркуля на стенах проходов из алтаря в диаконник и жертвенник. Около одного из кругов на восточной стене южного рукава довольно неаккуратно нарисован ромб: его вершины не сходятся, а стороны кривые. На северной стене восточного рукава был начат рисунок звезды без боковых лучей. Для сравнения, завершённые изображения звезд есть в нише северной стены диаконника. Сложный для понимания рисунок размещен на южной стене западного рукава. Его можно интерпретировать как подсвечник, в котором горит пламя, или изображение корабля с парусом. На стенах кельи находятся два креста. Первый — на восточной стене северного рукава. Он представляет собой крест-кросслет с утолщениями в виде треугольников на концах, к одному из которых была пририсована одноступенчатая Голгофа. Второй — на западной стене южного рукава. Это восьмиконечный крест с равными перекладинами на прямоугольной Голгофе. В келье изображен геральдический рисунок — герб Богория около автографа Ozierko 1621 на восточной стене северного рукава.

Кроме того, в келье есть надписи особого рода, показывающие на принадлежность учащихся к учебному заведению Ордена. Например, в келье преподобной, в проходе из алтаря в диаконник, присутствует сокращение SI — Societas Iezu — «Общество Иисуса». В келье Евдокии три таких надписи, и если две из них можно интерпретировать как сокращенное написание имени Simon, то граффито с северной стены восточного рукава явно содержит именно сокращение Societas Iezu: Ioa:SI.

Кириллических надписей, оставленных в XVII в., немного. Буква Б и имя Иванъ прорисованы на западной стене северного рукава. Окончание надписи ...Ѡ змеръ — «ф умер» можно также датировать XVII в. Учитывая отсутствие њ после Ѡ, можно сказать, что перед словом «умер», скорее всего, стояло не имя, а дата смерти человека. Точно датировано граффито на южной стене восточного рукава. Надпись на кириллице выполнена тонкими буквами, окончание испорчено. В начале граффити явно записан год рѣмъ — 7142 (1634), хотя буква з, обозначающая тысячелетие, отсутствует. Далее читаются слова мѣца ѡк(тѣв)р(ѡ) днѣ ѣі — «месяца октября дня 15». Часть названия месяца отсутствует, хотя титло над ним нет. Титло над числом года сдвинуто вправо. В XVII в. на южной стене западного рукава оставлен автограф Борищи.

Надписей в келье Евдокии, датируемых XVIII в., гораздо меньше, но больше, чем в келье преподобной. Возможно, это связано с тем, что доступ в правую келью был ограничен, а помещение использовалось для хранения каких-либо ценностей.

Последний период нанесения граффити представлен только одной надписью, которая находится на северной стене восточного рукава: «Тихоновски(й) 1828».

В келье Евдокии найдено более шестисот граффити. Их распределение по периодам неравномерно. Самые ранние надписи относятся к XIV в. Это молитвенные прошения, записанные по образцу: «Господи, помози рабу своему». Позднее появляются надписи-автографы на кириллице. Граффити второго периода не зафиксированы, в то время как в алтаре, келье преподобной и на хорах они присутствуют. Самые многочисленные надписи относятся к третьему, «иезуитскому», периоду. Это автографы школяров, датированные граффити которых свидетельствуют о свободном доступе в храм. Исключение составляет конец XVII в.: возможно, в это время здесь после ремонта функционировал костел, что исключило возникновение надписей, которые постепенно появлялись на протяжении XVIII в. В промежутке 1654—1667 гг. зафиксирована одна датированная надпись на латинице. Возможно, какие-то из кириллических надписей также сделаны в это время. Период существования храма после иезуитов нашел отражение только в одном автографе. В остальном пространстве храма насчитывается немного надписей этого времени, большинство из которых находится в алтаре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Книга жыццй і хаджэняў : пер. са ст.-рус., ст.-бел. і пол. / уклад., прадм. і камент. А. Мельнікава. Мінск : Маст. літ., 1994.
2. *Калечиц И. Л.* Граффити на хорах Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка: проблема авторства и датировки // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф. (да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ), Полацк, 17—18 крас. 2014 г. : у 2 ч. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Полацкі дзярж. ун-т ; рэд.: Д. У. Дук, У. А. Лобач, С. А. Шыдлоўскі. Наваполацк : ПДУ, 2014. Ч. 2. С. 88—92.
3. *Макараў М. Д.* Месція ўлады Полацка (1580—1772 гг.): арганізацыя, персанальны склад. Смаленск : Інбелкульт, 2014.

ЮБИЛЕИ

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКОГО

4 мая 2016 г. на историческом факультете Белорусского государственного университета (БГУ) в рамках проходивших в университете 4—7 мая дней исторического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М. В. Ломоносова состоялось заседание научно-методологического круглого стола, посвященного 175-летию со дня рождения выдающегося российского историка Василия Осиповича Ключевского. С приветственным словом к участникам обратились деканы исторического факультета БГУ доцент С. Н. Ходин и исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессор И. И. Тучков.

Были заслушаны доклады доцента кафедры источниковедения БГУ кандидата исторических наук М. Ф. Шумейко «В. О. Ключевский — почетный член Витебской ученой архивной комиссии», заведующего кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ профессора Н. С. Борисова «Исторические портреты В. О. Ключевского», доцента кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ кандидата исторических наук В. А. Тепловой «Западноевропейское влияние на культуру России XVII в. в оценке В. О. Ключевского и К. В. Харламповича», заведующего кафедрой истории России БГУ профессора О. А. Яновского «Российская история в исследованиях и педагогической практике в БГУ», старшего преподавателя Института теологии БГУ О. Е. Голубева «Православное христианство как культурно-исторический феномен в трудах В. О. Ключевского: к постановке проблемы», П. И. Бурмистрова, аспиранта кафедры источниковедения БГУ, «Роль личных архивных фондов историков (на примере фонда Василия Осиповича Ключевского)».

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ — ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Прежде всего следует отметить роль Василия Осиповича Ключевского в формировании научных взглядов первого ректора БГУ, выдающегося историка-слависта, академика В. И. Пичеты. Актуально такое отступление, учитывая отмечающееся в этом году 95-летие со дня открытия университета и грядущий через пять лет вековой юбилей ведущего вуза Беларуси.

Как вспоминал бывший на рубеже XIX—XX вв. студент историко-филологического факультета Московского университета В. И. Пичета: «Для московских историков, вышедших из школы Ключевского, за исключением М. Н. Покровского, В. О. Ключевский был Богом, к которому нельзя было подходить с нечистыми помыслами» [1, с. 53].

Вспоминая лекции Ключевского на курсах, В. И. Пичета достаточно критически оценивал его методику ведения семинарских и практических занятий: «Мы не учились работать на семинаре Ключевского, ибо не пробовали своих научных сил под руководством такого мастера, каким был В. О. Ключевский. В сущности, если бы мои занятия по русской истории ограничились только слушанием лекций В. О. Ключевского, то мои знания были бы весьма ограничены, независимо от моих самостоятельных занятий по русской истории» [1, с. 54].

Можно утверждать, что высокая оценка В. О. Ключевским выпускного сочинения В. И. Пичеты «Юрий Крижанич о Московском государстве» сыграла определяющую роль в принятии начинающим исследователем решения серьезно заняться исторической наукой.

Первая научная работа В. И. Пичеты по истории Беларуси появилась в юбилейном сборнике, посвященном 30-летию профессорской деятельности В. О. Ключевского в Московском университете и составленном из статей его учеников, друзей и почитателей [2, с. 60—63]. Это

следует рассматривать как большую честь для 30-летнего историка, не имевшего ученых степеней, как напутствие и одобрение маститым учителем сферы исторических изысканий одного из своих учеников.

Правда, в вышедшем в 1912 г. сборнике статей и воспоминаний, посвященных памяти В. О. Ключевского, среди авторов были в основном ученики историка, имя В. И. Пичеты отсутствовало [3, с. 217].

Академик М. В. Нечкина предполагает, что подготовленная им статья, «довольно решительно расходившаяся с установившейся историографической концепцией», была отвергнута редколлегией сборника [4, с. 18]. Она была опубликована в этом же году, но в другом издании [5, с. 29] и по своей тональности являла собой прямую противоположность работам М. М. Богословского, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, М. К. Любавского, П. Н. Милюкова, С. Ф. Платонова и др., опубликованным в сборнике памяти Ключевского. По мнению М. В. Нечкиной, «Пичета понимал Ключевского не то как единомышленника К. Маркса, имя которого, разумеется, не упоминалось, не то как ближайшего предшественника исторического материализма... Понятно, что такому пониманию Ключевского, порожденному притягательной силой марксизма и стремлением подкрасить маститого историка под самые что ни на есть передовые нужды исторической науки, не могло найтись места в “канонической” концепции академических кругов начала XX в.» [4, с. 18].

Будучи ректором БГУ, В. И. Пичета продолжал обращаться к научному наследию В. О. Ключевского¹. Это заметно в подготовленной в 1922 г. и увидевшей свет в 1923 г. монографии «Введение в русскую историю (Источники и историография)», где автор целый раздел отвел характеристике «школы Ключевского» [6, с. 151—157]. Выступая 15 октября 1924 г. с докладом, посвященным памяти А. П. Сапунова, на заседании возглавляемой В. Пичетой историко-археологической секции Инбелкульта и высоко оценивая деятельность «витебского летописца» по изучению истории Беларуси, докладчик сравнивал его с В. О. Ключевским, внесшим огромный вклад в дело изучения России. Таким образом, научная деятельность В. О. Ключевского выступала у Пичеты в

¹ При этом В. И. Пичета весьма негативно относился к его сыну. Такой вывод можно сделать из свидетельства ученого о том, что он вынужден был находиться «в присутствии в высшей степени для меня антипатичного человека, каким является сын проф. Ключевского» на похоронах жены М. К. Любавского в мае 1930 г. (Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. С. 287).

качестве своеобразного камертона, по которому он оценивал вклад тех или иных ученых в историографию.

Среди почетных членов открытой в мае 1909 г. в Витебске Ученой архивной комиссии (далее — ВУАК) имя В. О. Ключевского в опубликованном первом томе ее «Трудов» стоит на соответствующем месте, без нарушения алфавитного принципа, в отличие от открывавших список членов императорской фамилии — великого князя Константина Константиновича (К. Р.), бывшего президентом императорской Санкт-Петербургской академии наук вплоть до своей смерти летом 1915 г., великого князя Николая Михайловича, возглавлявшего императорское Русское историческое общество (расстрелян большевиками в 1919 г.), и др. В этом есть определенный смысл: избирая знаменитого историка своим почетным членом, руководство Комиссии отдавало себе отчет в том, что он, обремененный массой дел и обязанностей, вряд ли сможет уделять должное внимание одному из многих (их на начало XX в. было около 40) создаваемых в России с 1880-х гг. детищ Н. В. Калачова.

В общем, так и случилось: тщетно искать в фонде ВУАК, сохраняющемся в Национальном историческом архиве Беларуси, каких-либо особых сведений, указывающих на активное участие В. О. Ключевского в ее деятельности. Делопроизводственные документы комиссии лишь зафиксировали факт включения Василия Осиповича в состав ее членов. Так, в черновом списке почетных членов комиссии, составленном, вероятно, в конце сентября 1909 г., указано лишь местожительство историка (Москва, Житная ул.) и сделана отметка, вероятно, о направлении ему 23 сентября 1909 г. письма [7, л. 44]. Ответное письмо со стороны Ключевского в адрес комиссии не обнаружено.

Для сравнения: в ответ на сделанное в октябре 1909 г. предложение ректору императорского Варшавского университета, будущему первому среди белорусов академику Российской АН, основателю белорусоведения Е. Ф. Карскому войти в состав Витебской ученой архивной комиссии последний писал: «Покорнейше прошу принять мою искреннюю благодарность за приглашение меня принять звание действительного члена Комиссии. Если представится соответствующий материал, постараюсь поместить его в трудах Комиссии. Вместе с сим посылаю имеющиеся у меня налицо мои печатные труды» [8, с. 10].

Следует заметить, что в это время у В. О. Ключевского обострились проблемы со здоровьем, следствием чего и стала его преждевременная смерть в мае 1911 г. Как свидетельствует переписка историка, и на это

обратила внимание М. В. Нечкина, «он жил в общем замкнуто и довольно одиноко» [9, с. 7]. Ученый не склонен был к ведению «представительской» переписки. В этом смысле показательно его письмо к историку-архивисту Я. Л. Барскову в связи с избранием Ключевского в ноябре 1908 г. почетным членом Академии наук по разряду изящной словесности. Получив об этом телеграмму, подписанную президентом Академии наук, великим князем Константином Константиновичем и другим важным должностным лицом, В. О. Ключевский спрашивает у адресата совета, как ему поступить в этом случае: благодарить ли каждого отдельно или всех вместе. Но главный вывод — предложение, к которому склоняется автор письма, состоит в следующем: «Нельзя ли как-нибудь не поступить никак, т. е. не писать никому ни вместе, ни раздельно» [10, с. 44].

Возвращаясь к Витебской ученой архивной комиссии, почетным членом которой В. О. Ключевский состоял в течение двух лет, отметим, что его имя в делопроизводственных документах комиссии упоминается лишь в связи с его смертью. Откликом комиссии на смерть Ключевского стали помещенные в первом выпуске реформированных «трудов» ВУАК воспоминания об историке как профессоре Московской духовной академии, написанные правителем дел ВУАК Н. Н. Богородским [11, с. 1—12]. Решение об их публикации было принято на очередном заседании комиссии, состоявшемся 18 сентября 1911 г. Как засвидетельствовал журнал общего собрания, после доклада председателя комиссии В. А. Кадыгробова, ознакомившего присутствовавших с положением дел об открытии в Витебске в конце октября отделения Московского археологического института и закладке памятника о войне 1812 г., «член совета Комиссии Н. Н. Богородский прочел реферат, посвященный памяти почетного члена Витебской ученой архивной комиссии, известного профессора Василия Осиповича Ключевского. После интересного доклада собрание наградило дружными аплодисментами Н. Н. Богородского, было постановлено напечатать этот реферат во 2-й книжке ученых трудов архивной комиссии» [10, л. 3 об.—4].

Прежде чем переходить к характеристике воспоминаний Н. Н. Богородского о В. О. Ключевском, помещенных в первой книге «Полоцко-Витебской старины»², следует сказать несколько слов об их авторе.

---

² Книга издана на средства почетного члена ВУАК новоборисовского помещика И. Х. Колодеева, обладателя уникальной библиотеки о войне 1812 г.

Белорусский историк, краевед, архивист Николай Николаевич Богородский (1877—1938) после окончания в 1904 г. исторического отделения Московской духовной академии до 1917 г. работал преподавателем латинского языка в Витебской духовной семинарии, возглавляя одновременно с 1908 г. местное церковно-археологическое древлехранилище. В 1909 г. он принял активное участие в организации ВУАК, подготовив обращение о необходимости ее открытия и став затем правителем дел комиссии. С созданием осенью 1911 г. по инициативе ВУАК Витебского отделения Московского археологического института Богородский стал слушателем его археологического отделения, которое успешно закончил. Он являлся участником XV Археологического съезда в Новгороде (1911), редактором неофициальной части «Полоцких епархиальных ведомостей» (1914—1916). В 1918—1928 гг. работал учителем средней школы в Витебске, в 1928—1937 гг. — в витебских государственных музеях, архиве, занимался научной и краеведческой деятельностью. 15 ноября 1937 г. был арестован органами НКВД; обвинялся в принадлежности к «контрреволюционной организации»; 3 января 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

Н. Н. Богородский был неординарной личностью, не лишенной литературного дара; подтверждением тому могут служить и его воспоминания о В. О. Ключевском, в которых мемуарист представил портрет историка, удачно подобрав для этого нужные слова и выражения. Воспоминания Богородского дают представление о трех ипостасях Ключевского: лектора, ученого, педагога. Они ценны и как исторический источник, на что обратила внимание М. В. Нечкина, «особенно по передаваемой версии не вполне добровольного ухода, а в сущности удаления начальством Ключевского с академической кафедры» [4, с. 10]. Воспроизводимые в воспоминаниях Богородского фрагменты лекций Ключевского, почти дословно совпадающие со свидетельствами других лиц, слушавших их же, указывают не только на умение лектора воздействовать словом на тех, к кому оно было обращено, но и на цепкую память мемуариста (в данном случае Богородского)³.

---

³ Для сравнения: Н. Н. Богородский приводит фразу В. О. Ключевского из лекции в Духовной академии: «Я человек прошлого столетия, случайно попавший в нынешнее», а слушавший его в Московском университете будущий профессор математик Н. А. Глаголев записал в своем конспекте: «Я человек XIX века и в ваш XX век попал совершенно случайно, по ошибке судьбы, позабывшей убраться вовремя».

Впервые Н. Богородский увидел В. О. Ключевского в сентябре 1900 г., став студентом I курса Московской духовной академии. В «законном же порядке», как пишет он, слушателем Василия Осиповича Богородский стал на втором курсе. «Нашему курсу, — отмечает он, — выпало редкое счастье: Василий Осипович нам читал не четыре лекции, как это полагается по уставу, а шесть. Были свободные часы, посвященные лекциям по патристике, вследствие заграничной командировки проф. И. В. Попова. Мы обратились к Василию Осиповичу с просьбой, чтобы он в эти часы читал нам дополнительный курс русской истории. Результаты оказались неожиданные: оказалось, что мы растрогали своим обращением Василия Осиповича. Он без всяких отговорок согласился и в первой же лекции высказался, что мы его очень обрадовали» [11, с. 5].

Н. Богородский подмечает все в манере поведения Ключевского: и волнение лектора при первой встрече с новой для него аудиторией, и отсутствие «всяких вычурных обращений», и его умение изображать определенную эпоху так, что «неволью во время его лекций приходилось переносить себя в старую обстановку и смотреть на умерших людей, как на своих современников» [11, с. 3, 4].

В характеристике В. О. Ключевского как историка Н. Богородский прибегает к сравнительному методу, рассматривая его историографическую деятельность на фоне трудов Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева. По его мнению, Карамзин нарисовал изящным языком картину событий, происходивших при участии верхов общества, прикрыв их грехи, а о народе сказал очень мало; Костомаров «внес свои изыскания слишком много чувства» и к тому же не мог отрешиться от украинофильских тенденций; Соловьев, представив в 29 томах своей «Истории» почти все факты отечественной истории, тем не менее не смог, по мысли Богородского, установить причинную связь многих из них. «Василий Осипович, — пишет он, — является историком в ином роде. Он выдвинул низы общества — народ, до которого благородный и чистоплотный Карамзин побоялся дотронуться». И если его предшественники сложили ячейку — соты, то он, по образному выражению мемуариста, вложил в них мед; если они поставили вежи, то Ключевский проторил дорогу; если предшественники рассказали о событиях и деятелях, то он уяснил их причину и условия, «под влиянием которых жили и действовали наши предки».

«Наступит время и близко уже оно, — пророчески восклицал Н. Н. Богородский, заканчивая свои воспоминания о Ключевском, —

когда наши потомки будут его произведения учить, переучивать и доучивать». И состоявшийся круглый стол, в центре внимания которого — личность выдающегося российского историка, и созданные им научные труды подтверждают эти слова белорусского исследователя, произнесенные им 105 лет тому назад, в год смерти В. О. Ключевского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Пичета В. И.* Воспоминания о Московском университете (1897—1901 гг.) // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты : сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1978.

2. *Пичета В. И.* Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5/XII 1879 — 5/XII 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 605—631.

3. *Ключевский В. О.* Характеристики и воспоминания. М. : Науч. слово, 1912.

4. *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М. : Наука, 1974.

5. *Пичета В. И.* Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского // Изв. О-ва славянской культуры. 1912. Т. 1, кн. 1. С. 14—29.

6. *Пичета В. И.* Введение в русскую историю (Источники и историография). М. : Кооператив. изд-во науч. работников, 1923. С. 151—157.

7. НИАБ. Ф. 2771 (ВУАК). Оп. 1. Д. 148. Л. 3—44.

8. *Шумейко М. Ф.* Академик Е. Ф. Карский и архивы // История и архивы: документальное наследие Республики Беларусь XX—XXI вв. : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Гос. архива Минской обл., Минск, 14 нояб. 2013 г. Минск : Экспресс Принт, 2014.

9. *Нечкина М. В.* Предисловие // Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / сост.: Р. А. Киреева, А. А. Зимин ; отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1968.

10. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / сост.: Р. А. Киреева, А. А. Зимин ; отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1968.

11. *Богородский Н. Н.* Василий Осипович Ключевский (Воспоминания слушателя) // Полоцко-Витебская старина. Витебск : Тип. М. Б. Неймана, 1911. Кн. 1, ч. 1. С. 1—12 (раздельная пагинация).

12. НИАБ. Ф. 2771. Оп. 1. Д. 158. Л. 3 об. — 4.

М. Ф. Шумейко, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ РОССИИ XVII в. В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО И К. В. ХАРЛАМПОВИЧА

О влиянии западных традиций на культуру России XVII в. писали многие исследователи. Особую актуализацию этой теме придали современные украинские историки, заострившие проблему «малороссийского» влияния на культуру России XVII в. [3; 13]. Однако вплоть до настоящего времени два исследователя этой непростой темы — Василий Осипович Ключевский (1841—1911) и его младший современник Константин Васильевич Харлампович (1870—1932) — выделяются среди всех близостью позиций и глубиной проникновения в тему.

Свой взгляд на проблему западного влияния и его последствий для России В. О. Ключевский изложил в «Курсе русской истории» [1, с. 256—299] и статье «Западное влияние и церковный раскол в России XVII в.» [2]. К. В. Харлампович на протяжении всей своей жизни, начиная с работы над кандидатской диссертацией «Западнорусские, по преимуществу, православные школы XVI и начала XVII века» (1894), вылившейся в серию публикаций [8—11], и заканчивая защитой докторской диссертации «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (1914) [12], исследовал те изменения, которые произошли в религиозной и культурной жизни православного населения Восточной Европы под воздействием традиций, пришедших с Запада. Можно сказать, В. О. Ключевский создал подробный конспект темы «Россия — Запад», К. В. Харлампович наполнил его скрупулезно собранным материалом, раскрывающим причины, характер и степень западного влияния на Россию в XVII—XVIII вв., обратив внимание на пути его распространения через Беларусь и Украину.

Близость взглядов исследователей, возможно, объясняется судьбами историков. Оба — из семей потомственного духовенства, получили духовное образование¹, оба читали лекции в духовных школах², оба яв-

---

¹ В. О. Ключевский учился в Пензенской духовной семинарии (1856—1860), К. В. Харлампович окончил Литовскую духовную семинарию (1884—1890) и Санкт-Петербургскую духовную академию (1890—1894) со степенью кандидата богословия.

² В. О. Ключевский читал лекции в Московской духовной академии по кафедре русской гражданской истории (1871—1906), К. В. Харлампович преподавал латинский язык в Казанской духовной семинарии (1914).

лялись профессорами университетов³. С 1900 г. В. О. Ключевский — ординарный академик императорской Академии наук по истории и древностям русским, К. В. Харлампович в 1916 г. избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. На этом схожесть биографий заканчивается. Конец жизни К. В. Харламповича трагичен.

С 1899 г. Харлампович является членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в работе которого он активно участвует. Однако советской властью, утвердившейся в Казани в марте 1918 г., общество было объявлено «средоточием отсталых и реакционных элементов, миссионеров, шовинистов и националистов». Глубокий пессимизм звучит в письме Харламповича, посланном в апреле 1918 г. своему другу профессору Московской духовной академии Н. Н. Глубоковскому: «Все реже приходится нам печатно выступать. Нет потому и стимула писать вновь что-нибудь. Я лично к тому же вошел чуть не весь в кооперативную работу... Везде горе, мрак и позор, и просвета нигде не видно» [6, с. 232]. После взятия Казани в августе 1918 г. частями чехословацкого корпуса и народной армии Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (правительство Комуча) Харлампович сотрудничает с антибольшевистской, «комучевской» газетой «Новое казанское слово» [4]. После ухода из Казани белочехов и комучевцев и установления вновь советской власти историк был все-таки привлечен к работе: назначен членом созданного Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников, входил в Музейную комиссию при Академическом центре Татнаркомпроса. Однако участие Харламповича в спасении казанских музейных и церковных ценностей, реликвий, архивов от разграбления и уничтожения вызвало новые преследования со стороны большевиков. В 1918 г. он был условно приговорен к расстрелу [5]. С 1 января 1919 г. Харлампович, несмотря на поддержку ряда преподавателей историко-филологического факультета, был отчислен из состава профессоров Казанского университета [7]. Поддержку в эту нелегкую минуту своей жизни он получил из Киева. 7 июня 1919 г. по рекомендации Д. И. Багалая он был избран действительным членом Украинской академии наук (УАН) [13], внештатным сотрудником которой состоял с 1920 по 1928 г. Удовлетворившись увольнением К. В. Харламповича из состава преподавателей Ка-

---

³ В. О. Ключевский — профессор Московского университета (1882), К. В. Харлампович — Казанского (1909).

занского университета, большевики не стали добиваться полной изоляции историка от университетской научной среды. Напротив, они даже допустили назначение ученого в начале 1922 г. на такие должности, как заведующий Казанским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников [8], председатель Музейной комиссии по оценке церковных ценностей, председатель Общества археологии, истории и этнографии [5]. К. В. Харлампович представлял это общество на первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве, стал членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения при Академии наук, ученым секретарем Центрального музея ТР, заведовал его научным архивом.

В 1924 г. начались репрессии против руководства и членов ОАИЭ, в мае Харлампович был снят с должности председателя Музейной комиссии Татнаркомпроса, в сентябре начато официальное следствие Татотделом ОГПУ по делу Харламповича и группы ученых, входивших в Совет ОАИЭ, — И. Сатрапинского, С. П. Шестакова, В. Ф. Смолина, С. И. Порфирьева, Н. В. Никольского и И. М. Покровского. Поводом для открытия дела стало поступление «сведений о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии, противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими “чистую науку”, в которой преобладали элементы рутины, отсталых идей, для чего использовались легальные возможности».

20 сентября 1924 г. Харлампович был арестован, а его квартира подвергнута обыску. Несмотря на то что улики найти не удалось, К. В. Харламповича признали виновным по четырем статьям УК — 10, 69, 72 и 73, в том числе в «должностных преступлениях», «хранении и распространении контрреволюционной литературы» и в «дискредитировании Советской власти». Харлампович был приговорен к административной высылке за пределы ТАССР на три года, отправлен в Оренбург в марте 1925 г., где был снова арестован. 10 июня 1925 г. его дело было рассмотрено вторично, и он был выслан в Актюбинск, а затем в Тургай.

После отбытия ссылки К. В. Харламповичу было запрещено Особым совещанием проживать в Казани и еще шести крупных городах в течение трех лет. Именно в это тяжелое время Харламповичу удалось перебраться на Украину, он поселился в Нежине и занимался исследованиями, дописывал свою монографию «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь», которую так и не успел закончить. В 1928 г. он был исключен из числа академиков Украинской АН по приказу украинского наркома просвещения Н. А. Скрыпника, но, несмот-

ря на это, продолжал научную деятельность в исторической секции М. С. Грушевского УАН, журнале «Украина» и в Комиссии социально-экономической истории Д. И. Багаляя. Историк ушел из жизни 21 марта 1932 г., был реабилитирован только 4 февраля 2003 г. Думается, непростая судьба ожидала бы и В. О. Ключевского, доживи он до 1917 г.

Рассмотрение взглядов двух историков на причины и последствия западного влияния на Россию в XVII в. дает основание заметить как общее, то, что сближает позиции двух историков, так и различное, что делает их убеждения непохожими друг на друга. Оба историка видят историко-культурный процесс, который пережила Россия, состоящим из двух крупных периодов в соответствии с тем, какое влияние она испытывала: в первом периоде — византийское (греческое), во втором — западноевропейское. Однако если для Ключевского западное влияние на Россию началось в XVII в. и было связано с территорией «Московского государства», то К. В. Харлампович его истоки обнаруживает уже в XVI в., включая в границы России и земли Западной Руси (белорусско-украинские), а причины его распространения связывает с религиозной экспансией католичества и иезуитской «учености» на белорусско-украинские земли, одним из проявлений которой историк считает Брестскую церковную унию. Противодействие последней, по мнению автора, заставляло белорусов и украинцев открывать собственные «братские» школы, организованные по образцу иезуитских, но подвергнутых значительной православной «переработке». В то же время К. В. Харлампович был одним из историков, который обратил внимание на проникновение традиций западноевропейской культуры через белорусско-украинские земли, через православные «западнорусские» школы с европейскими учебными образцами, влияние которых на восточнославянскую образованность было неоднозначно. Одним из проявлений этого влияния стал церковный раскол Русской православной церкви как отражение глубокой борьбы в российском обществе в связи с началом европейского влияния и стремлением церкви это влияние не допустить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения : в 8 т. М. : Гос. полит. лит., 1957. Т. 3, ч. 3.
2. *Ключевский В. О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. С. 386—470.

3. *Каран Д.* Діяльність Постійної комісії для складання біографічного словника українських діячів у контексте епістолярної спадщини К. В. Харламповича // Студії з архівної справи та документознавства. Київ : Україн. наук.-дослід. ін-т архівної справи та документознавства, 2004. Т. 11. С. 188—204.
4. *Насыров Т.* Пресса комучевской Казани [Электронный ресурс] // Гасырлар авазы = Эхо веков : науч.-докум. журн. 2010. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2007_2/03/03_2/&searched=1 (дата обращения: 18.06.2016).
5. *Сидорова И.* Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917—1924 гг.) [Электронный ресурс] // Гасырлар авазы = Эхо веков : науч.-докум. журн. 2007. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazin/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/03/03_1/ (дата обращения: 23.09.2015).
6. Сосуд избранный : сб. документов по истории Рус. Православ. Церкви. СПб. : Борей, 1994.
7. Национальный Архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 619. Д. 9 — Формулярные списки и документы о службе профессорско-преподавательских и технических работников Казанского Университета. 1921.
8. *Хайрутдинов Р.* «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...» (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) [Электронный ресурс] // Гасырлар авазы = Эхо веков : науч.-докум. журн. 2007. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2006_2/001/01_2/&searched=1 (дата обращения: 12.05.2016).
9. *Харлампович К. В.* К истории западнорусского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека своего существования // Литов. епархиал. ведомости. 1897. № 16, 17, 19—22.
10. *Харлампович К. В.* Острожская православная школа: историко-критический очерк // Киев. старина. 1897. Т. 57 (май — июнь). С. 177—207, 363—388.
11. *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань : Тип. имп. ун-та, 1898.
12. *Харлампович К. В.* Западнорусские церковные братства и их просветительская деятельность в конце XVI и в начале XVII в. (Речь перед защитой диссертации: 10 января 1899 г.) // Христиан. чтение. СПб., 1899. Ч. I. С. 372—390.
13. *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань : Изд. кн. магазина М. А. Голубева, 1914.
14. *Чернухин С. К.* До історії обрання К. В. Харламповича до ВУАН // Записки Историко-филологического товариства Андрей Билецького. Київ, 2003. Вип. 4, кн. I. С. 165—197.

В. А. Теплова, доцент кафедри історії Беларусі нового і найновішого часу Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат історычных навук

ФЕНОМЕН Н. Н. УЛАЩИКА-ИСТОРИКА

14 февраля 2016 г. исполнилось 110 лет со дня рождения белорусского историка Николая Николаевича Улащика (1906—1986). В октябре этого же года ведущий вуз Беларуси — Белорусский государственный университет, воспитанником которого был ученый, отметил свое 95-летие.

Окончив в 1929 г. социально-историческое отделение педагогического факультета университета, Н. Н. Улащик смог «вернуться» в БГУ лишь после своей кончины. Причиной этому была его непростая жизненная судьба и отличавшие ученого независимые научные взгляды и суждения, которые нередко становились причиной объявления Н. Н. Улащика персоной нон-грата в его альма-матер.

С середины 1990-х гг. в Беларусь возвращается и научное наследие ученого. Состоявшийся в мае 1995 г. Второй конгресс Международной ассоциации белорусистов выступил с предложением широко отметить 90-летие выдающегося белорусского историка. Оно было поддержано научными и общественными учреждениями Москвы, где ученый долгое время работал в академическом Институте истории, и Минска, с которым его связывали годы учебы в университете, работа в Книжной палате республики. Прошедшие в 1996 г. в Минске и Москве юбилейные торжества стали, по словам белорусского историка и архивиста В. В. Скалабана, «не тільки грамадскім ушанаваннем Гісторыка, але і засведчылі, што распачалося фарміраванне ўлашчыказнаўства як комплекснай навуковай дысцыпліны» [13, с. 3].

Можно с полной уверенностью утверждать, что начатое в 1996 г. формирование улащиковедения к настоящему времени оформилось в комплексную научную дисциплину, имеющую объектом своего исследования как опубликованные, так и неопубликованные труды ученого по историографии, источниковедению, археографии, этнографии, его огромное эпистолярное наследие, сохраняемое в составе личного архив-

ного фонда Н.Н. Улащика в ЦНБ имени Якуба Коласа НАН Беларуси [5, с. 14—20], коллекции личных документов ученых Беларуси в НАРБ [7, с. 20—23]. Подтверждением этому служат появившиеся за два последних десятилетия публикации ранее не издававшихся работ ученого [16—19; 21—23], материалов посвященных ему научных конференций [8; 12; 24], биобиблиографических указателей [13; 14], эго-документов, архивно-следственных материалов историка [1; 2; 6; 20].

Все это — не только дань уважения и признательности ученому, внесшему значительный вклад в развитие историографии в широком смысле этого слова, но и показатель непреходящего значения его научного наследия, которое продолжает оставаться востребованным как профессиональным сообществом историков, так и теми, кого принято называть «рядовыми читателями».

Размышляя о причинах сохраняющегося устойчивого интереса к трудам Н. Н. Улащика, автор статьи пришел к твердому убеждению, что они кроются в их истинно научном характере. Не приемлевший конъюнктуры в исторической науке, резко протестовавший против халтуры и верхоглядства, Николай Николаевич выступал в качестве своеобразного камертона, по которому настраивали свои инструменты его коллеги по историческому ремеслу. Как точно подметила и образно выразила много лет проработавшая с Улащиком ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук А. Л. Хорошкевич: «Сын своего народа, выходец из крестьян, в первом роду сменивший соху на перо, он остался верен этой коренной крестьянской порядочности, которая отличала лучших представителей этих тружеников. Он пахал на ниве археологии и истории, как пашет крестьянин, знающий, что всякие огрехи в его поле грозят голодом и смертью его близким» [27, с. 57].

Если сравнить многих российских и особенно белорусских историков, облеченных академическими званиями, по активно используемому сегодня показателю востребованности созданной ими продукции — индексу научного цитирования, то немногие могут стать в один ряд с Н. Н. Улащиком. Дело не только в широком спектре проблем, которыми занимался ученый, но прежде всего в качестве их решения. Ни одна из ныне выходящих работ по археографии, источниковедению истории Беларуси, белорусско-литовскому летописанию не обходится без ссылок на труды Н. Н. Улащика. Его очерки этнографического, мемуарного характера, личная переписка подкупают сочностью и выразительно-

стью языка, содержащейся в них глубиной мысли, сочетающейся с поразительной точностью при воспроизведении деталей. На это обстоятельство обращал внимание В. П. Грицкевич, писавший: «М. М. Улашчык валодаў не частым у гісторыкаў майстэрствам слова. Яно ў тым, каб невялікай мастацкай дэтальлю стварыць цэлае, рэканструюваць так жыва і яркава карціны далёкага мінулага» [4, с. 163].

Впервые имя историка в официальных документах университета появляется в 1925 г. Сам же ученый на склоне лет утверждал, что в университет он поступил годом раньше [16, с. 393], хотя документальные свидетельства не подтверждают этого [16, вклейка 4, между с. 256, 257]. Можно предполагать, что были какие-то обстоятельства, о которых Улащик не пишет в своих воспоминаниях, ставшие причиной формального его зачисления в университет в 1925 г., хотя сам он считал себя студентом с 1924 г. На это указывают и некоторые неопределенные свидетельства, в частности протокол заседания правления БГУ от 20 января 1925 г., на котором было рассмотрено письмо Главпрофобра БССР о зачислении «гр. М. М. Улашчыка студэнтам Пэдфака» и принято решение: «Дзеля таго, што Улашчыку адмоўлена як мясцовай, так і цэнтральнай прыёмачнай камісіяй, прыймаючы пад увагу падання на яго адводы, захады яго адхіліць» [9, л. 8, 9].

Тема университета присутствует в эго-документах ученого (его воспоминаниях, размышлениях, переписке и т. п.) в различных аспектах. Это и саморефлексия Н. Улащика, бывшего студента БГУ, на тему «что дал мне университет», и оценка Улащиком-ученым профессоров и преподавателей, лекции которых он слушал, будучи студентом, и фиксирование с учетом накопленного научного и педагогического опыта особенностей ведения его бывшими по университету педагогами семинарских занятий, руководства курсовыми и дипломными работами. Отдельно стоит тема о непростых отношениях Н. Н. Улащика с руководством исторического факультета университета в 1960—80-е гг.

«Зважаючы па сабе, — пісал он в мемуарах, — спецыялісты па гісторыі былі кепскія, проста кажучы, дрэнныя. Пасля выпускнога вечара ў універсітэце я доўга сядзеў у маладым тады скверы каля універсітэта і перажываў адно: з чым прыйшоў у у[ніверсітэ]т, з тым і выйшаў, не набыў нічога. Пэўна, так не было, што небудзь такі набыў, але занадта мала. Слабая была падрыхтоўка і на літаратурным аддзяленні. Праўда, літаратурны “бацька” І. І. Замоцін, чалавек высокай культуры, што мог, прышчапіў сваім выхаванцам, але ж ніхто з іх (можа, і былі выключэнні,

але як выключэнне) не ведаў ні аднае замежнае мовы, ды і рускую ведалі кепска, а з беларускай хіба што школьную граматыку» [16, с. 376].

Составляя осенью 1965 г. для областного краеведческого музея Минской области автобиографию, ученый отметил в ней свое увлечение историей и этнографией начиная с 15 лет, что и привело его в университет. В ней он дает характеристики и наиболее ярким, по его мнению, педагогам, отмечает роль краеведения, которым он занимался в университете, в его становлении как историка: «Понятно, что в университете я начал работать прежде всего в семинарах, где проходили историю Беларуси. Замечательным педагогом в то время в университете был ректор В. И. Пичета, интересно вел занятия по источникам Беларуси Д. И. Довгялло. Очень много дала работа в студенческом краеведческом кружке, а позднее Обществе, которое с 1926 г. ежегодно налаживало экспедиции в различные уголки Беларуси...» [12, с. 182, 183].

Н. Н. Улащик обращает внимание на применявшуюся В. И. Пичетой методику работы со студентами на семинарских занятиях. «Очевидно, — пишет он, — учитывая наши бедные познания, на первом семинаре старался научить “выжимать” из источника по возможности все и в то же время научиться излагать добытое в самом кратком виде. На занятиях по первому Статуту он заставлял нас читать “артыкул”, а затем устно изложить его сущность “в двух словах”. Добившись, насколько возможно, этого, далее он заставлял излагать сущность “артыкула” на бумаге. Попутно сообщал разного рода данные об эпохе, когда составлялся статут, о том, кто его составлял, вообще об условиях жизни в ту пору, когда составлялся статут... Вообще, учил не делать категорических заключений, а в случае, если так было сделано, предупреждал про это ошибочное суждение...» [26, с. 125, 126].

Наряду с краеведением Н. Н. Улащик большое внимание уделяет историческому источниковедению, соглашаясь с В. И. Пичетой, полагавшим, что «кожны студэнт, які скончыў педфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі» [10, с. 245]. С БГУ он связывает появление первой специальной работы по общему источниковедению в виде специального курса «Источниковедение», который в 1920-е гг. читал Д. И. Довгялло. Рукопись курса, подаренная Н. Н. Улащику бывшим директором Белорусской государственной библиотеки И. Б. Симановским, хранится в личном архивном фонде ученого в ЦНБ имени Якуба Коласа НАН Беларуси [16, с. 539, 540]. Несмотря на краткость (37 маш. стр.) и примитивность курса, значение его, по мнению Ула-

щика, «заключаецца в том, что в нем впервые изложен в систематическом виде материал, который ранее не был оформлен и нигде не читался» [16, с. 137, 138].

К проблеме источниковедения и смежных с ним специальных исторических дисциплин ученый обращается вновь и вновь, рассматривая их как условие для успешного развития и совершенствования отечественной историографии. 22 октября 1980 г. он пишет заведующему кафедрой Минского института культуры А. П. Грицкевичу: «Урэшце, крыніцазнаўства. З гэтага наогул усё і пачынаецца. Калісь у прысутнасці Петрыкава і Бірылы спрабаваў угаварыць, што ў Мінску патрэбна або археграфічная камісія, або сектар, які б спецыяльна займаўся толькі гэтым. У тых спецыялістаў гэтая думка не знайшла ніякага водгуку, але яна будзе ўздывацца яшчэ і яшчэ, бо без гэтага нельга ісці далей. У першую чаргу важна нават можа не археграфія, але архівістыка ў тым сэнсе, што неабходна зрабіць улік матэрыялаў па гісторыі Беларусі — дзе яны знаходзяцца і што вартыя. Пакуль я знаходжуся тут і працую ў сектары крыніцазнаўства (Института истории АН СССР. — *М. Ш.*), маю магчымасць падтрымаць гэтыя тэмы, калі ў тым будзе неабходнасць» [2, с. 85].

Еще одна проблема волновала ученого, к ней он обращался неоднократно, в том числе и через призму своего студенческого прошлого, — это проблема национального возрождения. Ее Н. Н. Улащик связывал с белорусизацией в университете. Позиция ученого во многом схожа с оценкой академика Р. Горецкого, писавшего: «У навуцы і культуры галоўным цэнтрам беларускага напрамку быў Інбелкульт... Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (рэктар У. І. Пічэта) фармальна як быццам падтрымліваў палітыку беларусізацыі, але яго кіраўніцтва па сутнасці стаяла таксама на антыбеларускіх пазіцыях. Паколькі афіцыйны курс улад рэспублікі быў накіраваны на беларусізацыю, барацьба супраць яе ў Беларускім інстытуце сельскай гаспадаркі і БДУ часта мела скрыты, непрыкметны характар і адзначалася ў змяншэнні колькасці супрацоўнікаў з ліку “шчырых беларусаў” шляхам змяншэння гадзін лекцый, а адсюль і зарплаты і г. д.» [3, с. 121, 122].

Любопытны ретроспективные размышления Н. Н. Улащика в даваемых им характеристиках профессорам и преподавателям университета. О ректоре В. И. Пичете он отзывался следующим образом: «Побелорусски Пичета говорил, сдваивая слова: “Наркомпросасъвета, Беларуский дзяржаўны гаспадарственный университет”, однако писал на хорошем белорусском литературном языке» [3, с. 125].

Об этнографе И. А. Сербове: «Выразнаю фігураю... быў І. А. Сербай. Паходзячы, здаецца, з сялян з пад Быхава, вядомы як этнограф (археолог ён быў кепскі) у такой ступені быў проці (ідеі возроджэння. — *М. Ш.*), што нават пасля рэвалюцыі, калі яму, няведама за што, далі чын прафесара, ніколі не згаджаўся хоць што небудзь, хоць адзін сказ сказаць па беларуску, бо гэта была прафанацыя навукі ці культуры наогул. Калі нават С. З. Кацэнбоген, бабруйскі яўрэй, прарэктар універсітэту, час ад часу канчаў прамову фразою, сказанаю па-беларуску, Сербай на гэта ня ішоў ніколі. Пра філосафа Вальфсона, зразумела, гаварыць ня трэба: у гэтым ён быў цалкам згодзен з Сербавым» [18, с. 220].

Осенью 1984 г. Н. Н. Улащик собирався приехать в Минск на организуемые университетом 24—25 октября «Пичетовские чтения». Им был подготовлен конспект доклада «Владимир Иванович Пичета», с которым ученый хотел выступить перед участниками чтений. Однако поездка не состоялась. Помета ученого на конспекте доклада свидетельствует о причинах его неучастия в чтениях: «Конспект доклада, назначенного для чтения на Пичетаўскіх чытаннях у Мінску 24—25/X—84 г. [Д. Б.] Мельцар (профессор истфака БГУ в то время. — *М. Ш.*) паведаміў, што мяне на чытанні загадана не пускаць» [26, с. 127].

Накануне открытия чтений Н. Н. Улащик с горечью сообщал в Молодечно известному историку-краеведу Г. А. Кохановскому: «Заўтра ў Мінску ў універсітэце пачынаюцца Пичэтаўскія чытанні. Мельцар з Аргкамітэту паведаміў, што я на гэтым свяце нежаданы. Папрасіў перадаць там, што Пичэта пакінуў рукапіс: “Першы Заходні камітэт”, і што ун-ту варта было б выдаць гэтую манаграфію, бо пакуль што ўстанова для свайго першага рэктара зрабіла толькі партрэт. Варта было б сказаць і тое, што мяне, хто такі выдаў два тамы твораў Пичэты, на чытанні не пускаюць» [2, с. 93]. Об этом Николай Николаевич в декабре 1984 г. писал одному из своих минских корреспондентов — историку В. В. Скалабану: «Між іншага, у кастрычніку гэтага году універсітэт наладзіў Пичэтаўскія чытанні, на якіх я меўся зрабіць паведамленне пра Пичэту як настаўніка, педагога, але універсітэт у асобе Мельцара перадаў, што я ня проста не пажаданы, але што загадана мяне не пускаць на чытанні. Ня ведаю, у якой форме ун-т не пускаў бы мяне (хіба б стаў пры дзвярах і ня пусціў сілком, калі б я-такі прыехаў)» [2, с. 96].

В завершение следует отметить, что научное наследие Н. Н. Улащика, как опубликованное, так и хранящееся в архивах, включая и его семейный архив, еще ждет своего исследователя. Последний найдет в нем

многа полезнага не толькі для углубленага вывучэння ўклада ўченога в істэрыаграфію, этнаграфію, істэчыніковедэніе, архэаграфію, но і для развіцця і саўрашчэнства саіх этых науг і наугных дысцыплін.

БІБЛІАГРАФІЧЕСКІЕ ССЫЛКІ

1. Беларус в Москуе: із эпістэлярнага наслэдыя Н. Н. Улашыка / публ. подг. А. К. Кавко // Іст. архів. 2005. № 6. С. 121—147; 2006. № 1. С. 95—112.
2. Беларускі гістарычны агляд. 1996. Т. 3, сш. 1.
3. *Гарэцкі Р.* Ахвярую сваім «я»... (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). Мінск : Беларус. навука, 1998.
4. *Грыцкевіч В.* Напрамак жыцця // Маладосць. 1988. № 3. С. 156—163.
5. *Жук Т. І.* Рукапісны архіў М. М. Улашчыка ў фондах Аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі // Крыніцазнаўства, архэаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI стст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвеч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2008. С. 14—20.
6. Жыццё дзеля Яе. Да 100-х угодкаў Мікалая Улашчыка // Скарыніч : літ.-навук. гадавік / уклад.: А. Каўка. М. : Совет. пісатэль, 2006. Вып. 6. С. 118—153.
7. *Заратка А. М.* Калекцыя дакумэнтаў Мікалая Мікалаевіча Улашчыка ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь // Крыніцазнаўства, архэаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI стст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвеч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2008. С. 20—23.
8. Крыніцазнаўства, архэаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI стст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвеч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2008.
9. НАРБ. Ф. 205 (БГУ). Оп. 1. Д. 170 — Протоколы засяданій Правлення БГУ за 1925 г.
10. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011.
11. Письма Н. Н. Улашыка А. А. Зіміну // Скарыніч : літ.-навук. гадавік. М. : Совет. пісатэль, 2011. Вып. 10. С. 85—88.
12. Русь — Литва — Беларусь. Проблемы нацыянальнага самасознанія в істэрыаграфіі і культуралогіі (по матэрыялам междунар. науг. конф., посвях. 90-летию со дня рождения Н. Н. Улашыка, Москва, 31 янв. 1996 г.) / редкол.: А. К. Кавко (отв. ред.) [и др.]. М. : Наслэдые, 1997.
13. *Скалабан В.* Першыя крокі ўлашчыказнаўства // Улашчык М. Працы па архэаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі: 3 рукапіснай спадчыны/уклад.: Я. М. Кісялёва, В. У. Скалабан ; рэдкал.: Н. М. Дзятчых [і інш.]. Мінск : БелНДЦДАС, 1999. С. 3—4.
14. Мікалай Мікалаевіч Улашчык : біябібліягр. паказ / Нац. б-ка Беларусі, Бел. навук.-даслед. цэнтр дакумэнтазнаўства, архэаграфіі і архіўнай справы ; склад.: А. К. Каўка, В. У. Скалабан, Р. М. Чыгірова ; навук. рэд. У. М. Міхнюк. Мінск : БелНДЦДАС, 1996.
15. Мікалай Мікалаевіч Улашчык : біябібліягр. паказ. / Нац. б-ка Беларусі, Нац. архіў Рэсп. Беларусь, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакумэнтазнаўства і архіўнай справы ; склад.: В. У. Скалабан [і інш.] 2-е выд., перепрац. і дап. Мінск : НАРБ, 2006.

16. *Улашчык М.* Выбранае / уклад.: А. Каўка, А. Улашчык ; навук. рэд.: Г. Кісялёў, В. Скалабан. Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001.
17. *Улашчык Н. Н.* Деревня Вицковщина 1880—1917 гг. : ист.-этногр. очерк / отв. ред., авт. предисл. А. К. Кавко. М. : ИМЛИ РАН, 2003.
18. Улашчык Мікалай. Думкі пра мінулае і сучаснае: 3 рукапіснай спадчыны / публ. А. М. Улашчыка. Мінск : Беларус. кнігазбор, 1999. Вып. 4. С. 216—223.
19. *Улашчык М.* Краязнаўства: нататкі пра бадзянні ў 1924—1929 гг.: з рукапіснай спадчыны / падрыхт. тэксту і камент. Я. М. Кісялёвай, В. У. Скалабана. Мінск : Пейто, 1999.
20. *Улашчык Н.* Маринск — Суслово // Скарыніч : літ.-наук. гадавік. М. : Альтекс, 2011. Вып. 10. С. 66—84.
21. *Улашчык М.* Мемуары і дзённікі як крыніца па гісторыі Беларусі: 3 рукапіс. спадчыны / уклад.: Я. М. Кісялёва, В. У. Скалабан ; рэдкал.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. Мінск : Пейто, 2000.
22. *Улашчык М.* Навальніца // Скарыніч : літ.-наук. гадавік / уклад. А. Каўка. М. ; Мінск ; Смаленск : Тэхналогія, 1997. Вып. 3. С. 122—163.
23. *Улашчык М.* Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі: 3 рукапіснай спадчыны / уклад.: Я. М. Кісялёва, В. У. Скалабан ; рэдкал.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. Мінск : БелНДІДАС, 1999.
24. М. М. Улашчык і праблемы беларускай гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і археаграфіі (да 90-х угодкаў вучонага) : матэрыялы навук. канф. / БелНДІДАС, БДУ ; рэд.-склад.: А. М. Гесь, В. У. Скалабан. Мінск : БелНДІДАС, 1997.
25. У пошуках летапіснае Літвы (з перапіскі) [Н. Н. Улашчыка с Н. И. Ермоловичем] // Скарыніч : літ.-наук. гадавік. М. : Совет. писатель, 2010. Вып. 8—9. С. 60—71.
26. Ученик об учителе: Историк Н. Н. Улашчык об академике В. И. Пичете. 1984 г. // Ист. архив. 2004. № 6. С. 122—128.
27. *Хорошкевич А. Л.* Ответственность историка перед обществом. Пример Н. Н. Улашчыка // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI стст. у Беларусі : зб. навук. арт. прысвеч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2008. С. 56—60.

М. Ф. Шумейко, доцент кафедры источниковедения
Белорусского государственного университета, кандидат
исторических наук

РЭЦЭНЗІІ

MARINATOS N. Sir Arthur Evans and Minoan Crete: Creating the Vision of Knossos. London ; New York : I. B. Tauris, 2015. 224 p.

У 2015 г. лонданскае выдавецтва «I. B. Tauris» прадставіла кнігу амерыканскага культуролога Нанны Марынатас, дачкі вядомага грэчаскага археолога Спірыдона Марынатаса (1901—1974), які адкрыў мінойскі горад на востраве Сантарын. Кніга «Сэр Артур Эванс і мінойскі Крыт» прысвечана брытанскаму даследчыку Артуру Эвансу (1851—1941), першаадкрывальніку мінойскай культуры на востраве Крыт, але не столькі апавядае пра дзейнасць А. Эванса як археолога, колькі выкрывае працэс стварэння ім пэўнага погляду на мінойскую цывілізацыю.

Нягледзячы на тое што старажытная гісторыя і археалогія карыстаюцца стабільнай цікавасцю ў вучоных розных напрамкаў і шырокай чытацкай аўдыторыі, у свеце выдана не так ужо і шмат абагульняючых прац пра першую вядомую цывілізацыю на тэрыторыі Еўропы. Усе гэтыя працы ў значнай ступені абапіраюцца на канцэпцыі, сфармуляваныя яшчэ А. Эвансам. Сітуацыя выглядае дзіўна, паколькі з часоў яго смерці мінула болей за палову стагоддзя і з таго часу было зроблена дастаткова адкрыццяў, каб істотна перагледзець даўно вядомую карціну. У спецыялізаваных выданнях перыядычна адбываюцца вострыя дыскусіі, але яны рэдка пакідаюць вузкія прафесійныя колы. Што ж з'яўляецца прычынай гэтага? Відавочна, сама асоба А. Эванса, а дакладней звязаныя з ёю двухсэнсоўныя абставіны, якія закранаюць увесь навуковы свет.

А. Эванс пачаў раскопкі на Крыце ў 1900 г. Н. Марынатас заўважае, што тагачасная археалогія ў Грэцыі канцэнтравалася вакол мясцін, звязаных са старажытнагрэчаскай міфалогіяй. Найбольш вядомым і паспяховым даследчыкам таго часу лічыўся Генрых Шліман (1822—1890). Яму належалі адкрыцці месца, якое ён ідэнтыфікаваў як старажытную Трою, а таксама Мікенаў і Тырынфа на Пелапанесе. Хоць асобу Г. Шлімана суправаджалі скандалы і абвінавачванні ў скажэннях і матэрыяль-

ных злоўжываннях, А. Эванс быў прыхільнікам яго ідэі існавання мікенскай культуры, якая папярэднічала дарыйскай. Г. Шліман першым звярнуў увагу на рэшткі старажытных канструкцый у Кносе. Многія біёграфы адзначаюць і ўскосны ўплыў Г. Шлімана на А. Эванса, паколькі той імкнуўся перасягнуць зробленае першаадкрывальнікам Мікенаў. Ужо праз некалькі дзён пасля пачатку раскопак брытанскі археолаг паведаміў на радзіму пра свае поспехі, таму што адчуваў канкурэнцыю з боку італьянскіх калег, якія пачалі раскопкі ў не меней перспектыўным Фесце.

Г. Шліман абагаціўся дзякуючы знаходкам старажытнасцей. А. Эванс выдаткоўваў на даследаванні частку асабістых грошай. Г. Шліман быў аматарам-скарбашукальнікам, а А. Эванс — прафесіяналам, які сур'ёзна ставіўся да тэорыі. У брытанскай навуцы XIX ст., калі адбывалася фарміраванне А. Эванса як вучонага, панавалі пазітывізм і эвалюцыянізм з іх імкненнем да стварэння ўпарадкаванай тэорыі на аснове агульнай для ўсіх навук метадалогіі. Эвалюцыяністы верылі ў адзіны для ўсяго чалавецтва шлях развіцця ў выглядзе лінейнага прагрэсу. Адпаведна яны разглядалі свае трактоўкі прыватных фактаў і падзей не як адзінкавых феноменаў, а як часткі цэлага.

Н. Марынатас звяртае ўвагу на тое, што погляды А. Эванса выспавалі паступова і ён быў дастаткова крытычным, каб прызнаваць, што лінейнае развіццё можа перарывацца заняпадам і рэгрэсам. У маладосці ён засвоіў ідэю шатландскага тэолага Вільяма Робертсана Сміта (1846—1894) пра тое, што сапраўдны даследчык павінен умець узнаўляць згубленую рэчаіснасць з кавалкаў. Пазней значнае ўздзеянне на яго аказалі працы брытанскага антраполога-эвалюцыяніста Эдварда Тэйлара (1832—1917). На прыкладзе створанай А. Эвансам постаці багіні-маці, якую быццам бы шанавалі старажытныя мінойцы, Н. Марынатас дэманструе залежнасць разумовых канструкцый археолага ад тлумачэння культуры Кібелы Джэймасам Фрэйзерам (1854—1941). Значная частка ўяўленняў А. Эванса пра тое, чым павінна быць старажытная цывілізацыя, склалася да пачатку даследаванняў на Крышце.

Першы важны этап раскопак доўжыўся на працягу 1900—1905 гг. Прыступаючы да яго, брытанскі археолаг добра ведаў, што шукаў культуру больш старажытную, чым мікенская. У выніку ім былі практычна знішчаны верхнія культурныя пласты. Хоць пазней ён прызнаваўся, што не чакаў знайсці шмат каштоўнага, яго рызыкаўная стратэгія дала плён. Адкрыццё найстаражытнейшай еўрапейскай цывілізацыі зрабіла А. Эванса сусветна вядомым вучоным. Ён сцвярджаў, што знайшоў па-

лац міфічнага валадара Мінаса, і сам назваў адкрытую культуру мінойскай. Падчас раскопак яго папярэднія погляды значна змяніліся, аднак працягвалі ўплываць на вызначэнне ім знойдзеных артэфактаў.

У 1921—1936 гг. А. Эванс выклаў сваё бачанне адкрытай ім цывілізацыі ў шматтомнай працы «Палац Мінаса», якая, на думку Н. Марынатас, на доўгія гады абумовіла пошукі іншых археолагаў. Згодна з меркаваннямі брытанца, адкрыты ім палац з’яўляўся лабірынтападобнай канструкцыяй — правобразам знакамітага Лабірынта ў старажытнагрэчаскай міфалогіі і галоўным грамадскім цэнтрам Крыцкай дзяржавы ў першай палове II тысячагоддзя да н. э. Мінойскае грамадства яму падавалася адзіным і мірным. Рэлігійныя вераванні мінойцаў засноўваліся на шанаванні вялікай багіні, падобнай на малаазіяцкую Кібелу, а вядучая сацыяльная роля належала жанчынам са жрэчаскага саслоўя. Цікава, што ў працы прыводзіліся матэрыялы раскопак, якія супярэчылі карціне, намалёванай аўтарам. Так, у першым томе змяшчаліся апісанні мужчынскіх скульптур з месцаў шанавання [1, с. 682].

У адным з раздзелаў Н. Марынатас спыняецца на эвалюцыі поглядаў свайго бацькі. Ён спярша быў прыхільнікам ідэй А. Эванса, але, набыўшы асабісты вопыт даследчыка, паступова адмаўляўся ад іх. Канчаткова С. Марынатас упэўніўся ў іх хібнасці пасля адкрыцця мінойскага горада на Сантарыне. Хоць грэчаскаму археолагу прыходзілася фактычна абвяргаць свайго вялікага папярэдніка, ён ніколі прылюдна не ставіў пад сумненне высновы А. Эванса, імкнуўся прытрымлівацца распрацаванай у «Палацы Мінаса» храналогіі і нават спасылаўся на аўтарытэт А. Эванса, калі даваў тлумачэнні знойдзеным ім рэчам. Дык што спыняла С. Марынатаса? Ці толькі глыбокая павага перад чалавекам, які адыграў значную ролю ў яго асабістым лёсе і ў даследаванні грэчаскага мінулага? Н. Марынатас не дае прамога адказу на гэта пытанне, але зазначае, што паводзіны яе бацькі — толькі адзін з прыкладаў, характэрных для спецыялістаў, што вывучаюць мінойскую цывілізацыю.

Даследчыцкая рэчаіснасць па сваёй прыродзе даволі складаная, і тое, што тэарэтычныя погляды часам аказваюцца больш важнымі для канчатковых высноў, чым практычны досвед, не навіна для навуковага свету. Працэс даследчай працы ўключае пастаноўку мэты, якая фарміруецца на базе першасных уяўленняў даследчыка. Гэтыя ўяўленні, у сваю чаргу, уплываюць на канчатковы вынік даследавання. У некаторых выпадках вынік можа прымаць форму канструкцыі, далёкай ад таго, што ёсць на самай справе. Аднак у працэсе навуковай дзейнасці адбываецца

назапашванне новых фактаў, высновы пераглядаюцца і эфект першасных уяўленняў змяняецца. Так адбываецца ў любой навуцы, у тым ліку ў археалогіі. Напрыклад, першыя даследчыкі цэнтральнаамерыканскіх культур прынялі грамадства старажытных майя за рэлігійных пацыфістаў, якія шанавалі час [4, с. 8, 9]. Але ў другой палове ХХ ст. іх погляды былі цалкам перагледжаны, выкрыты ваенныя канфлікты, сацыяльныя хваляванні, нанова апісаны міфалогія і рэлігія.

Выпадак А. Эванса больш складаны. Ён не проста высунуў пэўныя погляды, а стварыў тую мінойскую культуру, якую жадаў бачыць. З 1903 г. ён актыўна экспанавваў свае знаходкі. Сярод іх былі рэчы з так званай «храмавай скарбніцы», у тым ліку жаночыя фігуркі, названыя «багінямі са змеямі». Як высветлілася пазней, усе яны з'яўляліся падробкамі. А. Эванс быў папярэджаны наконт некалькіх фігурак, але працягваў адстойваць іх сапраўднасць і сцвярджаў, што сучасныя яму мастакі не здольны вырабіць статуэткі падобнай якасці [3]. «Багіні са змеямі» з'яўляліся яскравай ілюстрацыяй яго веры ў тое, што мінойцы шанавалі матрыярхальны жаночы вобраз, і ён не збіраўся адмаўляцца ад іх выкарыстання. Н. Марынатас таксама прыводзіць факты сумнеўных маніпуляцый А. Эванса з нібы знойдзенымі рэчамі — так званымі «пярсцёнкамі Нестара і Мінаса».

З 1905 г. па ініцыятыве брытанскага археолога праводзілася рэстаўрацыя Кноскага палаца. Асноўны этап работ прыпаў на міжваенны перыяд пасля 1925 г., якраз тады, калі А. Эванс публікаваў сваю працу. На гэтым этапе быў надбудаваны трэці паверх са знакамітымі чырвонымі калонамі, якія ў нашы дні з'яўляюцца візітнай карткай Кноса. Акрамя таго, былі зроблены істотныя выпраўленні ў інтэр'еры. Для рэстаўрацыі археолог прыцягнуў некалькі прафесійных мастакоў. Найбольш вядомымі з іх былі швейцарцы Эміль Жылеран-старэйшы (1850—1824) і Эміль Жылеран-малодшы (1885—1939). Яны займаліся аднаўленнем фрэсак і ўнутранага аздаблення. Кэці Гір, аўтар кнігі «Кнос і прарокі мадэрнізму», выдадзенай у 1909 г., прысвяціла вынікам дзейнасці А. Эванса і запрошаных ім мастакоў у Кносе асобны раздзел [2, с. 105—140]. Яна паведамляе, што знакамітая кноская фрэска з дэльфінамі была «ўзноўлена» па ўсяго некалькіх малых фрагментах. На іх быў бачны толькі блакітны колер, але не постаці. Фрэска «Прынц з лілеямі» не супадае з рэшткамі фрагментаў, паверх якіх намалявана. Распісы сцен так званай «троннай залы» першапачаткова ўпрыгожвалі падлогу. А. Эванс лічыў, што вытокі мінойскай культуры трэба шукаць у Афрыцы. Каб пад-

крэсліць сувязь мінойцаў з Егіптам і Лівіяй, мастакі надавалі людзям на фрэсках некаторыя негроідныя рысы, а таксама намалявалі двух тыповых афрыканцаў.

А. Эванс здолеў стварыць міф, заснаваны на моцным тэарэтычным падмурку. Ён аказаўся прывабным як для навуковага свету, які чакаў пацверджання сваім канцэпцыям, так і для шырокай публікі, уражанай цудоўнай казкай пра старажытную цывілізацыю, што мела развітую мастацкую культуру, была аб'яднана жаночым вобразам і не ведала ўнутраных ваенных разладаў. Да нашых дзён Кнос, зменены А. Эвансам, з'яўляецца другім па наведвальнасці археалагічным аб'ектам Грэцыі. Новыя пакаленні археолагаў, выхаваныя на дадзеным міфе, доўгі час не адважаліся адкрыта абвяргаць яго, паколькі гэта ставіла пад сумненне іх асабістую ідэнтычнасць. Назапашваліся новыя факты. Былі выяўлены горад на Сантарыне, значна большы па сваіх памерах, чым Кнос, рэшткі мінойскіх ваенных умацаванняў, сведчанні чалавечых ахвярапрынашэнняў, шанавання Бога ў мужчынскім абліччы і нават сакральнага канібалізму.

Супярэчлівыя дзеянні А. Эванса можна разглядаць як выклік. Але ўрэшце ён не здолеў пераадолець тую рэчаіснасць, якой падпарадкаваны кожны даследчык. Яго погляд на мінойскую цывілізацыю аналізуецца і пераглядаецца, і кніга Н. Марынатас — найлепшы таму доказ.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Evans A.* The Palace of Minos: A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the Discoveries at Knossos. London : Macmillan, 1921.
2. *Gere C.* Knossos and the Prophets of Modernism. University of Chicago Press, 2009.
3. *Lapatin K.* Snake Goddesses, Fake Goddesses. How Forgers on Crete Met the Demand for Minoan Antiquities // *Archaeology*. Vol. 54, № 1. 2001. P. 33—36.
4. *Гуляев В.* Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М. : Искусство, 1984.

Д. С. Самахвалаў, дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

CONTENTS

PREFACE	3
----------------------	---

SOURCE STUDIE

<i>Guzhalovsky A. A.</i> New documents on the political purge of BSU students in the 1929/30 academic year 37 Modern «Laterna magica» native History	5
<i>Zaharkevitch S. A.</i> «These collectors of folk wisdom behave in different ways...»: Field diaries ethnographic expeditions of the Academy of Sciences of the BSSR the second half of the 1940s. as a historical source	20
<i>Lugovtsova S. L.</i> Activities of the Senate of the Russian Empire in 1820—1830-ies Tsiprinusa eyes	32
<i>Malugin O. I.</i> «Historia Brittonum» Nennius: source analysis problems	45
<i>Shmagun A. A.</i> The main sources of reconstruction of the Estonian e-Government system	56
<i>Shahzad T.</i> «Kitab batanj al-hindi» al-Biruni	65

THE HISTORIOGRAPHY

<i>Kulinok S. V.</i> Modern Russian language historiography about the activities of intelligence, sabotage and spy schools of German special services on the territory of Belarus in the Great Patriotic War (1990-ies. — Present)	73
<i>Landina L. V.</i> French monarchs of the era of absolutism and their entourage: Soviet historiography discourse of the 1920—50s.	83
<i>Litvinovskaya Y. I.</i> Correspondence of Prince Bagration with cabinet and the heads of the company officer during the fighting 2nd Western armies in Belarus in the summer of 1812 on the documents, collected and published by P. I. Shchukin	103
<i>Malinovskaya E. L.</i> The current state of the historiography of the issue of formation of the Belarusian intelligentsia of 1920—30	115
<i>Shayko A. E.</i> Works of folk style of flamenco as a historical source: the problem of the origin and development of the Spanish historiography	128

<i>Andreyanova Y. A.</i> Australian series system: creation background and main features	140
<i>Savich A. A.</i> Sharvark in western Belarus 1921—1929 judgement in the context of historiographical	147
<i>Chizh A. M.</i> The problem of energy security in domestic and foreign policy of the states: The main directions of research	158

SPECIAL HISTORICAL SCIENCES

<i>Morozov D. V.</i> Historiography of the history of the protection of monuments in Western Belarus in 1921—1939	165
<i>Sidarovich V. M.</i> The history of study of antique coins in Belarus	176
<i>Jurgenson V. A.</i> Money of the Grand Duchy of Lithuania when Stefan Batory and Sigismund Vasa: process of unification of the monetary systems of the Principality and the Crown	187
<i>Kolabava I. N.</i> Archival documents of the XIX century on remelting of the Russian copper coins	195
<i>Khodzin S. N., Buzun D. N.</i> Demographic structure of Belarus rural population according to census 1926 materials	202
<i>Kalechits I. L.</i> Graffiti of the Evdokiya cell in Spaso-Preobrazhenskaya church of Polotsk	210

JUBILEE

By the 175th anniversary of the birth of Basil Osipovich Klyuchevsky	218
<i>Shumeyko M. F.</i> Vasily Osipovich Klyuchevsky — honorary member of the Vitebsk scientific archival commission	219
<i>Teplova V. A.</i> Western influence on Russian culture XVII. in scientific heritage V. O. Kljuhevskogo and K. V. Kharlampovich	226
<i>Shumeyko M. F.</i> Phenomenon N. N. Ulashchik historian	231

REVIEW

<i>Samakhvalau D. S.</i> Marinatos N. Sir Arthur Evans and Minoan Crete: Creating the Vision of Knossos	239
--	-----

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА	3
-----------------------	---

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

<i>Гужалоўскі А. А.</i> Новыя дакументы пра палітычную чыстку студэнтаў БДУ ў 1929/30 навучальным годзе	5
<i>Захаркевіч С. А.</i> «Эти собиратели народной мудрости ведут себя по-разному...»: полевые дневники этнографических экспедиций Академии наук БССР второй половины 1940-х гг. как исторический источник	20
<i>Луговцова С. Л.</i> Деятельность Сената Российской империи в 1820—30-е гг. глазами Ципринуса	32
<i>Малюгин О. И.</i> «Historia Brittonum» Ненния: проблемы источниковедческого анализа	45
<i>Шмагун А. А.</i> Основные источники реконструкции системы электронного правительства Эстонской Республики	56
<i>Шахзад Т. В.</i> «Kitab batanjál al-hindi» аль-Бируни	65

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Кулинок С. В.</i> Историография деятельности разведывательно-диверсионных и шпионских школ немецких спецслужб на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1990-е гг. — по настоящее время)	73
<i>Ландина Л. В.</i> Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920—50-х гг.	83
<i>Литвиновская Ю. И.</i> Переписка князя П. И. Багратиона с корпусными и отрядными начальниками во время боевых действий 2-й Западной армии в Беларуси летом 1812 г. по документам, собранным и опубликованным П. И. Щукиным	103
<i>Малиновская Э. Л.</i> Современное состояние историографии вопроса формирования интеллигенции Беларуси в 1920—30-х гг.	115

<i>Шейко Е. А.</i> Произведения фольклорного стиля фламенко как исторический источник: проблема происхождения и развития в испанской историографии	128
<i>Андреянова Ю. А.</i> Австралийская система «Серий»: предпосылки возникновения и основные положения	140
<i>Савіч А. А.</i> Шарваркі ў Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. у кантэксце гістарыяграфічнага асэнсавання	147
<i>Чиж А. М.</i> Проблема энергетической безопасности во внутренней и внешней политике государств: основные направления исследований	158

СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Морозов Д. В.</i> Историография истории охраны памятников в Западной Беларуси в 1921—1939 гг.	165
<i>Сідаровіч В. М.</i> Гісторыя вывучэння антычных манет у Беларусі	176
<i>Юргенсон В. А.</i> Денежное обращение Великого княжества Литовского: процессы унификации денежных систем Княжества и Короны	187
<i>Колабава І. Н.</i> Архіўныя дакументы XIX ст. аб пераплаўцы расійскай меднай манеты	195
<i>Ходін С. Н., Бузун Д. Н.</i> Демографическая структура сельского населения Беларуси по материалам переписи 1926 г.	202
<i>Калечиц И. Л.</i> Граффити кельи Евдокии в Спасо-Преображенской церкви Полоцка	210

ЮБЛЕІ

К 175-летию со дня рождения Василия Осиповича Ключевского	218
<i>Шумейко М. Ф.</i> Василий Осипович Ключевский — почетный член Витебской ученой архивной комиссии	219
<i>Теплова В. А.</i> Западное влияние на культуру России XVII в. в научном наследии В. О. Ключевского и К. В. Харламповича	226
<i>Шумейко М. Ф.</i> Феномен Н. Н. Улащика-историка	231

РЭЦЭНЗІІ

<i>Самахвалаў Д. С.</i> Marinatos N. Sir Arthur Evans and Minoan Crete: Creating the Vision of Knossos	239
--	-----

Навуковае выданне

**КРЫНІЦАЗНАЎСТВА
І СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ
ГІСТАРЫЧНЫЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ**

НАВУКОВЫ ЗБОРНІК

Выпуск 11

У аўтарскай рэдакцыі

Адказы за выпуск *Т. М. Турчыняк*
Тэхнічны рэдактар *Т. К. Рамановіч*
Камп'ютарная вёрстка *Л. М. Копач*
Карэктары *Л. С. Мануленка, Н. В. Яненка*

Падпісана да друку 27.10.2016. Фармат 60×84/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 14,41.
Ул.-выд. арк. 14,86. Тыраж 100 экз. Заказ 645.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.
Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.